

МАНЪЕСЮ
ИЗБРАННОЕ

萬葉集

為刺日不悉二書志吉野之乃乃魯丹之下
ありはせれしをいふくやうわ？名れ
うーのいふはすくはるは

去年月不審但以預於載於此次書成
たす春卷たす書二月書中若所難字之時

神龜元年甲子冬十月吉日幸紀伊國時

山部古抄赤人作号一者 并後号

安見初之和部大下之常字亦仕也流左日庶野

МАНЬЁСЮ ИЗБРАННОЕ

萬 葉 集

Перевод с японского
А. Е. ГЛУСКИНОЙ

Tyulemissov Madi مەدى الواصل

tmadi1@gmail.com

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

ББК 84.35(Я)

М24

Составление, предисловие, комментарий
А. Е. ГЛУСКИНОЙ

М $\frac{4703000000-053}{013(02)-87}$ бза объявления

ББК 84.35(Я)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

А. Е. Глускина

ПОЭЗИЯ ЗАКАТА ДРЕВНОСТИ И РАННЕЙ ЗАРИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Манъёсю» («Собрание myriad листьев», VIII в.), первое поэтическое собрание, представляющее поэзию заката древности и зари средневековья, занимает особое место среди знаменитых японских поэтических антологий.

«Манъёсю» справедливо называют сокровищницей японской литературы: в ней заключено исконное поэтическое богатство японского народа, определившее пути и характер дальнейшего развития не только поэзии, но в известной степени и всей литературы. Поэзия всегда играет ведущую роль на начальном этапе развития литературы, применительно же к японской словесности эта роль была настолько значительной, что лирико-субъективная форма художественного повествования, развившаяся на ее основе, стала одной из отличительных черт традиционной японской литературы. Возможно, что влиянием поэзии объясняется преимущественное развитие в японской литературе разного рода мемуарных жанров (дневники, записки, эссе X—XIII вв.), определивших одно из характерных и главных направлений в истории японской литературы на всем ее протяжении.

Песни, отдельные цитаты, образы «Манъёсю» введены в художественную ткань лучших произведений классической прозы и драматургии феодального периода: «Исэ-моногатари», «Ямато-моногатари», знаменитого средневекового романа «Гэндзи-моногатари», классических драм «ёкёку», баллад «дзёбурри»,

дневников — «никки», эссе — «дзуйхицу» («Записки у изголовья» и др.), рассказов эпохи позднего средневековья (периода Эдо) и т. д.

Неоценима роль «Манъёсю» в развитии поэзии. На ее основе впоследствии создавался художественный канон классических антологий «Кюкинсю», «Синкюкинсю» и др. Самобытная поэзия этого древнейшего письменного памятника определила национальную специфику японского поэтического творчества в целом, ее поэтические традиции живут до сих пор в национальных жанрах современной японской поэзии.

Первый письменный памятник японской поэзии, ценнейший памятник японской культуры, «Манъёсю» является предметом национальной гордости японского народа. «Манъёсю» — это огромный, особый поэтический мир, отражающий жизненный опыт ряда поколений, своего рода поэтическая энциклопедия эпохи, освещающая исторические события, общественно-бытовой уклад, нравы и обычаи отдаленных времен. Это поэзия большой временной протяженности (IV—VIII вв.), разных исторических пластов, объединяющая творчество различных социальных слоев японского общества, той отдаленной эпохи, когда поэзия органически входила в жизнь и быт.

В 20 книгах памятника — 4516 песен. Содержание антологии весьма разнообразно и не ограничено «специальной поэтической темой», как в некоторых последующих поэтических антологиях. Здесь воспеваются «лопатка для добывания корней-травы», «любование осенней луной» и «толчение риса», император, развлекающийся охотой, и простой рыбак, занимающийся рыбной ловлей, красоты природы и детали быта, старинные обычаи и обряды, исторические события и картины труда.

В «Манъёсю» представлено около 500 авторов: от древних правителей, представителей придворной среды и чиновников, от знаменитых поэтов до пограничных стражей, рыбаков и землепашцев, а также анонимная и фольклорная поэзия.

Наличие фольклорного материала отличает памятник от всех позднейших антологий и придает ему особое историко-литературное значение, позволяя проследить пути, по которым шло становление литературной поэзии, выросшей на почве устного народного творчества.

Эта «обнаженность» литературной истории дает возможность видеть, что порой поэтические произведения антологии, подписанные именами правителей и других высокопоставленных лиц, являются записью народных песен или их «литературным» вариантом, а высокая поэтическая культура ано-

нимных песен позволяет предполагать, что среди них есть песни знаменитых поэтов или обработанные ими народные песни (подписи же, видимо, не сохранились или были в свое время одиозны). Во всяком случае, многие поэты «Манъёсю», как указывают материалы памятника, подолгу находились в ссылке, жили далеко от столицы и занимались собиранием народных песен.

Благодаря поэтическим достоинствам антологии, своеобразию нашедших отражение в ней поэтических традиций, сложившихся в ту пору, VIII век, или эпоха Нара (названная по имени столицы Японии того времени), эпоха раннего феодализма, заслуженно считается одной из самых блестящих страниц в истории японской литературы, периодом особого расцвета японской поэзии.

Расцвет лирической поэзии в эпоху Нара, ее ведущая роль на первых этапах развития японской литературы во многом объясняется тем, что VIII век был веком относительного спокойствия. Внешние войны не беспокоили страну. А придворные интриги, отдельные заговоры, местные восстания еще сохранившихся кое-где инородных племен не слишком нарушали общий мирный ход событий. Японские исторические музеи-храмы, созданные примерно в то же время, знаменитая сокровищница Сёсоин в городе Нара хранят редкие художественные и археологические памятники, предметы прикладного искусства, бронзу, лак, парчу, старинные зеркала, резные шкатулки, ларцы, сосуды и т. п., свидетельствующие о высокой художественной культуре того времени. Среди этих изделий встречаются предметы обихода и произведения искусства индийского, китайского, персидского, среднеазиатского и даже арабского и греческого происхождения. Все это говорит о пересечении многих культур в пору первого расцвета японской литературы и искусства раннего средневековья, о разных источниках, питавших культуру Японии.

Исторические документы свидетельствуют об очень ранних связях Японии с материковой культурой, существовавших чуть не с I в. до н. э.¹ Этими связями она обязана в основном своему ближайшему соседу — Китайской империи, которая уже в те времена имела оживленные торговые связи с Арабским халифатом, Индией, Персией и другими государствами. Следует указать и на широкие контакты с культурой древних княжеств Кореи, оказавшей немалое влияние на многие стороны жизни

¹ Конрад Н. И. Лекции по истории Японии. Ч. 1. Древняя история. М., 1937, с. 3.

древней Японии, на ее язык, развитие материальной и духовной культуры, тем более что в VIII в. на японской земле, в западной части о-ва Хонсю, существовали целые поселения корейцев. Китайские и корейские переселенцы, и в первую очередь буддийские монахи, приезжавшие из Китая и Кореи, в немалой степени способствовали всякого рода нововведениям в стране.

История рассказывает, что к VIII в. Япония представляла собой централизованное государство, во главе которого стоял общеплеменной вождь, или вождь общеплеменного союза, именуемый в японских исторических хрониках императором в подражание Китаю. По китайскому образцу был построен государственный аппарат Японии. А вместо обычного права появился кодекс Тайхорё (701 г.) — законодательство, охватывающее и регламентирующее все стороны государственной и общественной жизни.

Была усвоена иероглифическая письменность Китая. На основе китайской письменности вырабатывалась собственная слоговая фонетическая азбука «кана». Интенсивно перенимались нравы и обычаи китайского двора. Изучение китайской литературы в широком смысле этого слова, пропаганда буддизма, а также конфуцианства являлись основой системы просвещения.

В VIII в. Япония систематически направляла специальные посольства в Китай, ко двору Тан, и в корейское княжество Сираги (Силла), что, в свою очередь, содействовало развитию японских ремесел, науки, литературы и искусства.

Однако, несмотря на широкое покровительство, оказываемое при дворе буддизму, и активную пропаганду этических норм конфуцианских учений, национальная религиозная система, получившая впоследствии название «синтоизм» (от «синто» — «путь богов»), в основе которой изначально лежит обожествление сил природы, в частности культ солнца, а также играющий первостепенную роль в религиозном сознании японцев того периода культ предков, еще занимала господствующее положение в стране. На алтарь богов приносились пышные дары. Еще бытовали старинные суеверия и приметы, гадания и заговоры, древние запреты, главенствующее влияние на все имела вера в магию слов (*котадама-синко* — букв. «вера в душу слова»). Пользовались популярностью даосские легенды об эликсире бессмертия и других волшебных средствах, возвращающих молодость и продлевающих жизнь.

Сам император, насаждавший иноземную культуру, являлся в то же время верховным жрецом своего народа и «предста-

вителем богини солнца» на земле и в этом смысле был неотделим от всей системы магическо-религиозных верований.

Внешние признаки роскоши, процветания, культурного расцвета сочетались с древнейшими пережитками бытового уклада, с нищетой и беспомощностью земледельца. На трудных, опасных дорогах умирали от голода крестьяне, возвращавшиеся после отбытия трудовой повинности. Бедствовали семьи пограничных стражей, увезенных на далекий остров Кюсю, где в течение ряда лет тянули лямку тяжелой службы. От непосильных оброков страдали деревни. А в императорскую столицу плыли нагруженные жемчугом и рыбой челны рыбаков, тянулись повозки с «бесценным грузом — первыми колосьями риса», ежегодно приносимыми в дар императору. Подневольным трудом создавалась роскошь столицы. Устраивались пиры, увеселительные прогулки, объявлялись поэтические турниры, прорастали первые ростки литературной поэзии и искусства, которым суждено было сохранить о себе славу на всем протяжении японской истории.

Создавшиеся сложные противоречия объясняются, видимо, тем, что Япония в те далекие времена, творчески освоив богатый опыт соседних стран, сделала гигантский скачок в культурном развитии, но вместе с тем волна материковой культуры, ускорившая процесс ее внутреннего роста, не могла сразу повлечь за собой полную перестройку всей ее духовной и материальной жизни.

В «Манъёсю» представлена поэзия не только раннего феодального периода, но и периода разложения родового строя при уже развитом земледелии. Во всяком случае, содержание песен позволяет сделать такие выводы. Большая часть песен относится к VII—VIII вв. При этом поэзия «Манъёсю» содержит песни не только разных исторических пластов и различных социальных слоев, но и разных земель и островов. Больше всего текстов западных провинций, главным образом центральной провинции Ямато, сравнительно много народных песен восточных провинций, и лишь отдельные народные песни северных провинций и о-ва Кюсю.

Из национальных поэтических жанров в «Манъёсю» представлены: *тёка*, или *нагауга*, — букв. «длинная песня» (в переводе на язык известных нам видов поэзии объединяет в себе и балладу, и поэму, и элегию, и оду), *танка*, или *мидзикауга*, — букв. «короткая песня» (пястишие, получившее впоследствии широкую известность как основной жанр средневековой япон-

ской лирики и один из распространенных жанров современной поэзии, в данном памятнике объединяет обрядовую и лирическую песню, а также, если подыскивать западные аналогии, эпиграмму, мадригал, средневековую альбу, частушку и чувствительный романс) и, наконец, *сэдока* («песня гребцов», или «песня рыбаков») — шестистишие, по содержанию обрядовая или лирическая песня. Из 4516 песен «Манъёсю» можно выделить 57 *сэдока*, 265 *нагаута* и 4194 *танка*.

Метрически все эти поэтические жанры строятся на чередовании определенного количества слогов. В *тёка*, или *нагаута*, свободно чередуются пяти- и семисложные стихи, образующие двенадцатислоговые звенья, выраженные двумя строками и закрепленные в конце добавочной строкой из семи слогов. Для *тёка*, или *нагаута*, более позднего периода характерно наличие *ханка*, или *каэси-ута*, — своеобразного припева, или рефрена, в виде примыкающей к *тёка танка* — пятистишия, передающего основную мысль или главный эмоциональный акцент «длинной песни»; иногда это просто отклик на содержание *тёка*, порой даже в виде ответа от другого лица. Последнее, видимо, отражает переключку женского и мужского хора в обрядовых хоровах. *Каэси-ута* может быть несколько и разных по характеру, но чаще бывает одна или две.

В *танка* (в ее классическом образце) чередование количества слогов выражается следующим образом: 5—7—5—7—7. Однако в «Манъёсю» эта форма нестабильна, бывают строфы типа 5—7—7—7 или 5—7—5—7—8 и др. В классической *танка* X в. цезура обычно бывает после третьей строки, а в песнях «Манъёсю» встречается после двух первых строк или перед последней строкой. Антология в данном случае отражает процесс постепенной стабилизации *танка* на пути к ее классической форме.

Для шестистишия — *сэдока* — характернее всего чередование слогов типа 5—7—7—5—7—7. В своей наиболее древней форме *сэдока* выражает переключку двух сторон, т. е. женской и мужской половин хора, в виде вопроса и ответа.

По тематике песни делятся на три основные группы: *дзока*, или *кусагуса-но ута*, — «разные песни», куда входят песни об охоте, странствованиях, пирах, встречах, разлуке, песни, посвященные грусти о старой столице и восхваляющие новую столицу. Вторая наиболее древняя группа — это *сомон*, или *акикоэ-но ута*, — «песни-переключки», или *ситасими-но ута*, песни любви — наследие обрядовых хорохов, когда песни исполнялись поочередно мужским и женским полухориями. И наконец, *банка*, или *канасими-но ута*, — «плачи», а впоследствии

просто песни печали по разным поводам и вообще разные песни элегического содержания.

Помимо трех основных групп встречаются песни под названием *хиюка* («песни-аллегории»), *мондо* — «песни-диалоги», или «песни вопросов и ответов», также представляющие наиболее древнюю форму песни, и некоторое количество текстов с более мелкими обозначениями, заменяющими названия песен.

В «Манъёсю» мы наблюдаем становление специфических литературных приемов, вошедших впоследствии в традиционный канон. В качестве наиболее характерного назовем *макура-котоба* (букв. «изголовье-слово»), выполняющее роль постоянного зачина, постоянного эпитета, постоянного звукоповтора. Этот архаический прием в лапидарной форме воссоздает картину природы, быта, обряда, дает характеристику местности, ибо несет след окаменевшей связи, подсказанной закономерно повторяющимися явлениями жизни, исторической традицией, мифологическими представлениями (например, «ветер богов» или «гнев богов» — *макура-котоба* к названию провинции Исэ, где находится главный храм богини солнца Аматаэрасу).

Можно отметить и прием *какэкотоба* — игра на омонимах: слово используется в стихотворении в двух разных смысловых значениях (например, *мацу* значит и «сосна» и «ждать» — в тексте стиха используются оба значения).

Материал памятника обнаруживает ту почву, на которой возникли поэтические образы литературной поэзии (так, «ветер и волны — помеха рыбаку» стали в лирической *танка* метафорой преград и т. п.).

Песни сочинялись по всякому поводу. Условия их бытования сделали их поэзией экспромта, а это, в свою очередь, закрепило ведущую роль за «короткой песней» — *танка*, которая лучше всего отвечала задачам экспромта. «Длинные песни» сохранились главным образом в виде плачей и од, что находит объяснение в формах придворной жизни того времени. Оды создавались в соответствии с требованиями придворного ритуала, плачи были связаны с пышной похоронной обрядностью. Привычное поэтическое видение мира создает подтекст, подсказывает ассоциации и образы, лежащие вне текста, слушатель сам дополняет картину встречными эмоциями и представлениями. Художественное восприятие складывается из услышанного и дополненного собственным воображением и чувством, из текста и подтекста, подсказываемого поэтической традицией. Условия существования песни (а она почти всегда была экспромтом) определили ее краткость, полнокровная связь с повседневным

бытом — ее жанровое разнообразие, а длительная поэтическая традиция обусловила ее художественную емкость.

Даже после появления письменной поэзии *танка* по-прежнему называлась *ута* — «песня», потому что порой исполнялась под музыку, но и впоследствии, когда была утрачена традиция музыкального сопровождения, *танка* сохранила песенную интонацию, и название «ута» навсегда сохранилось за этим жанром.

Данное издание не является сокращенным вариантом антологии «Манъёсю» и не ставит задачу показать все ее особенности, все разнообразие материала, а также представить композицию разделов. Цель настоящего сборника несколько иная.

При отборе песен переводчиком прежде всего руководило желание дать общее представление о достижениях и характерных свойствах поэзии, представленной в памятнике, которые легли в основу дальнейших поэтических традиций, в известной степени сохранившихся в японской поэзии до сих пор.

Важно было дать читателю представление о высокой поэтической культуре эпохи Нара — для этого пришлось собрать воедино лучшие произведения крупнейших поэтов «Манъёсю», помещенные в разных разделах памятника. Не менее важным представлялось показать самое существенное в народной поэзии, записи которой сохранились только в «Манъёсю» (этим она отличается от других японских классических антологий), ведь именно народная поэзия служила постоянным источником вдохновения для лучших поэтов «Манъёсю» и была плодотворной почвой для произрастания и становления литературной поэзии в целом.

В соответствии с этими задачами в книге выделены разделы авторской поэзии, анонимной поэзии, куда вошли песни неизвестных авторов, и поэзии народной — записи народных песен, песни-легенды, а также песни, основанные на преданиях. Разумеется, такое деление условно.

Раздел авторской поэзии открывается произведениями пяти крупнейших поэтов «Манъёсю»: Какиномото Хитомаро (конец VII — начало VIII в.), Ямабэ Акахито (первая половина VIII в.), Яманэ Окура (659—733), Отомо Табито (665?—731), Отомо Якомоти (718—785). Первые два из перечисленных поэтов — Хитомаро и Акахито славятся «двумя гениями японской поэзии» («футахидзири»). А все пять поэтов, каждый в отдельности, являются, по сути, основоположниками разных направлений в поэтическом творчестве японского народа.

Какиномото Хитомаро, первый великий поэт Японии, известен как лучший мастер «длинных песен». Пользуются известностью и его «короткие песни», воспевающие ночной небосвод

и красоты природы знаменитой местности Ёсину. Для его од характерно восхищение красотой и величием мироздания, для элегий — грустное раздумье о быстротечности жизни, глубокая печаль, тонко и искусно выраженная через образы природы.

Идеалами возвышенной любви проникнуты песни Хитомаро, посвященные возлюбленной, затем жене. Песни его поэтических сборников, включенные в «Манъёсю», донесли до последующих поколений большое количество переработанных им вариантов народных песен. Поэзия Хитомаро многое унаследовала от традиций народной песни. Для его творчества характерны параллелизмы, ритмические повторы, в стихах его звучит напевность народной песни. Образам, сравнениям, приемам, унаследованным от народной песни, он придал отточенность и мастерство. Его произведения приобрели законченную художественную форму, строго индивидуальный стиль, стали образцом высокого поэтического искусства.

Второй «гений японской поэзии» — Ямабэ Акахито при всей его близости к народной песне представляет собой иную творческую индивидуальность. Его можно считать основоположником пейзажной лирики в японской поэзии. И если Хитомаро известен главным образом как мастер торжественных од и элегий, то Акахито прославился как мастер малой формы — *танка*.

Из его «длинных песен» особенно знаменита ода, посвященная священной горе Фудзи. И особую, отдельную славу обрел сопутствующий этой оде рефрен — *каси-ута*.

Манера письма Акахито проста и непосредственна. В его песнях немного стилистических украшений, и вместе с тем они необыкновенно поэтичны и образны. Буквально несколькими штрихами Акахито создает живую пейзажную зарисовку.

Его поэзия, близкая народной песне безыскусностью и искренностью, замечательна блеском зрелого мастерства, художественной завершенностью.

Яманэ Окура — поэт совершенно другого склада. Он принадлежал к самым образованным людям, жил одно время в Китае, прекрасно знал китайскую литературу и философию, писал стихи на китайском языке. Это был первый в японской поэзии поэт-гражданин, именно в его произведениях впервые зазвучали мотивы социального неравенства (поэма «Диалог бедняков», песни, посвященные думам о детях).

Поэзия Окура содержит и философские размышления о быстротечности жизни, навеянные буддийскими учениями, и «общие» мотивы поэзии того времени. Близки ему и сюжеты народных песен. Среди лучших его произведений — песни о любви к детям, песня об утрате любимого сына.

Подлинный гуманист, «социальный поэт», Окура заложил основы гражданской поэзии еще в далекую эпоху Нара. Этим определяется его особое значение в истории японской литературы.

Друг Окура — Отомо Табито также был образованным человеком, знакомым с китайской литературой и философией. Представитель знатного рода Отомо, он занимал высокие должности при дворе, но впал в немилость, многие годы провел в изгнании на о-ве Кюсю и только под конец жизни получил разрешение вернуться в столицу.

Из произведений Табито наибольшей известностью пользуется цикл песен, посвященных вину, перекликающийся с аналогичными произведениями китайской поэзии, но тем не менее глубоко самобытных по решению темы.

В песнях цикла «Гимн вину» Табито высмеивает конфуцианских и буддийских книжников, пользовавшихся покровительством правящего императорского дома, что было в известной степени критикой самого двора. В этом смысле его песни можно рассматривать как зачатки сатиры, открывающие путь для дальнейшего развития определенного направления поэзии.

Табито многое унаследовал от народной песни, в его произведениях встречаются «общие» сюжеты, образы, сравнения, приемы, характерные для ранней японской поэзии.

Лучшие образцы его лирики — песни об утрате любимой жены, о любви к другу, песни, созданные в изгнании, выражающие его глубокую тоску о родных местах, о столице Нара.

Самый молодой из знаменитой пятерки нарских поэтов — Отомо Якамоти, сын Отомо Табито, едва ли не самая значительная фигура в формировании ранней средневековой японской поэзии. Якамоти, как и отец, служил при дворе, но часто подвергался опале и подолгу жил в изгнании, вне столицы.

В песнях своего лирического дневника Якамоти в форме иносказания, посредством образов природы, выражает сочувствие заговорщикам против императора. Некоторые песни из этого собрания нуждаются в специальном исследовании; возможно, многое в них имело в те времена аллегорический смысл, понятный лишь современникам.

Якамоти оставил по себе славу не только составителя «Манъёсю», но и лучшего среди воспевавших любовь поэтов, представленных в антологии. Характерные основные черты более поздней классической поэзии X—XIII вв. во многом просматриваются в творчестве Якамоти. В этом прежде всего его особое значение как основоположника японской куртуазной средневековой поэзии.

Помимо названных поэтов знаменитой пятерки в разделе помещены лучшие образцы творчества талантливых поэтов Каса Канамура, Такахаси Мусимаро, замечательных поэтесс Нукада, Отомо Саканоэ, Каса и др.

Среди авторов раздела представители различных социальных слоев: чиновники различных рангов, крупные государственные деятели, члены императорского дома, придворные дамы, дочери известных аристократов, унэмэ — деревенские красавицы, взятые во дворец и обслуживающие гостей во время пиршеств.

Здесь также помещена и знаменитая переписка рыцаря Накатоми Якамори, находившегося в изгнании, с его возлюбленной Сано Отогами. Их послания являют собой высокохудожественный образец глубоко проникновенной любовной лирики. Раздел авторской поэзии мы завершаем песнями землепашцев и рыбаков, уходящих в пограничные стражи. Их песни можно было бы по праву поместить в раздел народных песен восточных провинций, но, поскольку они имеют подписи авторов, они помещены в первом разделе книги.

Песни эти собирали по распоряжению начальства вербовщики пограничных стражей для того, чтобы выяснить настроение в народе. Собирали народные песни, как свидетельствуют материалы самого памятника, и губернаторы, и их помощники в разных провинциях. Вероятно, был использован опыт Китая, где это поручалось делать всем провинциальным чиновникам, чтобы знать о мыслях и настроениях, распространенных в народе. Вошедшие в антологию песни, вероятно, были переданы вербовщиками составителю «Манъёсю», поэту Отомо Якамоти, который одно время служил в военном ведомстве.

Второй раздел настоящего издания, раздел анонимной поэзии, открывается песнями из старинных собраний. Они представлены главным образом «длинными песнями» разного содержания, стихами наиболее старинного стиля и высокой поэтической культуры. Многие из них взяты из сборника Хитомаро, в котором он записывал народные и чужие авторские тексты. Среди них стихи, принадлежащие его перу, однако в памятнике они отнесены к анонимной поэзии, поскольку выделить с полной мерой достоверности тексты Хитомаро, не имеющие его подписи, не представляется возможным.

Далее мы поместили песни неизвестных авторов из разных провинций.

Отдельно представлена народная поэзия западных провинций, восточных и северных провинций, а также о-ва Кюсю (лишь частично в точных записях; в сравнительно нетронутом

виде сохранились песни восточных провинций, которые были записаны на местном диалекте). Среди записей песен западных провинций, подвергшихся в определенной мере литературной обработке, возможно, также встречаются авторские песни, но отсутствие датировки и подписей не позволяет их выделить из этого раздела, тем более что народная и литературная поэзия в тот далекий период были настолько органично связаны, что даже авторская подпись не всегда свидетельствует об индивидуальном творчестве в современном понимании слова.

Наличие постоянных сюжетов, мотивов, тем, образов, сравнений, эпитетов, иногда общих зачинов и концовок, готовых поэтических формул в авторской поэзии — явление неслучайное. Если в народной поэзии это обусловлено самим характером творческого процесса, самой формой устной передачи песни, то в авторской поэзии это уже результат преемственности народно-песенной традиции, становление средневекового поэтического канона, который прослеживается и до сих пор в национальных поэтических жанрах, красноречиво свидетельствуя об основополагающей роли фольклора в развитии литературной поэзии.

Характерно, что в классических японских антологиях («Кюкинсю», «Синкокинсю» и др.) никогда не выделяли творчество отдельных поэтов, как бы знамениты они ни были. Составлялись эти антологии всегда по тематическому принципу, так что индивидуальное творчество было как бы подчинено общим задачам поэзии, призванной сохранять издавна заведенный порядок, постоянство обычаев, с которыми связывалось представление о благополучии японского народа в древности.

Восприятие мира и человеческой жизни через образы природы, а точнее, через образы четырех времен года, отождествляющее жизнь человека и жизнь природы, изначально получило широкое отражение в поэзии, как и вера в магию слов, представлявшаяся древнему японскому земледельцу средством борьбы за существование, защиты плодов своего труда, охраны рисовых полей от стихийных бедствий (землетрясения, цунами, тайфуна), особенно грозных в условиях Японии. Именно поэтому магия в ту далекую пору играла существенную роль в жизни японского народа, а связь ее с трудовым процессом не только многое определила в развитии, характере и содержании поэзии на раннем этапе ее существования, но и оставила заметный след в классических ее формах. В «Манъёсю» много песен, связанных с разного рода гаданием: древней ворожкой на лопатках оленя, на панцирях черепах, горных лилиях, гадании на воде, камнях и т. п. В обрядовых текстах встречаются

песни, связанные с различными запретами, заговоры против морских бурь, заклинания, произносимые перед путешествием, любовные заговоры, чаще всего связанные с травами или раковинами; впоследствии уподобление типа «возлюбленная — молодая трава», некогда имевшее магическое значение, превращается в стойкую литературную метафору. Природа — источник жизни — была обожествлена и заняла большое место в поэзии.

Средневековые классические японские антологии открывались обычно сезонным циклом стихов — песнями весны, лета, осени и зимы. Учитывая древнейшую веру японского народа в магию слов, следует предполагать, что именно такая последовательность должна была словесно закреплять существующий порядок в природе и жизни.

Культ предков — одна из основ древних японских верований — способствовал, в свою очередь, превознесению прошлого. Следовать обычаям старины, порядку, установленному предками, значило чтить память предков, обеспечивать их расположение, а следовательно, охранять жизненное благополучие и свое, и страны в целом.

Об этом свидетельствуют старинные японские народные земледельческие обряды, поверья и записи, сохранившиеся в исторической летописи «Сёку Нихонги»² (794).

Пиетет к прошлому глубоко и прочно вошел в традиции японского искусства, в частности поэзии, и впоследствии, переосмысленный эстетически, способствовал созданию определенных эталонов и авторитетов.

История японской средневековой поэзии выразительно свидетельствует о том, как велика была сила эстетики, возникшей отчасти под влиянием конфуцианства, но на чисто японской жизненной основе, эстетики, вводящей путем ассоциативных связей каждое конкретное сочинение в широкий, многозначный контекст культуры прошлого.

В дальнейшем эта специфическая черта оформилась как особый литературный прием. Наследование же авторской поэзией от народно-песенной традиции готовых поэтических формул, отдельных стихотворных строк, художественных образов и приемов, «долговечность» этого явления в японской национальной поэзии, как бы поддерживающего сознание коллективности творческого процесса, обусловлены в известной степени постоянно действующей традицией не нарушать обычаи старины.

² См.: Кодай кабсю («Собрание песен древнего периода»). — В серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. III. Токио, 1957, с. 216—217.

Однако при всей органичности связи с народной песней авторская поэзия эпохи Нара — явление качественно иное. Это уже самостоятельное искусство, порожденное новыми условиями, развивающееся и действующее по своим законам. В ней возникают новые темы, сюжеты, жанры. По-новому преломляется многое, унаследованное от народной песни. То, что в народной песне было реальным действием, часто приобретает характер отвлеченный, становится чисто литературным приемом.

В разделе народной поэзии разновидности фольклорных жанров выделены с учетом общеизвестных их характеристик, существующих в мировой практике, а также указаний, имеющих в японской специальной литературе.

Здесь представлены трудовые песни, которые исполняются во время работы и после нее, песни-заговоры, обрядовые песни, песни, связанные с гаданиями, календарная поэзия, посвященная четырем временам года, семейно-бытовые песни, чаще всего песни жены, ожидающей мужа, уехавшего по служебному назначению, плачи, рекрутские причеты и др. Народная поэзия создавалась главным образом в форме *танка*, наиболее удобной для устного экспромта.

Народные песни западных провинций также представлены по преимуществу пятистишиями, встречаются и *сэдока*, *тёка*, или *нагауга*. Значительная часть приведенных песен — это песни-переключки, т. е. песни, которые распевались полухориями во время хороводов.

Среди песен восточных и особенно западных провинций много любовных, лирических.

В конце книги помещены некоторые народные песни северных провинций и о-ва Кюсю. И заключают раздел песни-легенды и песни, связанные с преданиями.

Песни-легенды взяты в основном из сборника поэта Такахаши Мусимаро, любителя народной поэзии. Используются также записи из сборников Хитомаро и Окура. Варианты народных легенд имеются и в разделе авторской поэзии, где они представлены как сочинения Акахито и Якамоти, навеянные народными сказаниями.

С легендами других народов сходна по сюжету легенда о рыбаке Урасима, попавшем в морское царство и полюбившем дочь морского царя. Излюбленным мотивом японских легенд является рассказ о том, как двое, а иногда и трое юношей состязаются из-за любви к одной девушке, а она, жалея их, но не в состоянии сделать выбор, кончает жизнь самоубийством. Популярна легенда о любви двух звезд — Волопаса и Ткачихи (Альтаира и Веги), занесенная из Китая.

Песни, связанные с преданиями, примечательны тем, что сопровождаются прозаическим текстом, поясняющим условия и причины их возникновения. Прозаический текст либо приводится в виде предисловия к песне, либо обрамляет песню, либо помещен после текста. На материале этих сочинений поэзии и прозы можно видеть, как глубоко проникала поэзия древности во все сферы деятельности человека, становясь привычным выражением его дум и чувств, какое место занимала в событийно-повествовательном контексте.

В дальнейшем такое прозаическое обрамление *танка* привело к созданию средневекового японского песенно-повествовательного жанра *ута-моногатари*, и этапами на пути его становления были песни-импровизации, рожденные конкретными обстоятельствами (которые необходимо было тут же пояснить), и песни более позднего происхождения, превратившиеся из песенного диалога в поэтическую переписку, обмен письменными строфами, а также односторонние послания, требующие от читателя или слушателя представления о конкретной ситуации, в которой возникли эти тексты.

Нельзя не подчеркнуть еще раз характерную черту представленной в книге ранней японской поэзии — исключительную роль природы как источника поэтической мысли, художественного вдохновения как главного средства выражения чувств. Грустит поэт или радуется, мечтает ли о свидании, тоскует ли о любимой или друге, сетует ли по поводу бренности земного существования — все свои переживания он передает через образы природы. Каждая травинка, цветок, дерево, птица, ветер, луна, облака, дождь, роса, иней — все может служить предметом воспевания, особой поэтической темой. К природе обращались и в горе, и в радости, у нее искали помощи и утешения. В древнем восприятии мира священные горы и священные рощи считались обителью богов, природа была храмом, а песня, сопровождавшая трудовой процесс, была родом молитвы; ставшая обрядовой, хранившая силу «души слова», она оберегала урожай, жизнь, благополучие. То была пора «эстетики жизненно необходимого». Поэтому многочисленные песни, посвященные природе, не были просто созерцательными. Наблюдательный земледелец видел в каждом образе природы знак, особую приметку, предвестие приближающихся холодов или наступающей засухи. По прилету птиц определяли сроки полевых работ, по цветению и опаданию цветов судили о результатах посевов и об ожидаемом урожае.

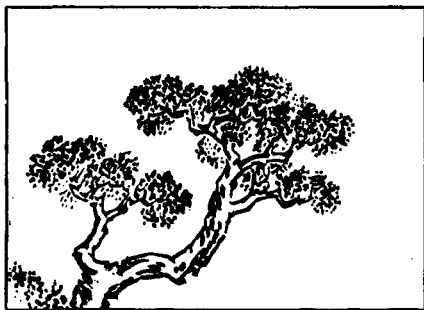
Один из постоянных поэтических мотивов — просьба к цветам не опадать, к дождю не лить, к ветру не дуть. В народной

поэзии это было продиктовано боязнью неурожая (раннее осыпание вишни, по народным приметам, сулило плохой урожай), а в литературной — желанием показать любимому красоту цветов, алых кленов и т. п., т. е. уже сознательными эстетическими задачами.

Во многих песнях поют о том, как плетут венки и украшают ими себя. Этот народный обычай, связанный, как и у других народов, с земледельческим культом, в придворной поэзии приобрел эстетическую окраску — украшать себя венком во время пира и других увеселений было одним из развлечений.

Основой ранней японской поэзии, представленной в «Манъёсю» (которую рассматривают и как первооснову всей японской литературы), ее неотъемлемым свойством считают *макото*, что означает «истина, правдивость, искренность, непосредственность, естественность», иными словами, это исконные народные поэтические традиции, естественно возникшие на родной почве и питавшие литературу на всем пути ее развития.

Именно эта самобытная народная основа помогла поэзии «Манъёсю» выйти за пределы своей эпохи, стать неиссякаемым источником вдохновения для поэтов последующих поколений, сохранить непреходящую художественную ценность, донести до нас живой отголосок далекого бытия, не утративший и по сей день своей притягательности, характер человеческих чувств, дум и чаяний.

КАКИНОМОТО ХИТОМАРО *

Плач о гибели придворной красавицы

Словно средь осенних гор
Алый клен —
Сверкала так красотой она!
Словно молодой бамбук —
Так стройна она была.
Кто бы и подумать мог,
Что случится это с ней?
Долгой будет жизнь ее,
Прочной будет, что канат,—
Всем казалось нам.
Говорят,
Что лишь роса
Утром рано упадет,
А под вечер — нет ее.
Говорят,
Что лишь туман
Встанет вечером в полях,
А под утро — нет его...
И когда услышал я
Роковую весть,
Словно ясеневый лук,
Прогудев, спустил стрелу...
Даже я, что мало знал,
Я, что мельком лишь видал
Красоту ее,—

Как скорбеть я стал о ней!
Ну, а как же он теперь.—
Муж влюбленный,
Молодой,
Как весенняя трава,
Что в ее объятьях спал,
Что всегда был рядом с ней,
Как при войне всегда
Бранный меч?
Как печали полон он,
Как ночами он скорбит
В тишине, на ложе том,
Думая о ней!
Неутешен, верно, он,
Вечно в думах об одной,
Что безвременно ушла,
Что растаяла росой
Поутру,
Что исчезла, как туман
В сумеречный час...

К а э с и - у т а

I

Когда увидел я течение той реки,
Что унесла навек от нас тебя,
Прекрасное дитя,—
Такой тоски еще
Не знала никогда моя душа!

II

В те дни, когда еще была ты с нами,
Дитя из Оцу, и встречались мы,
Я мимо проходил,
Почти не замечая,
И как теперь скорблю об этом я!

Плач о возлюбленной

Гуси по небу летят
На пути в Кару,—
То возлюбленной село,

Край родной ее.
Как мечтал я,
Как желал
На нее взглянуть!
Только знал —
Идти нельзя,
Много глаз людских,
Часто приходит нельзя —
Люди будут знать!
Лучше встретиться потом,
В майский день.
В майский день
Зеленый плющ
Ложем будет нам!
Думал я,
В надежде был,
Как большому кораблю,
Доверял я ей!
Ото всех таил любовь,
Будто в бездне,
Среди скал —
Жемчуг дорогой...
Но как меркнет в небесах
Солнце на закате дня,
Как скрывается луна
Между облаков,
Будто водоросль морей
Наклонилась вдруг она,
Будто клена
Алый лист
Отцвела навек!
С веткой яшмовой гонец *
Мне принес об этом весть...
Словно ясеневый лук,
Прогудев, спустил стрелу...
Что я мог ему сказать?
Что я сделать мог!
Голосам людей внимать
Был не в силах я,
А любовь моя росла...
Чем утешиться я мог?
Я пошел тогда в Кару,
На базар, в ее село,
Где любимая моя

Мне встречалась
В ранний час...
Там стоял и слушал я,
Но и голоса ее,
Что звучал, как пенье птиц,
Там, на склонах Унэби —
Той горы, что звал народ
Девой чудной красоты,
В перевязях жемчугов,—
Там, на склонах Унэби —
Даже голоса ее
Не услышал я!
Был мой путь копьём из яшмы,
Это значит — путь прямой,
Что копьё, таков был путь
Предо мной, где шел народ,—
Но не мог я там найти,
Ни одной не мог я встретить
Хоть похожей на нее!..
И в отчаянье,
Любя,
Только имя призывал
Я возлюбленной моей,
Но махал ей рукавом —
Звал напрасно я!..

* * *

Средь гор осенних — клен такой прекрасный,
Густа листва ветвей — дороги не найти!..
Где ты блуждаешь там?
Ищу тебя напрасно:
Мне неизвестны горные пути...

* * *

Опали листья алые у клена,
И с веткой яшмовой передо мной гонец.
Взглянул я на него —
И снова вспомнил
Те дни, когда я был еще с тобой!..

Плач о принце Кавасима, поднесенный его супруге

Птицы по небу летят...
И на Асука-реке,
У истоков, там, где мель,
Зеленея, поднялись
Водоросли-жемчуга.
И близ устья, там, где мель,
По воде они плывут
И касаются слегка
Стеблями стеблей.
Как жемчужная трава
Клонится у берегов
В эту сторону и ту,
Так склонялась, покорясь,
Божеству-супругу — ты.
С ним теперь тебе не спать,
К нежной коже не прильнуть,
Ты не будешь рядом с ним,
Как при войне всегда
Бранный меч,—
И оттого
Ночью темной, что теперь
Ягод тутовых черней *,
Ложе бедное твое
Опустевшее стоит.
И поэтому никак
Не утешиться тебе...
Как на нити жемчуга,
Нижешь думы в тишине:
«Может, встретимся еще»,—
Верно, думаешь порой,
И идешь его искать...
В Оти, среди больших полей,
В светлой утренней росе
Промочив насквозь подол,
И в тумане ввечеру
Платье промочив насквозь
Не заснуть тебе в пути,
Где подушкой на земле
Служит страннику трава,
Не заснуть из-за него,
С кем не встретиться тебе
В этой жизни никогда!

О ты, кому она стелила в изголовье,
Из мягкой ткани рукава,
Ты пал, как с нити жемчуга,
Навек покинул поле в Оти,
И ей тебя не встретить никогда...

*Уезжая в столицу из страны Ивами,
расставаясь с женой*

Там, в Ивами, где прибой
Бьет у берегов Цуну,
Люди, поглядев кругом,
Скажут, что залива нет.
Люди, поглядев кругом,
Скажут — отмели там нет,
Все равно прекрасно там,
Даже пусть залива нет,
Все равно прекрасно там,
Пусть и отмели там нет!
У скалистых берегов,
В Нагитадзу, на камнях,
Возле моря, где порой
Ловят чудище-кита,
Водоросли взморья там,
Жемчут-водоросли там,
Зеленая, поднялись.
И лишь утро настает,
Словно легких крыльев взмах,
Набегают ветерок,
И лишь вечер настает,
Словно легких крыльев взмах,
Приливают волны там.
Как жемчужная трава
Клонится у берегов,
В эту сторону и ту,
Гнется и к земле прильнет
С набегающей волной,
Так спала, прильнув ко мне,
Милая моя жена,
Но ее покинул я.
И по утренней росе

Идя горною тропой,
У извилин всякий раз
Все оглядывался я,
Много раз, несчетно раз
Оборачивался я
И все дальше оставлял
За собой родимый дом,
И все выше предо мной
Были горы на пути.
Словно летняя трава
В жарких солнечных лучах —
От разлуки, от тоски
Вянет милая жена.
На ворота бы взглянуть,
Верно, там стоит она!
Наклонитесь же к земле,
Горы, скрывшие ее!

К а э с и - у т а

I

Там, в Ивами,
Возле гор Такуцуну,
Меж деревьями густыми, вдалеке,
Видела ли милая моя,
Как махал я ей, прощаясь, рукавом?

II

По дороге, где иду,
На склонах гор,
Тихо-тихо шелестит бамбук...
Но в разлуке с милою женой
Тяжело на сердце у меня...

*Во время пребывания в Ёсину **

Мирно правящая здесь
Государыня моя!
В Поднебесной, на земле,
Где правление вершишь,
Много есть чудесных стран.

Но страна, где хороши
Виды чистых рек и гор,
Что влечет сердца, одна —
Это Ёсину-страна!
В Акицу, где на полях
Осыпаются цветы,
Ширятся и ввысь идут
У дворцов твоих столбы,
Сто почтеннейших вельмож —
Люди славные твои
Утром по реке плывут,
Состязаясь меж собой в гребле,
Снова в час ночной
На ладьях они плывут.
Эти реки, что текут
И не ведают конца,
Эти горы, что стоят,
Величаво глядя ввысь,
И дворец, где водопад,
Где со скал бежит вода,
Взор пленяют красотой.
Сколько ни любуйся ты,
Любоваться той страной
Не устанешь никогда!

К а э с и - у т а

Ах, сколько ни гляжу, не наглядеться мне!
Прекрасны воды рек, что в Ёсину струятся,
Им нет конца...
И так же без конца
К ним буду приходить и любоваться!

Поют о небе

* * *

Вздывается волна из белых облаков,
Как в дальнем море, средь небесной вышины,
И вижу я —
Скрывается, плывя,
В лесу полночных звезд ладья луны...

Проезжая заброшенную столицу в Оми

Возле склонов Унэби,
Той горы, что звал народ
Девой чудной красоты
В перевязях жемчугов,
В Касивара, средь равнин,
Со времен мудрейших тех,
Что знавали солнца знак,
Боги, правящие там,
Что рождались на земле,
Каждый, каждый сын богов,
Так же как растут в веках
Ветви дерева пуга
Друг за другом вслед,
Поднебесной управлял
Каждый бог из века в век.
Но покинуть довелось
Нам Ямато — милый край,
Что узрели в небесах
Боги в ясной высоте;
Перейти нам довелось
Горы Нара, что стоят
В дивной зелени листвы.
Почему изволил он
Так задумать и решить?
Дальним, словно неба свод,
Было новое село,
Но решил он управлять
Поднебесной во дворце
В Оцу, в Садзанами, здесь,
В Оми, дальней стороне,
Где со скал бежит поток.
И хоть слышу: «Это здесь
Был прославленный дворец
Внука славного богов,
Управителя земли»,
И хотя мне говорят:
«Это здесь дворец царей»,—
Но, когда взгляну кругом
На места, где был дворец,
А теперь один туман
Заслоняет солнца луч
В дни весны

И все вокруг
Густо, густо заросло
Свежей вешнею травой,
О, какая скорбь во всем!

К а э с и - у т а

I

В Сига, в Садзанами,
Карасаки мыс
Мирно процветает и теперь,
Все же с царской свитой кораблей
Он не сможет больше встретить здесь!

II

В Сига, в Садзанами, в бухте той большой,
Стала заводь, где текла вода,
Что же, пусть —
Людей далеких лет
Вряд ли снова встретит здесь она!

В разлуке с женой

Обвита плющом скала...
В море, в Ивами,
Там, где выступает мыс
Караносаки,
На камнях растут в воде
Фукамиру-водоросли,
На скалистом берегу —
Жемчуг-водоросли.
Как жемчужная трава
Гнется и к земле прильнет,
Так спала, прильнув ко мне,
Милая моя жена.
Глубоко растут в воде
Фукамиру-водоросли,
Глубоко любил ее,
Ненаглядную мою.
Но немного нам дано
Было радостных ночей,
Что в ее объятьях спал.

Листья алые плюща
Разошлись по сторонам —
Разлучились с нею мы.
И когда расстался я,
Словно печень у меня
Расколосась на куски,
Стало горестно болеть
Сердце бедное мое.
И в печали, уходя,
Все оглядывался я...
Но большой корабль
Плывет...
И на склонах Ватари
Клена алая листва,
Падая, затмила взор.
Я не смог из-за нее
Ясно видеть рукава
Дорогой моей жены...
Дом скрывает жен от глаз...
И хоть жалко нам луну,
Что плывет средь облаков,
Над горами Яками,
Но скрывается она,—
Скрылась и моя жена...
Вскоре вечер наступил,
И, плывя по небесам,
Солнце на закате дня
Озарило все вокруг,
У меня же, что считал
Храбрым рыцарем себя,
Рукава, что я стелю
В изголовье,
Все насквозь
Вымокли от слез моих...

К а э с и - у т а

I

У вороного моего коня
Так бег ретив, что сразу миновали
Места, где милая моя живет,
Как в небе облака,
Они далеки стали...

II

Ах, листья кленов средь осенних гор,
Хотя б на миг единый
Не осыпайтесь, закрывая все от глаз,
Чтоб мог увидеть я
Еще раз дом любимый!

Три песни

* * *

О, с давних пор на склонах Фуруяма,
Где машут девы белотканым рукавом
Своим возлюбленным,
Стоит священная ограда...
С таких же давних пор я полюбил тебя!

* * *

На миг один, короткий, как рога
Оленей молодых, что бродят в поле летом,
На самый краткий миг —
Могу ли позабыть
О чувствах нежных милой девы?

* * *

Яшмовых одежд стихает порошок...
О, какой тоскою полон я,
Не сказав любимой,
Что осталась дома,
Ласкового слова, уходя...

Из песен странствований

* * *

Мы прошли Минумэ,
Где жемчужные травы срезают морские,
И корабль приближается
К мысу Нусима теперь,
Где поля покрывают зеленые летние травы...

* * *

Вот ветер свежий с берега подул,
Где мыс Нусима
В стороне Авадзи,
И шнур, что был любимую завязан,
Как будто к ней стремясь,
по ветру заметался!

* * *

Огней зажженных свет
В Акаси у пролива...
О день, когда войдет туда моя ладья!
В том плаванье мне суждена разлука.
Я не увижу мест, где дом стоит родной!

* * *

Тиха морская гладь
У берегов Кэи...
Как гомо — срезанные камыши —
Разбросанные плавают вдали
Челны рыбацкие на взморье!

* * *

Дорогой долгою, из дальнего селенья,
Далекого, как эти небеса,
Когда я плыл в тоске,
Через пролив Акаси
Страна Ямато * показалась вдалеке!

*На пути в столицу
из провинции Оми*

Как та волна, что, набегая, исчезает
Вблизи шестов с ловушками для рыб
У берега Удзи, где, бывало, родам военным
не было числа,—
Как та волна, мир этот покидая,
Уйду и я неведомо куда...

* * *

В час, когда ты, печальная, плачешь
У моря далекого Оми,
Над волною вечернею, птица тидори,
Сердце вместе с тобой замирает в отчаянье горьком,
И тоскою я полон тогда о минувшем!

[Сложено в думах о жене]

* * *

В бухте Ами, далекой,
Наверное, в море ладьи выплывают...
И, быть может, у девушек юных
Замочило приливом
Подолы одежды жемчужной...

* * *

У Ирагб — далеких берегов —
В прилива час, когда шумит волна,
На корабле, плывущем одиноко,
Не едет ли и милая жена,
Кружа у островов заброшенных и диких?

*Сложено во время ночлега принца Кару
в полях Аки*

Мирно правящий страной
Наш великий государь,
Озаряющего высь
Солнца лучезарный сын!
По велению богов
Богом став,
Когда вершить
Начал ты свои дела,
Из столицы, что стоит
Величава и прочна,
Ты отправился в страну,
Скрытую в горах глухих,
В Хапусэ.
И, проходя
Меж безлюдных, диких скал,

Где деревья поднялись
Хиноки,
Идя тропой,
Ты сгибал к подножью скал
Ветви на своем пути.
Поутру, когда летят
Над заставой стаи птиц,
Ты проходишь по горам.
И лишь вечер настает,
Белым жемчугом блестя,
В поле Аки, где теперь
Падает чудесный снег,
Ты, сгибая стебли трав,
Флаги пышных сусуки *,
Низкий высохший бамбук,
Остаешься на ночлег,
Где подушкой в пути
Служит страннику трава,
И тоскуешь о былом...

К а э с и - у т а

I

В поле Аки далеко
На ночлег здесь оставшийся странник печальный,
Пригибая растущие травы к земле,
Вряд ли сном позабыться сумеет сегодня,
Вспоминая с тоской о величье былом...

II

На полях, обращенных к востоку,
Мне видно, как блики сверкают
Восходящего солнца —
А назад оглянулся —
Удаляется месяц за горы...

Плач о принцессе Асука, поднесенный ее супругу

Птицы по небу летят...
А на Асука-реке,
У истоков, там, где мель,

Камни в ряд мостком лежат,
А близ устья, там, где мель,
Доски в ряд мостков лежат.
Даже жемчуг-водоросли,
Что склоняются к воде
Возле каменных мостков,
Лишь сорвешь — опять растут...
И речные водоросли,
Что склоняются к воде,
Где дощатые мостки,
Лишь засохнут — вновь растут!
Что ж могло случиться с ней?
Ведь, бывало, лишь встает —
Словно жемчуг-водоросли!
А ложится — так гибка,
Как речные водоросли...
Лучше не было ее!
Позабыла, что ль, она
Утром посетить дворец?
Иль нарушила она
Ночью правила дворца?
В дни, когда она была
Гостьей этой стороны,
Ты весною вместе с ней
Собирал в полях цветы,
Украшал себя венком,
А осеннею порой
Украшался вместе с ней
Клена алою листвою.
И одежды рукава,
Что стелили в головах,
Вы соединяли с ней,
Словно в зеркало глядясь,
Любоваться на себя
Не надоедало вам.
Словно полная луна,
Дивной красоты была
Та, что нежно ты любил,
Та, с которой иногда
Выходил из дома ты
И изволил здесь гулять.
И Киноэ — тот дворец,
Где приносят рисом дань,
Вечным стал ее дворцом —

Так судьбою решено.
Шумны стаи адзи птиц...
И она теперь молчит
И не видит ничего.
И поэтому тебе
Все печально на земле...
Птицей нуэдори ты
Громко стонешь целый день,
Обездоленный супруг!
И, как птицы поутру,
Кружишь около нее;
Словно летняя трава,
Сохнешь без нее в тоске;
Как вечерняя звезда,
То ты здесь, то снова там;
Как большой корабль
Средь волн,
Ты покоя не найдешь...
Глядя на тебя, скорбим,—
Не утешить сердца нам,
Горю этому нельзя
Утешения найти...
Лишь останется молва,
Только имя будет жить,
Вместе с небом и землей!
Долго, долго будут все
Помнить и любить ее!
Пусть же Асука-река,
С именем которой здесь
Имя связано ее,
Будет тысячи веков
Вечно воды свои лить,
И пускай эти места
Будут памятью о ней,
О принцессе, что была
На земле прекрасней всех!

К а э ш - у т а

I

Когда б на Асука-реке
Плотины сделать,
Чтоб перестала воды лить свои,

То, верно бы, могла свой бег остановить
Вода, которая так быстро мчалась!

II

Асука-река! Ведь «асу» значит «завтра»...
И не оттого ли думается мне,
Что, надеясь вновь ее увидеть завтра,
Имя чтимое принцессы нашей
Не забудут люди никогда!

Из плача о принце Такэти

...Призывающий в поход
Барабана громкий бой
Был таков,
Как будто гром
Разразился на земле,
Зазвучали звуки флейт
Так, как будто зарычал
Тигр, увидевший врага,
Так, что ужас обуял
Всех людей, кто слышал их.
Флаги, поднятые вверх,
Вниз склонились до земли.
Все скрывается зимой,
А когда придет весна,
В каждом поле жгут траву,
Поднеся к траве огонь,
Словно пламя по земле
Низко стелется в полях
От порывов ветра — так
Флаги все склонились вниз.
Шум от луков, что в руках
Воины держали там,
Страшен был,
Казалось всем,
Будто в зимний лес, где снег
Падая хлопьями,
Проник
Страшный вихрь —
И сразу, вмиг,
Завертелось все кругом,

И летящих всюду стрел
Было множество.
Они,
Как огромный снегопад,
Падали,
Смешалось все...
Но, смириться не желая,
Враг стоял против врага —
«Коли инею-росе
Исчезать — пускай умру!»
И летящей стаей птиц
Бросились отряды в бой.
И в тот миг из Ватараи,
Где святой великий храм,
Вихрь священный — гнев богов —
Налетел и закружил
В небе облака,
И не виден больше стал
Людам яркий солнца глаз,
Тьма великая сошла
И покрыла все кругом...

*Сложено при виде погибшего странника
на каменистом побережье острова Саминэ
в провинции Сануки*

Замечательна страна —
Что зовется Сану́ки,
Где склоняются к воде
Водоросли-жемчуга,
Оттого ли, что страна
Блещет дивной красотой,
Сколько ни любуйся ею,
Не устанет жадный взор.
Оттого ль, что боги ей
Дали место на земле,
Люди свято чтут ее.
Вместе с небом и землей,
Вместе с солнцем и луной
Будет процветать она,
Лик являя божества.
Там, из гавани Нака,
Что известна с давних пор,

Я отчалил в дальний путь,
И когда по морю плыл,
Я, качаясь на ладье,
Ветер,
Что в прилива час набегает,
Налетел,
Нагоняя облака,
И когда взглянул я вдаль,
Встала за волной волна
Бесконечной чередой...
Я на берег посмотрел —
С диким ревом волны там
В белой пене поднялись.
Море мне внушало страх,
И на весла я налег,
Ударяя по волнам,
С этой стороны и той
Много было островов,
Но известен среди них
Славный остров Саминэ!
На скалистых берегах
Я раскинул свой шалаш,
Оглянулся я вокруг
И увидел:
Ты лежишь,
Распластавшись на земле,
Сделав ложем камни скал,
Вместо мягких рукавов
Изголовьем для себя
Выбрав эти берега,
Где так грозен шум волны...
Если б знал я,
Где твой дом,
Я пошел бы и сказал,
Если знала бы жена,
Верно бы, пришла она
И утешила тебя!
Но, не зная, где тот путь,
Что отмечен был давно
Яшмовым копьём,
Вся в печали и слезах,
Верно, ждет еще тебя
И тоскует о тебе
Милая твоя жена!

I

Если б с ним была его жена,
 Может, набрала бы трав ему она,
 И тогда не голодал бы он в пути,
 Иль, быть может, среди гор Самі
 Не собрать уже ухаги * на полях?

II

О ты, что вместо шголовья,
 Где шелк ложился рукавов,
 Своей подушкой
 Сделал берег дикий,
 Куда морская катится волна!

Плач о жене

В дни, когда еще жила
 Ты со мною на земле,
 Ты была моей женой,
 Той, кого я так любил
 Так же сильно,
 Как весной
 Эта пышная листва
 Среди множества ветвей,
 Что повсюду разрослись
 На деревьях, на пуки,
 В силу полную растет,
 Здесь, близ дома,
 У ворот,
 Где с тобой — рука в руке —
 Любовались на нее.
 Ты была моей женой,
 На которую всегда
 Уповал всем сердцем я!
 Но жесток закон земной,
 Ничего не сделать с ним!
 На заброшенных полях,
 Где, сверкая и горя,
 Подымалось пламя вверх *,

В белой ткани облаков
Скрылась ты от нас вдали,
Будто птица,
Улетев рано поутру,
Будто солнце ввечеру,
Спряталась от нас.
И поэтому теперь
Каждый раз, как молока,
Плача, просит у меня
Малое дитя,
Что оставила ты нам
В память о себе,—
Нечего ему мне дать.
Но как бережно несет
Птица в клюве колосок,
Я малютку подниму,
Ласково обняв рукой...
И в опочивальне здесь,
Где стелила ты постель,
Где с тобой, моя жена,
Спали мы вдвоем,
Дни я провожу в тоске,
Ночи напролет не сплю
И вздыхаю до зари...
Сколько ни горюй —
Сделать ничего нельзя.
Сколько ни тоскуй —
Встрече больше не бывать!
И когда сказали мне,
Что вдали, в горах Хагай,
Там, где лишь орлы живут,
Может быть, найду тебя,—
Стал по скалам я шагать,
Разбивал их и ломал,
Тяжкий путь прошел в горах,
Но любимой не нашел.
Счастья нету на земле!
Как подумаю о том,
Что ее, мою жену,
Неразлучную со мной,
Даже и на краткий миг,
Миг, что яшмою блеснет,
Больше не увидеть мне!

Каэси-ута

I

Луна осенняя, что нас видала вместе,
Мир озаряет вновь, взойдя на небосвод,
А милая моя,
Что любовалась ею,
Все дальше от меня за годом год!..

II

Где горы Хикитэ,
Где путь лежит в Фусума,
Оставил навсегда я милую жену...
И вот, когда иду тропкою горной,
Мне кажется, что сам я не живу!

По дороге в Цукуси

В прославленной стране,
В Инами,
На взморье поднялась огромная волна,
И встала в тысячу рядов она,
От взора спрятав острова Ямато!

* * *

Когда взгляну я
На пролив меж островами,
Где плыли наши корабли не раз
К владеньям отдаленным государя,
Я вспоминаю век богов!

Сложено при виде погибшего странника

Чей это муж
Приют нашел в пути,
Где травы служат изголовьем?
Он родину свою совсем забыл,
А дома, верно, ждут с заботой и любовью?

Сложено в странствовании

Огни для ловли рыб
В открытом море,
Что на равнине вод сверкают вдалеке,
Огни далекие вы разожгите ярче,
Чтоб острова Ямато видеть мне!

*Сложено в печали о самом себе,
когда был в стране Ивами
и размышлял о близости кончины*

Возможно ль, что меня,
Кому средь гор Камо
Подножье скал заменит изголовье,
Все время будет ждать с надеждой и любовью,
Не зная ни о чем, любимая моя?

ЯМАБЭ АКАХИТО *

Ода, воспевающая гору Фудзи

...Лишь только небо и земля
Разверзлись,— в тот же миг,
Как отраженье божества,
Величественна, велика,
В стране Суруга поднялась
Высокая вершина Фудзи!
И вот, когда я поднял взор
К далеким небесам,
Она, сверкая белизной,
Предстала в вышине.
И солнца полуденный луч
Вдруг потерял свой блеск,
И ночью яркий свет луны
Сиять нам перестал.
И только плыли облака
В великой тишине,
И, забывая счет времен,
Снег падал с вышины.
Из уст в уста пойдет рассказ
О красоте твоей,
Из уст в уста, из века в век...
Высокая вершина Фудзи!

К а э с и - у т а

Когда из бухты Таго на простор
Я выйду и взгляну перед собой,—
Сверкая белизной,
Предстанет в вышине
Вершина Фудзи в ослепительном снегу.

Проезжая острова Карани

Птицы адзи шумной стаей
Пролетают надо мною,
И глаза не видят милой,
Рукава из мягкой ткани
Ты не стелешь в изголовье.
На ладье, что смастерил я
Из коры деревьев вишни,
Весла закрепив,
Поплыл я.
Вот селенне Нусима,
Что в Авадзи *,
Миновал я.
И меж островов Карани,
Миновав Инамидзума *,
Посмотрел когда,—
Где дом мой? —
Среди дальних гор лазурных
Я не смог ее увидеть!
В тысячи слоев сгрудились
Белых облаков громады,
И за каждой, каждой бухтой,
Что оставил за собою,
И за каждым, каждым мысом,
Где скрывался я порою,
Через всех путей изгибы,—
О, куда б ни приплывал я,
Все тоска со мной о доме.
Слишком долги дни скитаний!

К а э с и - у т а

I

На острове этом Карани,
Где срезают жемчужные травы морские,
Если был бы бакланом,
Что живет здесь, у моря,
Я не думал бы столько, наверно, о доме!

II

Когда к островам
Довелось мне причалить,

Как завидовал я
Кораблям из Куману*,
Плывущим в Ямато!

Разные песни весны

* * *

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок душистых,
И поля
Показались так дороги сердцу,
Что всю ночь там провел среди цветов
до рассвета!

* * *

Я не могу найти цветов расцветшей сливы,
Что другу я хотела показать,
Здесь выпал снег,—
И я узнать не в силах,
Где сливы цвет, где снега белизна?

* * *

Как завтра хотелось пойти мне в поля,
Чтобы травы весенние там собирать,
Но в полях огороженных быть мне нельзя,
И вчера, и сегодня
Там падает снег...

Из песен лета

* * *

Меня ты любила,
На память об этом
Цветы нежных фудзи, что льются волною,
Ты тогда посадила у нашего дома,
А теперь — полюбуйся их полным расцветом!

*Сложено при посещении долины Касуга **

О, весенний яркий день
В Касуга — долине гор,
Гор Микаса, что внесли
Гордую корону ввысь,
Как над тронном у царей!
По утрам среди вершин
Там клубятся облака,
Птицы каодори там
Распевают без конца.
И как эти облака,
Мечется моя душа,
И как птицы те, поет
Одинокая любовь.
В час дневной —
За днями дни,
В час ночной —
За ночью ночь,
Встану я или ложусь —
Все томит меня тоска
Из-за той, что никогда
Не встречается со мной!

Каэси-ута

Как корона над тронном,
Эти горы Микаса,
И как птицы там плачут,
Смолкнут, вновь зарыдают,—
Так любовь моя ныне не знает покоя...

*Проезжая мимо кургана девы из Мама
в стране Кацусика **

Говорят, что в старину
Жил на свете человек.
Чтобы деву в жены взять,
Он построил ей шалаш,
Обменяться думал он
Из цветистой ткани с ней
Поясами навсегда! *
И хоть слышал я, что здесь

Место, где лежит она,
Успокоившись навек,—
Чудо-дева Тэкона *
Из страны Кацусика,
Потому ли, что листва
На деревьях хиноки
Стала так густа,
Потому ль, что у сосны
Корни далеко ушли,
Не узнать мне этих мест...
Но достаточно и слов
Только имени ее,
Чтоб об этом позабыть
Был уже не в силах я!

К а э с и - у т а

Вот в Кацусика, в дальней стране,
В тихой бухте Мама,
Верно, здесь, наклонившись,
Срезала жемчужные травы морские
Тэкона, все о ней нынче думаю я...

Сложено при восхождении на гору Камиока

Словно дерево цуга
Средь священных славных гор
Каминаби в Миморо,
Что растет из века в век,
Умножая сень ветвей,
Потерявших счет в веках,
Словно тот жемчужный плющ,
Что растет меж горных скал,
Простираясь без конца,
Вновь и вновь хочу сюда
Без конца я приходить,
Чтоб на Асука взглянуть,
На столицу прежних лет!
Так высоки горы там!
Так широки реки там!
И в весенний яркий день
Все б смотрел на склоны гор!
И осенней ночью я

Слушал бы журчанье струй!
Утром в белых облаках
Там блуждают журавли,
А в тумане ввечеру
Там лягушки голосят.
И когда взгляну кругом,
Каждый раз, когда взгляну,
В голос громко плачу я,
Вспоминая старину...

К а в с и - у т а

Над каждой заводью
На Асука-реке
Встает туман и тает легкой дымкой.
Не такова моя любовь к тебе —
Она и переполнясь не исчезнет...

*Сложено, когда император Сёму
путешествовал по стране Киу*

Из долины Саига,
Где покорно служим мы
В вечном храме — во дворце,
Где правление вершит
Мирно правящий страной
Наш великий государь,
Из долины Саига,
Позади бегущих волн
Виден взору вдалеке
Остров средь морских равнин.
И у чистых берегов,
Лишь подует ветерок,
Волны белые шумят.
А отхлынет вдаль прилив,
Водоросли-жемчуга
Собирают на ладьях.
Это вечно было так —
Чтили со времен богов,
С незапамятных времен
Горы острова Тама,
Что за красоту свою
Дивной яшмой назван был!

[Во время пребывания в Инами]

Мирно правящий страной
Наш великий государь,
Словно в небе божество,
Ведает с высот своих,
Управляет он страной
Здесь, в Инами,
Средь равнин
Оминохара,
В бухте славной Фудзии,
Где из фудзи-волокон
Грубую готовят ткань.
Если ловля рыб сибя —
Шум от лодок рыбаков,
Если выжигают соль —
Люди сходятся толпой,
Дивно бухта хороша!
Ведь недаром ловля там
И прекрасны берега!
Ведь недаром жгут там соль.
И как знак, что вновь и вновь
Будут приходить сюда
Любоваться на нее,—
Отмель чистого песка
Блещет яркой белизной!

Каэси-ута

I

И в море открытом,
И у берега волны спокойны.
Значит, слышится плеск от челнов,
Что в Фудзии, ближней бухте,
Отплыли на рыбную ловлю...

II

В поле дальнем Инами,
К земле прижимая тростник невысокий,
Сколько спал я ночей,
Сколько дней, долгих дней я провел одиноко,
И теперь я о доме далеком тоскую!

III

Вот и бухта Акаси!
Отхлынул прилив на дороге,
Завтра, завтра
Наполнится радостью сердце:
Я все ближе и ближе к родимому дому!

Проезжая бухту Минумэ

Возле берегов морских
В тихой бухте Минумэ,
От которой недалек
Остров Авадзисима,
Где подносят в дар богам
Урожая славный плод,
У пустынных берегов
Водоросли я возьму,
Водоросли «вглубь взгляну»,
Бухту обогнув кругом,
Срежу нежную траву,
Что зовут «не говори» *.
Словно водоросли, я
В сердца глубь взглянуть хочу!
Но подобен я траве,
Что зовут «не говори»,
Имя берегу свое
И не шлю к тебе гонца,
Хоть, тоскуя о тебе,
Не могу на свете жить!

Каэси-ута

Если б даже к тебе я привык,
Как к одежде своей привыкают
Рыбаки из Сума, выжигая в ней соль,
Все равно я и на день один
О тебе не забуду, тоскуя...

*Сложено по высочайшему приказу
во время пребывания в Есину*

Дивный Есину-дворец,
Где изволит тешить взор
Мирно правящий страной
Наш великий государь!
Оттого что высоко
Горы в небо поднялись,
Тянутся по склонам их
Вереницы облаков.
Оттого что быстры так
Горные теченья рек,
Струи падающих вод
И прозрачны и чисты.
Горы встали божеством:
Взглянешь — и боготворишь.
Дивно реки хороши:
Взглянешь — свежестью пахнет.
И как горы в вышине
Не исчезнут никогда,
И как реки, что текут
И не перестанут течь,
Месту, где стоит дворец
С сотнями дворцовых слуг,
Никогда
Не знать конца!

К а э с и - у т а

Со времен всемогущих богов
Во дворце этом, в Есину дивном,
Пребывали не раз и вершили правленьё
Земли властелины,
Оттого что здесь горы и реки прекрасны!

Из песен странствований

* * *

На острове Абэ
У скал, где баклапы,
Бегут беспрестанно вдоль берега волны...

И я эти дни беспрестанно тоскую,
Исполненный думой о далеком Ямато!

* * *

Лишь отхлынет прилив,
Собери ты жемчужные травы морские!
Если дома любимая спросит тебя
О подарке из дальней страны,
Что тогда ей покажешь?

* * *

На рассвете холодном
От осеннего ветра,
Когда ты переходишь
Взгорья дальние Сану,
О, согреть бы тебя мне свою одеждой!

* * *

Там, где птицы мисаго,
В изгибах прибрежных
Зеленые травы «скажи свое имя» *.
И ты их послушай, скажи свое имя,
Хотя бы родители знали об этом!

* * *

Вот достойные рыцари
На охоту светлейшую вышли,
И придворные дамы
Волочат подола пурпурной одежды..
О, чистая отмель!..

Песня, воспевающая соловья

Пролетев распростертые
Горы, долины,
На холме, средь весенних полей,
Всюду, всюду теперь раздается
Соловьинная трель!

ЯМАНОЭ ОКУРА *

Диалог бедняков

Когда ночами
Льют дожди
И воет ветер,
Когда ночами
Дождь
И мокрый снег,—
Как беспросветно
Беднякам на свете,
Как зябну я
В лачуге у себя!
Чтобы согреться,
Мутное сакэ
Тяну в себя,
Жую
Комочки соли.
Посапываю,
Кашляю до боли,
Сморкаюсь и хриплю...
Как зябну я!
Но как я горд зато
В минуты эти,
Поглаживая бороденку:
«Эх!
Нет, не найдется
Никого на свете
Мне равного —
Отличен я от всех!»
Я горд, но я озяб,
Холщовым одеялом
Стараюсь я
Укрыться с головой,
Все полотняные
Лохмотья надеваю,

Тряпье наваливаю
На себя горой.
Но сколько
Я себя ни согреваю,
Как этими ночами
Зябну я!
Но думаю:
«А кто бедней меня,
Того отец и мать
Не спят в тоске голодной
И мерзнут в эту ночь
Еще сильнее...
Сейчас он слышит плач
Жены, детей:
О пище молят,
И в минуты эти
Ему, должно быть, тяжелей, чем мне,
Скажи, как ты живешь еще на свете?»

Ответ

Земли и неба
Широки просторы,
А для меня
Всегда они тесны,
Всем солнце и луна
Сияют без разбору,
И только мне
Их света не видать.
Скажи мне,
Все ли в мире так несчастны,
Иль я один
Страдаю понапрасну?
Сравню себя с людьми —
Таков же, как и все:
Люблю свой труд простой,
Копаясь в поле,
Но платья теплого
Нет у меня к зиме,
Одежда рваная
Морской траве подобна,
Лохмотьями
Она свисает с плеч,
Лишь клочьями

Я тело прикрываю.
В кривой лачуге
Негде даже лечь,
На голый пол
Стелю одну солому,
У изголовья моего
Отец и мать,
Жена и дети
Возле ног ютятся,
И все в слезах
От горя и нужды.
Не видно больше
Дыма в очаге,
В котле давно
Повисла паутина,
Мы позабыли
Думать о еде,
И каждый день —
Один и тот же голод...
Нам тяжело,
И вечно стонем мы,
Как птицы нуэдори*,
Громким стоном...
Недаром говорят:
Где тонко — рвется,
Где коротко —
Еще надрежут край!
И вот я слышу
Голос за стеной —
То староста
Явился за оброком...
Я слышу, он кричит,
Зовет меня!..
Так мучимся,
Презренные людьми,
Не безнадежна ли,
Скажи ты сам,
Дорога жизни
В горьком мире этом?

К а э с и - у т а

Грустна моя дорога на земле,
В слезах и горе я бреду по свету.

Что делать?
Ведь нельзя мне улететь —
Не птица я, и крыльев нету!

*Сложено в тоске по родине
во время пребывания в Китае*

Итак, друзья, скорей в страну Ямато,
Туда, где сосны ждут на берегу!
В заливе Мицу,
Где я жил когда-то,
О нас, наверно, память берегут!

[К сыну]

Дыни ли я отведаю,
Вспомнишься ты мне,
Каштанов ли отведаю,
Стремлюсь к тебе вдвойне.
Откуда только взялся ты,
Назойливый такой?
Все перед глазами вертишься,
Стоишь передо мной!
Одними лишь заботами
Мне наполняешь грудь,
Из-за тебя спокойным сном
Я не могу уснуть!

К а э с и - у т а

Для чего нам серебро,
Золото, камня эти?
Все — ничтожно.
Всех сокровищ
Драгоценней сердцу дети!

*Сложено на прощальном пиру
в честь Табито*

Когда бы в облаках я мог парить,
Как в небесах парят свободно птицы,
О, если б крылья мне,
Чтоб друга проводить
К далеким берегам моей столицы!

*Поэма сожаления
о быстротечности жизни*

Как непрочен этот мир,
В нем надежды людям нет!
Так же как плывут
Годы, месяцы и дни
Друг за другом вслед,
Все меняется кругом,
Принимая разный вид,—
Множество вещей
Заполняют эту жизнь
И теснятся на бегу,
Чтобы вновь спешить вперед.

С женщин мы начнем.
Женщине привычно что?
Жемчуг дорогой
Из чужих краев надеть,
Любоваться им,
Белотканым рукавом
Другу помахать *
В ответ
Или алый шлейф —
Платья красного подол,—
Идя, волочить
И с подругою своей,
Взявшись за руки,
Играть —
Вот он, радостный расцвет
Жизни сил!
Но тот расцвет
Удержать нельзя.
Все пройдет:
На прядь волос,
Черных раковин черней,
Скоро иней упадет,
И на свежесть
Алых щек
Быстро ляжет
Сеть морщин.

А теперь мужчин возьмем.
Рыцарям привычно что?

Славный бранный меч
Крепко привязать к бедру,
Крепко в руки взять
Стрелы счастья,
Оседлать
Своего коня
И, красуясь так в седле,
Забавляясь, разъезжать.

Мир, в котором мы живем,
Разве прочен он?
Там, где сладко девы спят,
Рыцари, сойдя с коней,
Двери распахнут
И приблизятся,
И рук яшмовых * они
Чуть коснутся, и тотчас,
Обнимая юных дев,
Руки вмиг переплетут
И в объятьях
До зари
Будут вместе спать.
Но глянь!
Тех ночей уж нет!
Вот, на посох опершись,
Сгорбившись,
Они бредут,
И теперь они
Презираемы людьми,
И теперь они
Ненавидимы людьми,
Нынче старость — их удел.
Яшмою сверкающей
Юной жизни
Жаль тебе,
Но бессилен ты.

К а э с и - у г а

Ах, неизменным, вечным, как скала,
Хотелось бы мне в жизни этой быть!
Но тщетно все:
Жизнь эта такова,
Что бег ее нельзя остановить!

[В думам о детях]

Этой жизни краткий срок,
Что лишь яшмою блеснет,
Как хотелось бы прожить
Тихо и спокойно мне,
Как хотелось бы прожить
Мне без горя и беды.
Но в непрочном мире здесь
Горько и печально все.
И особенно тяжка
Наша доля в горький час,
Если, как сказал народ,
В рану, что и так болит,
Жгучую насыплют соль
Или на тяжелый вьюк
Бедной лошади опять
И опять добавят груз,
Так в слабеющем моем
Теле, в старости, еще
Вдруг добавился недуг.
Дни в страданьях я влачу
И вздыхаю по ночам.
Годы долгие подряд
Лишь в болезнях проводя,
Неустанно плачу я,
Проклиная жребий свой.
Думаю лишь об одном:
Как бы умереть скорей,
Но не знаю, как смогу
Я покинуть этот мир.
Разве брошу я детей,
Что вокруг меня шумят,
Будто мухи в майский день?
Стоит поглядеть на них —
И горит огнем душа.
В горьких думам и тоске
Только в голос плачу я!

Каэси-ута

I

Ныне сердцу моему
Не утешиться ничем!

Словно птица, что кричит,
Укрываясь в облаках,—
Только в голос плачу я!

II

Без надежды каждый день
Только в муках я живу
И хочу покинуть мир.
Но напрасны думы те —
Дети преграждают путь.

III

Много платьев у ребенка богача,
Их вовек ему не износить —
У богатых в сундуках
Добро гнет,
Пропадает драгоценный шелк!

IV

А у бедного из грубого холста
Даже платья нет, чтобы надеть.
Так живем,
И лишь горюешь ты,
Но не в силах это изменить!

V

Словно пена на воде,
Жизнь мгновенна и хрупка,
И живу я, лишь молясь:
О, когда б она была
Прочной, крепкой, что канат!

VI

Жемчуг или простая ткань —
Тело бренное мое
Ничего не стоит здесь...
А ведь как мечтаю я
Тысячу бы лет прожить!

О любви к сыну

Семь родов сокровищ есть
Драгоценных на земле,
Но зачем богатства мне,
Раз у нас родился сын —
Фурухи,— подобный сам
Драгоценным жемчугам!
По утрам, в рассвета час,
В час, когда еще видна
Предрассветная звезда,
В мягкой ткани покрывал
На постели у себя
То сидел он, то вставал,
И, бывало, вместе с ним
Забавлялся я тогда.
И лишь вечер приходил
И вдали, на небесах
Звезды появлялись вновь,
За руки меня он брал,
Говорил: «Идемте спать,
Папа, мама не должны
Сына покидать!
В серединку лягу я»,—
Он ласкался, говоря,
И, казалось, расцветали
Травы счастья для меня!
Думал я тогда, любуясь:
Время минет, подрастешь,
Ждет ли радость, ждут ли беды,
Встретим их с тобой!
Как большому кораблю,
Доверяли мы ему,
Но подул тогда неожиданно
Ветер злой со стороны,
Заболел малютка наш,
Как нам быть, не знали мы,
Перевязь из белой ткани
Мы надели на себя,
И, кристальной чистоты
Зеркало в руке держа,
Мы богов небес молили,
К небу взоры обратив,
Мы богам земли молились,

Низко головы склонив,
Будет жив или не будет —
Все зависит от богов,—
Думал я и всей душою
Им молиться был готов.
И в отчаянье и горе
Заклинал богов, молил,
Но напрасно было, вскоре
Потеряли мы тебя...
Постепенно становился
Все прозрачнее твой лик,
С каждым утром, с каждым утром
Все слабее был язык.
И блеснувшая, как яшма,
Жизнь прервалась навсегда...
И вскочил я как безумный,
Закричал от горя я!
То катался по земле я,
То смотрел на небеса,
То в отчаянье и горе
Ударял я в грудь себя,
Ведь дитя, что я лелеял,
Упорхнуло — не вернуть!
Вот он, этой жизни брэнной
Горький и тяжелый путь!

К а э с и - у т а

I

Оттого что очень еще молод,
Он не будет знать, куда идти.
Принесу тебе богатые дары,
Из подземных царств гонец суровый,—
На спину возьми его и отнеси!

II

Ткани поднеся,
Молить тебя я буду,
Ты не обмани мое дитя,
Проведи прямым путем малютку,
Покажи, где путь на небеса!

Плач об утрате жены

В дальней стороне,
Где правление вершит
Наш великий государь,
Там, где яркие огни
Зажигают на полях,
Там Цукуси есть страна.
Словно малое дитя
Плачущее, в ту страну
Ты, тоскуя,
Прибыла.
Не успели мы вздохнуть
И побыть с тобой вдвоем,
Не успели миновать месяцы, года,
За такой короткий срок,
Что и сердцем не гадал,
Надломившись, ты слегла.
Что сказать, что делать мне,
Я в отчаянье не знал.
У деревьев и у скал
Я хотел найти ответ,
Но ответа не нашел.
Если б дома ты была,
Я бы облик видел твой...
Но, несчастная жена,
Божество мое, скажи,
Что ты думала тогда
Обо мне в последний час?
Вдруг, нарушив наш обет,
Что давали мы с тобой,
Обещая быть всегда
Вместе, рядом, как в воде
Утка с селезнем своим,—
Ты оставила наш дом
И покинула меня...

К а э с и - у т а

I

Домой возвратившись,
Как быть, что мне делать?
Как тяжело мне будет

В покинутой спальне
Увидеть на ложе твое изголовье!

II

Как жаль безгранично мне доброе сердце
Любимой жены, что, любя и тоскуя,
Ко мне прибыла
Из далекого дома,
Чтоб вместе со мною прожить так недолго...

III

Как об этом сожалею я...
Если б мог заранее я знать,
Что случится с нею страшная беда,
Здесь, в стране, прекрасной зеленью листвы,
Сколько бы я мог ей показать!

IV

Верно, лепестки лиловые ооти,
На которые любила ты смотреть,
Все опали...
Только слезы, что струятся,
Высохнуть не могут до сих пор...

V

Над горою ближнею Оону,
Подымаясь, расстилается туман...
Из-за ветра —
Вздохов горести моей,—
Подымаясь, расстилается туман...

Сложено, когда был тяжело болен

Отважным мужем ведь родился я,—
Ужель конец короткого пути?
Без славы,
Что могла из уст в уста,
Из года в год, из века в век идти?!

*Пожелание благополучного пути
и возвращения*

Со времен еще богов
Говорят из века в век:
«Вот Ямато! То страна,
Что заметили с небес
Боги в ясной высоте
И могуществом ее
Наделили с давних пор.
То страна, где сила слов
Счастье людям всем несет»,—
Так передавали нам,
Сказ ведя из века в век.
И все люди, что живут
В нынешние времена,
Это все перед собой
Видят, ведают про то...
И хоть множество людей
Населяют ту страну,
Повелитель наш,
Озаряющего высь
Солнца лучезарный сын,
Милостью тебя почтил,
Выбор свой остановив
На тебе, чей славный род
С давних пор вершил дела
В Поднебесной при дворе.
Высочайший тот указ
Получив,
В страну Кара *,
В дальний незнакомый край,
Ты отправился теперь.
И когда отчалишь в путь,
И у берегов морских,
И в открытом море, знай:
Встанут боги на пути,
Будут всем повелевать,
Будет множество богов
На корме тогда стоять,
Твой корабль вести вперед.
Боги неба и земли
И страны Ямато бог —
Оокунимитама,

В белых облаках паря,
С ясной высоты небес,
С вечных сводов
Глядя вниз
На простор морских равнин,
Будут охранять тебя!
А в тот день,
Когда дела
Ты закончишь и домой
Повернешь в обратный путь,
Снова, как и в прошлый раз,
Боги встанут на корме,
Будут на море глядеть,
Будут охранять тебя!
Будто по канату ты
Прямо по морским волнам
От Тиканосаки вверх,
Где Отомо-сторона,
К Мицу — милым берегам,
Сразу к пристани сюда
К нам причалишь свой корабль!
Будь же счастлив, друг, в пути!
Возвращайся поскорей!

К а э с и - у т а

В Отомо, в Мицу,
Освятив обрядом
Зеленые сосновые леса,
Стоять я буду, друг мой, ожидая...
Скорей на родину вернись!

О цветах осеннего поля

* * *

Когда по пальцам ты захочешь сосчитать
Цветы, расцветшие в желтеющих полях
Осеннею порой,
Ты среди них найдешь
Семь зеленеющих осенних трав! *

Хаги-но хана
 Обана, кудзубана,
 Надэсико-но хана,
 Оминаэси,
 Дальше фудзибакама,
 Асагао-но хана.

[Легенда о любви двух звезд]

С той поры, как в мире есть
 Небо и земля,
 Две звезды разлучены
 Горькою судьбой.
 Эти звезды —
 Волопас
 И Ткачиха —
 С давних пор,
 Друг ко другу обратясь,
 Все стоят на берегу,
 Навсегда разделены
 В небе Млечною Рекой,
 Что циновкою лежит
 Между разных берегов.
 Небо горьких дум у них
 Непокойно и темно!
 Небо горестей у них
 Непокойно и темно!
 О, когда бы им ладью,
 Крашенную в красный цвет!
 О, когда бы им весло
 В белых жемчугах!
 Ах, в затишье поутру
 Переплыли б реку,
 Вечером, в прилива час,
 Переплыли бы они!
 И на берегу реки,
 На извечных небесах
 Постелила б шарф она,
 Что летает средь небес,
 Как из яшмы дорогой,
 Руки яшмовые их

Вмиг в объятьях бы сплелись!
О, как много, много раз
Вместе спали бы они,
Даже если б не была
Осень на земле!

К а э с и - у т а

I

Хотя и облака и ветер
На том и этом берегу бывают,
Но вести
От жены моей далекой
До берегов моих не достигают...

II

Они разделены Небесною Рекою *,
И кажется, что близки берега,
Что камень долетит вдаль брошенный рукою,
И все же им помочь
Ничем нельзя...

III

Хоть близок срок,
Когда, взмахнувши рукавами,
Они увидятся, забыв про целый свет,
Но все же переплыть реку — надежды нет,
Доколе осень не настанет!

IV

Лишь жемчугом блеснувший миг,
Побыв вдвоем,
Они должны расстаться,
И тщетно тосковать и убиваться
До срока новой встречи в небесах!

ОТОМО ТАБИТО *

Тринадцать песен, прославляющих вино

I

О пустых вещах
Бесполезно размышлять,
Лучше чарку взять
Хоть неважного вина
И без дум допить до дна!

II

В древние года,
Дав название вину
«Хидзири», или «Мудрец»,
Семь великих мудрецов *
Понимали прелесть слов!

III

В древние года
Семь великих мудрецов,
Даже и они,
Все мечтали об одном —
Услаждать себя вином!

IV

Чем пытаться рассуждать
С важным видом мудреца,
Лучше в много раз,
Отхлебнув глоток вина,
Уронить слезу спьяна!

V

Если ты не будешь знать,
Что же делать, что сказать,
Из всего, что в мире есть,
Ценной будет вещь одна —
Чарка крепкого вина!

VI

Чем ничемно так, как я,
Человеком в мире жить,
Чашей для вина
Я хотел бы лучше стать,
Чтоб вино в себя впитать!

VII

До чего противны мне
Те, что корчат мудрецов
И вина совсем не пьют,
Хорошо на них взгляни —
Обезьянам, впрямь, сродни!

VIII

О, пускай мне говорят
О сокровищах святых, не имеющих цены,
С чаркою одной,
Где запенилось вино,
Не сравнится ни одно!

IX

О, пускай мне говорят
О нефрите, что блестит, озаря тьму ночей,
Но, когда мне от вина
Сердце радость озарит,
Не сравнится с ней нефрит!

X

Если в мире суеты
На дороге всех утех

Ты веселья не найдешь,
Радость ждет тебя одна:
Уронить слезу спьяна!

XI

Лишь бы на земле
Было счастье суждено,
А в иных мирах
Птицей или мошкой стать,
Право, все равно!

XII

Всем живущим на земле
Суждено покинуть мир,
Если ждет такой конец,
Миг, что длится жизнь моя,
Веселиться жажду я!

XIII

Суемудрых не люблю,
Пользы нет от них ничуть,
Лучше с пьяницей побудь:
Он хотя бы во хмелю
Может искренне всплакнуть!

Тоскуя о столице

Когда снег, словно пена, покрывает всю землю
И так медленно кружит,
Тихо падая с неба,
О столице, о Нара
Преисполнен я думой!

В мыслях о далеком Ёсину

Даже скалы
Средь быстрых потоков в Хаято
Красотой не сравнятся
С водопадами Ёсину,
Где играют форели.

* * *

О, расцвет моих сил!
Вряд ли вновь он вернется!
Неужели и мельком
На столицу далекую Нара
Никогда уже больше не придется взглянуть?!

* * *

Жизнь моя!
Как хочу, чтобы длилась ты вечно!
Чтобы мог любоваться я
Малою речкой Киса,
Той, что видел в далекие прежние годы...

* * *

Траву «позабудь»
Я на шнур свой надену,
Чтоб о старом селенье
У горы Кагуяма
Позабить мне навеки! *

* * *

Мое странствие ныне
Ведь не будет же вечно?
Пусть же Имэновада
Не становится мелью,
А будет пучиной, как в давние годы!

* * *

Вино, что готовил,
Тебя ожидая,
На отдыхе в Ясунону,
Неужель в одиночестве выпью я ныне,
Без старого друга, один?..

* * *

Эх, коня бы сейчас,
Что подобен дракону,
Чтоб умчаться
В столицу прекрасную Нара,
Среди зелени дивной!

*Три песни, сложенные странником **

I

Там, где Мацура,
В блеске текущие струи реки...
То намокли подола одежды жемчужной
Юных дев, что стоят по колена в прозрачной воде,
Когда ловят играющих юных форелей...

II

В дивной Мацура, в водах реки,
Там, где Яшмовый остров,
Чтоб поймать в свои сети играющих юных форелей,
Стоят средь потоков лучистых прекрасные девы.
Увы, я не знаю дорогу к их дому!

III

Человека из краев далеких ждут...
Милая, что ловит молодых форелей
В Мацура-реке,
Рукав атласный твой
Мне постелишь вместо изголовья *.

Три песни, сложенные в ответ девушками

I

Были б думы мои,
Как на Мацура волны,
Где мы ловим играющих юных форелей,
Я б тебя от других отличить не умела,
Почему ж мои чувства к тебе глубоки?

II

Лишь наступит весна,
У села, где мой дом,
В устье светлой реки,
Будут резво кружиться форели,
С нетерпением тебя ожидая к себе...

III

Пусть останятся быстрые воды
Реки этой Мацура,
Пусть будет заводь...
Тебя никогда я любить не устану,
Я буду тебя ожидать, мой любимый!

*Три песни, сложенные позднее,
как отклик на предыдущие*

I

У реки светлой Мацура
Быстро течение,
И, наверно, подола пурпурной одежды
Намокают водою,
Если ловят форелей...

II

На реке светлой Мацура —
Яшмовый остров,
Который, наверно, увидят все люди...
Ужель я, не видя,
Любить буду вечно?

III

Как завидую людям,
Что увидят прекрасную деву,
Что ловит форель молодую
У берега бухты, где Яшмовый остров,
Где Мацура воды...

Из песен о цветах сливы

Не в моем саду ли ныне опадают
Белые цветы душистой сливы?
Или с высоты извечной неба
Снег струится,
Падая на землю?..

*В подражание предыдущим песням
о цветах сливы*

I

Похитив белый цвет у снега,
На сливах нынче расцвели цветы.
Как раз теперь
Пришла пора расцвета.
О, если б ты могла взглянуть на них!

II

У дома моего душистых слив цветы,
Достигнув нынче своего расцвета,
Должны опасть...
Ах, если б, зная это,
Явилась ты ко мне взглянуть на них!

*Песня о цветах сливы
(из песен зимы)*

Не цветы ль белой сливы
У холма моего расцветали,
И кругом все теперь в белоснежном цвету?
Или это оставшийся снег
Показался мне ныне цветами?

Три песни скорби об утрате жены

I

Изголовье из рук, что лежали на шелковой ткани
И всегда обнимали любимую прежде...
Ах, навряд ли
Еще человека я встречу,
Для кого они будут служить изголовьем!

II

Вот и время пришло
Мне домой возвращаться...

Но в далекой столице
Чей мне будет рукав
Изголовьем душистым?

III

В покинутом доме,
В далекой столице,
Когда в одиночестве спать мне придется,
О, тяжело мне будет, намного труднее,
Чем было в моем одиноком скитанье!

* * *

Тот журавль, что плачет
В тростниках в Юнохара,
Будто я,
Не тоской ли он полон о милой?
И ночью, и днем он все время там плачет...

Сложено на пути в столицу

I

Это дерево муру, любовалась которым
Моя милая
В бухте по имени Томо,
Будет вечно цвести,—
Только милой той нету...

II

Когда я увидел,
Домой возвращаясь,
Тот мыс Минумэ,
Где мы были с любимой,
Сразу хлынули слезы горячим потоком!

*Сложено по возвращении
в столицу*

I

Мой дом опустевший, где нету любимой!
Как ныне мне тяжко,
Куда тяжелее,
Чем в пути,
Где трава мне была изголовьем!

II

В том саду, что вдвоем
Мы сажали когда-то
С любимой вместе,
Поднялись так высоко,
Разветвились деревья!

*Послано другу Сами Мандзэй
в Цукуси*

I

Здесь живя, не пойму,
Далеко ли Цукуси?
Верно, в той стороне,
Где далекие горы,
Над которыми тянутся белые тучи...

II

Как журавль в тростниках
В бухте той Кусакаэ
Бродит в поисках пищи,
Так и я... Как мне трудно!
Как мне трудно без друга!

*Из песен, навеянных преданием
о Мацура Саёхимэ*

I

Название горы «Зовущий шарф»
Молва передает теперь недаром,
Принцесса Мацура Саёхимэ
Когда-то в старину здесь на горе
Любимому махала шарфом белым!

II

Пусть тысячи веков рассказывают люди
И слух пойдет в века по всей земле,
Как на вершине здесь
Махала шарфом белым
Принцесса Мацура Саёхимэ!

III

Среди равнины вод
Корабль, плывущий в море,
Стремясь остановить, крича ему: «Вернись!» —
В отчаянье махала шарфом белым
Принцесса Мацура Саёхимэ!

IV

Махая кораблю,
Что удалялся в море,
Не в силах тот корабль остановить,
Каким полна была, наверно, горем
Принцесса Мацура Саёхимэ!

ОТОМО ЯКАМОТИ *

* * *

Чем так мне жить, страдая и любя,
Чем мне терпеть тоску и эту муку,
Пусть стал бы яшмой я,
Чтоб милая моя
Со мной осталась бы, украсив яшмой руку!

Песня, посланная возлюбленной с цветами померанцев

О, когда же,
О, когда? —
Думал я, и в этот миг
Возле дома моего
Среди множества ветвей
Померанцы расцвели!
И цветы раскрылись так,
Будто вот опасть должны!
Рано поутру и днем,
Каждый раз, как выхожу,
Все люблюсь, говоря:
— Рано опадать!
Подождите, чтобы я
Дал полюбоваться ей,
Хоть один недолгий миг,
Ночью с ясною луной —
Зеркалом светлей воды,—
Ей, которую любить
Долго буду, до конца,
До предела дней моих.
Так цветы я заклинал

Для тебя. И как потом
Я негодовал,
Глядя на кукушку ту,
На противную, что здесь
Рано на заре,
В час печальный,
Вновь и вновь
Прилетала громко петь,
Заставляя облетать
Лепестки моих цветов
Понапрасну!..
И тогда
Не осталось ничего
Мне другого, как сорвать
Для тебя эти цветы.
Полюбуйся же на них,
Милая моя!

К а э с и - у т а

I

Померанцы, что цветут передо мною,
Возле дома, среди множества ветвей,
Как хотел бы
Ночью с ясною луною
Показать возлюбленной моей!

II

Пусть бы ты полюбовалась ими,
А потом могла бы и кукушка петь,
Ведь в цвету, раскрывшись, померанцы
Из-за песни громкой понапрасну
Могут слишком рано облететь!

* * *

И рано утром, и при свете дня
Хочу всегда я любоваться ею —
Прекрасной яшмою *...
Что сделать должен я,
Чтоб с ней рукам моим не расставаться?

* * *

Средь распростертых гор
Отроги скал отвесны,
Цветущий сугэ * трудно мне сорвать,
И оттого святой запрета знак *
Придется, уходя, мне завязать на память.

* * *

Вот расцвела в саду моем гвоздика,
Что посадила милая моя,
Мне говоря:
«Когда настанет осень,
Любуясь на нее, ты вспоминай меня!»

* * *

Ужель, придя к любимому порогу,
Тебя не увидав,
Покину вновь твой дом?
Ведь путь к тебе был так тяжел,
Дорога трудная, увы, была не близкой.

* * *

Ночью черной, как черные ягоды тута,
Меня ты домой отслала с порога,
Неужель и сегодня
Ты меня отсылаешь —
Ведь такую далекою шел я дорогой!..

* * *

Ведь наяву
Сказать о том нельзя..
О, пусть бы хоть во сне я мог увидеть,
Что изголовьем, на котором сплю,
Мне служат рукава моей любимой!

* * *

Как белая роса, что, засверкав, легла
На травах возле дома моего,

Так жизнь —
Недолговечна, как роса,
Но мне ее не жаль, раз нет с тобою счастья!

[Плач о возлюбленной]

Возле дома моего
Пышно расцвели цветы,
И люблюсь я на них,
Но без радости в душе.
Если бы жива была
Милая моя жена,
Неразлучны были б с ней,
Словно утки, что всегда
Плавают вдвоем.
Как хотел бы я теперь
Для нее сорвать цветы,
Дать полюбоваться ей!
В быстротечной жизни сей
Бренен жалкий человек,
Словно иней иль роса,
Быстро исчезает он,
Быстро скроется из глаз,
Словно солнце, что, лучом
Озарив на склоне дня
Путь средь распростертых гор,
Исчезает навсегда...
Оттого-то каждый раз,
Как подумаю о ней,
В сердце чувствую я боль...
И не в силах я сказать
И не знаю, как назвать
Этот жалкий, бранный мир,
Что исчезнет без следа —
Ведь помочь нельзя ничем...

Каэси-ута

Если б знал я, где лежит тот путь,
По которому уйдешь ты от меня,
Я заранее
Заставы бы воздвиг,
Чтобы только удержать тебя!

Сложено в безутешной печали

О, только так на свете и бывает,
Такие уж обычаи земли!
А я и ты
Надеялись и ждали,
Как будто впереди у нас века!

Сложено, глядя на молодой месяц

Когда, подняв свой взор к высоким небесам,
Я вижу этот месяц молодой,
Встает передо мной изогнутая бровь
Той, с кем один лишь раз
Мне встретиться пришлось!

*Послания к возлюбленной —
старшей дочери Огомо Саканоз*

I

О, ныне для меня все это не кручина,
Об имени своем не сожалею я,
Теперь я не такой...
И если ты — причина,
Пусть сотни раз шумит о нас молва!

II

В ту ночь, когда луна была светла,
Вставал и выходил я за ворота,
Гадал у перекрестка на слова
И на шаги * — так я хотел тогда
К тебе, моя любимая, прийти!

III

Гора «Потом, любимый»...
Оттого лишь,
Что ты сказала мне: «Увидимся потом»,
Тот человек, что умереть бы должен,
Находит силы жить еще теперь!

IV

Даже пояс,
Которым однажды меня обвязала
Дорогая моя,
Я три раза могу обвязать —
Вот что стало со мною!

V

О несчастная моя любовь!
Даже если семь тяжелых скал,
Что под силу только тысяче людей,
Целиком взвалил бы на себя,—
Мне не вызвать жалости богов!

VI

Как только наступает вечер,
Я открываю дверь в свой дом
И жду любимую,
Что в снах мне говорила:
«К тебе я на свидание приду!»

VII

Одежду, что в знак памяти дала
Моя любимая,
Я вниз надену.
До дня, пока вдвоем не буду с нею,
Одежду эту не сниму!

VIII

Когда я тоскую так сильно
И вижу твой облик
Лишь в думах,—
Как быть мне, что делать, не знаю,
Здесь глаз осуждающих много!..

IX

Не оттого ль, что далеки
Пути в столицу,—
Ты далека, любимая моя,

Все это время в снах тебя не вижу,
Хотя не раз молил богов об этом!

* * *

Когда бы не было кругом меня застав,
Пустился б я тогда
В обратный путь:
Так хочется в объятьях мне уснуть
На изголовье из твоих любимых рук!

* * *

Не знаю жизни я,
Что яшмою блеснет,
И узел мной завязанных ветвей *
Сосны зеленой будет означать,
Что долго, долго жить хочу я на земле!

Из песен весны

О СОЛОВЬЕ

Туман кругом,
И белый снег идет...
И все-таки в саду у дома
Средь снега выпавшего
Соловей поет!

О ФАЗАНЕ

Оттого что в тоске по жене
Громко стонет фазан,
Что еду себе ищет на поле весеннем,
Известны становятся людям места,
Где бедный фазан приютился на время... *

* * *

Ах, набунохана *, что мне на память
Прислала милая моя,—
Одни цветы,
И те цветы плодами,
Боюсь, не станут никогда!

ПОСЛАНИЯ К СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ
ОТОМО САКАНОЭ

* * *

Гвоздика, что посеял
Возле дома,
Когда раскроешь дивный свой цветок,
Чтоб на него я любоваться мог,
Как на любимую все время глядя?

* * *

Те горы дальние, где стелется повсюду
Весенней легкой дымкою туман,
Нас разделили,
Не встречаюсь с милой,
Ведь целый месяц я живу один...

Из песен лета

О КУКУШКЕ

Цветок унохана
Еще не расцвел,
А вот кукушка прилетела *
На склоны горные Сахо,
И песни звонкие несутся...

О ПОМЕРАНЦАХ

Цветы прекрасных померанцев
У дома моего...
Когда же наконец
Те нежные цветы плодами станут,
Чтоб мог их жемчугом я нанизать на нить *?

О ВЕЧЕРНИХ ЦИКАДАХ

Все время был я взаперти,
И сердцу бедному тоскливо стало.
Утешиться стремясь,
Из дома вышел я,
Прислушался, и вот — звенящие цикады!

УПРЕК КУКУШКЕ

На померанцах возле дома моего
Цветут цветы, а песнь не раздастся.
Кукушка!
Неужель без песен, в тишине,
Цветы на землю будут осыпаться?

* * *

Цветы прелестные ханэдау *,
Чьи семена посеял летом я,
Ужель, когда с небес польет поток дождя,
Свой потеряют блеск
И вмиг увянут?..

РАДУЯСЬ ПЕНИЮ КУКУШКИ

Быть может, раньше где-нибудь и пела
Кукушка, прилетевшая сейчас,
Но здесь,
В моем селении, у дома,
О, здесь она поет сегодня в первый раз!

СОЖАЛЕНА О ПОМЕРАНЦАХ

О, померанцев распустившихся цветы
У дома моего
Совсем опали...
Они плодами ныне стали,—
Как жемчуг, можно их нанизывать на нить *!

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ, СЛУШАЯ ПЕНИЕ КУКУШКИ

Не потому ли, что цветы унохана
Опась должны, полна такой тоскою
Кукушка здесь?
Ах, даже в дождь она
Все время плачет и летает надо мною!

* * *

Средь зарослей деревьев, что цветут
На горных склонах летнею порою,
Кукушки плач...
Ах, он, пронизывая все,
Несется далеко, звеня тоскою!

Цветы гвоздики
 Возле дома моего
 Так пышно распустились ныне,
 О, как бы я хотел тебе, мое дитя,
 Сорвать и дать хоть миг полюбоваться!

Из песен осени

I

Алая листва осенних кленов
 На горе Микаса,
 Что с короной схожа,
 От дождей, что моросили ныне,
 Не поблекла ли, осыпалась на землю?

II

С небес извечных, ни на миг не прекращаясь,
 Дождь все идет...
 Скрываясь в облаках
 И громко плача, гуси улетают
 С полей, где ранний рис растет.

III

Колосья риса на осеннем поле,
 Где, в облаках скрываясь, с криком гусь летит,
 Густеют и растут,
 Так и с моей любовью:
 Растет — и в сердце все сильнее грусть...

IV

Из-за дождя сидел я взаперти,
 Сжималось сердце одинокое тоскою,
 Я вышел и взглянул:
 Ах, Касуга-гора
 Вся засверкала алою листвою!

V

Небо прояснилось,
Ярко светит
Этой ночью ясная луна,
Ах, не надо, чтоб ушла она,
Облака, не застилайте небо!

Из песен, сложенных на поэтическом турнире

I

Как гуси дикие, что вольной чередою
Несутся с криком выше облаков,
Ты далека была.
Чтоб встретиться с тобою,
О, как скитался я, пока к тебе пришел!

II

С печальным криком гуси пролетают
В далеком небе выше облаков,
И холод в криках тех...
Стволы осенних хаги
Внизу покрылись алою листвою!

У ворот юной девы

Думая поля окинуть взглядом
У твоих ворот, любимая моя,
Я пришел...
И сердце чуяло: недаром
Дивно светит в эту ночь луна *.

Песня о росе

Ах, светлая роса, что здесь упала
На обана-цветы * близ дома моего...
Чтобы роса вовек не исчезала,
На яшмовую нить
Хотел бы нанизать *!

Три песни об осени

I

Осенний хаги *, что цветет в осеннем поле,
В осеннем ветре клонит лепестки.
И на ветвях его
Осенние росинки
Ложатся на поникшие цветы...

II

На лепестках осенних хаги в поле,
Куда выходит по утрам олень,
На лепестках
Сверкает яшмой дорогою
С небес упавшая прозрачная роса...

III

Не оттого ль, что, проходя полями,
Олень цветущий хаги грудью раздвигал,
Цветы лиловые поблекли и опали,
А может, оттого,
Что срок их миновал?

Две песни об олене

I

Тоской глубокой о жене томим,
Среди осенних гор кричит олень,
И отраженный эхом крик его гремит...
И я среди этих гор —
Совсем один!

II

Всегда перед зарей — прислушаться лишь надо —
Предутренней порой,
Едва забрезжит день,
Здесь, сотрясая гор простертые громады,
В тоске рыдает осенью олень!

* * *

Цветы прекрасных хаги в Такамато
На золотых полях
Осеннею порой,
В рассвета алый час покрытые росой,
Как нынче, верно, пышно расцвели!

*Из осенних песен-перекличек
(песен любви)*

ПОЛУЧИВ В ПОДАРОК ОДЕЖДУ *

Эти дни, когда холоден
Ветер осенний,
Я носить ее буду всегда
В знак того, что я помню о деве любимой,
И ее еще больше отныне люблю!

ПОЛУЧИВ В ПОДАРОК ВЕНОК ИЗ КОЛОСЬЕВ

Венком из ранних рисовых колосьев
С полей осенних, что любимая моя
Возделала сама, своим считая долгом,
О, сколько ни гляжу,
Не налюбуюсь я!

*Из песен, посланных
старшей дочери Саканоз*

* * *

У дома моего цветы прекрасных фудзи —
Глицинии до срока расцвели,
И нынче видеть я хочу
Твою улыбку,
Что те цветы напоминают мне...

* * *

Когда на склонах
Распростертых гор

День изо дня
Осенний ветер дует,—
Как я тогда тоскую о тебе!

* * *

Если в сердце глубоко
Поразмыслить обо всем,
Что сказать, что делать мне? —
Выхода не знаю я...
Милая жена и я,
Взявшись за руки,
Вдвоем
По утрам
Спускались в сад.
Вечерами, освятив
Ложе,
Белые свои
Рукава переплетя,
Спали вместе.
Ночи те
Не навеки ли прошли?
Даже, слышал я, фазан,
Житель распростертых гор,
Говорят, свою жену
Ищет и находит там,
На другой вершине гор.
Я же, в мире суеты
Бренный, жалкий человек,
Почему же только я
Даже ночи, даже дни
Не могу с ней провести?
Верно, быть в разлуке нам,
Верно, плакать мне в тоске!
Как подумаю о том,
Горестно душа болит!
И поэтому решил —
Не утешу ль сердце я?
По горам и по полям
В Такамато
Я бродил,
Все бродил, гуляя там,
Но кругом одни цветы
Мне сверкали на полях.

Каждый раз, как видел их,
Тосковал еще сильнее!
Что же делать,
Как забыть
То, что все зовут — любовь?

Каэси-ута

Смотрю я на цветок каобана,
Что в Такамато на полях растет,
И облик твой
Передо мной встает,
И не могу я позабыть тебя!

Из песен зимы

* * *

Соперничая с белизною снега,
Упавшего с небесной высоты,
У дома моего
Везде на сливах зимних
Цветут сегодня белые цветы *!

* * *

Когда на землю, падая, ложится
Снег белой пеною, с высот небес летя,
Холодной ночью
Без твоих объятий
Навряд ли я смогу уснуть один...

Новые песни о сливе, сложенные в подражание ранним

I

Зима прошла, и вслед за нею
Пора весенняя на смену ей идет,
Но, сливы нежные,
Здесь нету больше друга,
И оттого никто вас не сорвет *...

Цветы душистых слив, что опадают
 На множестве деревьев здесь, в саду,
 Как будто в небеса сперва взлетают
 И наземь падают,
 Как белый снег...

* * *

Лишь поселился я
 Среди распростертых гор,
 Кукушка стала прятаться в деревьях;
 То вдруг вспорхнет, то скроется опять
 И каждый день кукует возле дома.

* * *

Кукушка,
 Что на сердце у тебя?
 Ведь месяц весь, пока цветы татибана
 На нить, как жемчуг, нижут *, прилетаешь
 И громко плачешь около меня...

* * *

Кукушка,
 Если среди ветвей цветущих оти
 Ты поселишься, прилетев сюда,
 Цветы их опадут и всем казаться будет,
 Что падают на землю жемчуга...

* * *

О, слышен ли, как раньше, аромат
 Цветов татибана, что распустились здесь?
 Наверно, от дождя,
 Что нынче ночью лил,
 Когда кукушка пела, он исчез...

* * *

Сегодня на рассвете раннем
 Осенний ветер холодом дохнул —

И близится пора,
Когда наш странник дальний —
Гусь дикий — с криком улетит...

* * *

Верно, дикие гуси,
Заменить собираясь гонцов*,
Отправляются с криками в путь,
Оттого что стал холоден ветер осенней порой
Возле этих речных берегов...

*Песня скорби по ушедшему навсегда
младшему брату*

В дальней, как небесный свод,
В стороне глухой велел
Управлять странною мне
Наш великий государь.
И, приказу покорясь,
Сразу тронулся я в путь.
Ты сопровождал меня.
Горы Нара миновав
В дивной зелени листвы,
Я остановил коня
В поле, возле чистых вод
Быстрой Идзуми-реки,
И простились мы с тобой.
На прощанье я сказал:
«Счастлив будь,
А я вернусь,
Ты спокойно ожидай
Встречи день, молясь богам».
С той поры
Далек был путь,
Путь, отмеченный давно
Яшмовым копьем.
Горы, реки пролегли
Между нами,
Милый брат.
Ах, как долги были дни,
Проведенные в тоске.
И в тот час, когда мечтал

О свидании с тобой,
С веткой яшмовой гонец
Вдруг пришел, и думал я:
Может, радость мне принес?
Но когда спросил его,
Ожиданием томясь,—
То не ложь или обман?
Что сказал он мне в ответ?
Почему случилось так,
Ведь еще не вышел срок?..
«Осенью, когда камыш
Пышным колосом цветет,
Рано поутру
Из дому, где аромат
Слышен хаги,
Никогда
Он не выйдет больше в сад,
Божество — родной твой брат.
Он не будет там стоять,
Любоваться на цветы.
Вечерами не пойдет
Он бродить по саду вновь,
Он покинул то село,
И теперь уже в Сахо
Белым облаком он встал *
Между распростертых гор
И исчез среди ветвей
Меж верхушками вдали»...
Вот что передал гонец.

Каэси-ута

I

И когда услышал я:
Тот, кому желал я долго жить,
Белым облаком от нас уплыл
И исчез в далеких небесах,—
О, как тяжело стало на душе!

II

Если б мог заранее я знать,
Что случится все это с тобой...

Так хотел тебе я показать
Волны возле диких берегов
В этом море дальней стороны!

*Сложено, когда был поражен
внезапной болезнью*

Наш великий государь
Приказал уехать мне,
И, приказу покорясь,
Как отважный смелый муж,
Полный бодрости и сил,
Много распростертых гор
И застав я перешел.
Наконец пришел в село,
Дальнее, как свод небес.
И, совсем не отдохнув
И дыханье ни на миг
Не переводя в труде,
Столько месяцев и лет
Жил в селенье этом я!
В быстротечной жизни сей
Бренен жалкий человек.
Надломился вскоре я,
Заболел и слег в постель,
И проходит день за днем —
Все сильнее мой недуг.
О божественная мать,
Мать, вскормившая меня!
Как большой корабль в пути
Беспокойно на волнах
Все качается, плывя,
Так в сердечной глубине
У тебя теперь живет
Беспокойная тоска.
Ожиданием томясь,
Верно, думаешь всегда:
«О, когда ж вернется он?»
И болеешь всей душой.
И красавица моя —
Божество — моя жена,
Верно, как начнет светать,
Все стоишь ты у ворот,

Прислонившись,
И зовешь,
Отгибая рукава *...
А как вечер настает,
Оправляешь нам постель
И, вздыхая, распустив
Пряди длинные волос,
Ягод тутовых черней,
Вопрошаешь ты с тоской:
«О, когда ж вернется он?»
Дочь родная, милый сын,
Дети милые мои,
Верно, дома по углам
Горько плачут и шумят.
Как далек теперь к ним путь —
Путь, отмеченный давно
Яшмовым копьем.
Не могу послать гонца,
Не могу я дать им знать,
Как тоскую и люблю.
От тоски по ним давно
Сердце сожжено дотла.
И хотя до боли жаль
Этой жизни на земле,
Что лишь жемчугом блеснет,
Но не знаю, как мне быть,
Выхода не видно мне...
О, ужели даже я,
Грозный, словно шторм морской,
Я, отважный, стойкий муж,
Обречен теперь лежать
Распластавшимся,
Без сил
И лишь молча горевать?..

К а э с и - у т а

I

Этот бренный жалкий мир!
Как в нем мало дней и лет суждено нам жить!
«Лишь цветы мои весною опадут,
Как за ними вслед придется умереть...» —
Думаю с тоской...

Далеки пределы этих гор и рек,
 И мою любимую жену
 Неужели я не встречу никогда
 И всегда лишь буду тосковать
 Здесь один, в разлуке вечной с ней?..

*Песня,
 отправленная Отомо Икэнуси*

Наш великий государь
 Приказал уехать мне,
 И, приказу покорясь,
 Сразу тронулся я в путь.
 И, придя, стал управлять
 Я селением Коси,
 Дальним, как небесный свод.
 Хоть отважный был я муж,
 В быстротечной жизни сей
 Бренен жалкий человек.
 Надломился я в труде,
 Слег в постель,
 Страдаю я,
 День за днем
 Сильней недуг.
 И поэтому с тоской
 Разным думам предаюсь,
 И горюю, и ропщу.
 Вспоминаю я с тоской
 Дни минувшие свои.
 Небо горестей моих
 Непокойно у меня.
 Небо горьких дум моих
 Лишь страдания полно.
 Распростертые вокруг
 Горы разделяют нас,
 И далек к тебе мой путь —
 Путь, отмеченный давно
 Яшмовым копьём.
 Потому, любимый друг,
 Не могу послать гонца,
 Не могу я передать

О своей тоске тебе.
И хотя до боли жаль
Этой жизни на земле,
Что лишь жемчугом блеснет,
Но не знаю, как мне быть,
Выхода не вижу я...
Скрывшись ныне ото всех,
Я горюю и грущу,
И утешить сердце мне
Нечем, мой любимый друг.
Вижу, настает рассвет
И весенние цветы
Расцветают — но к чему?
Не сорву их с другом я,
Не сплету венка себе...
Густо травы зацвели
Всюду на полях весной,
Прилетели соловьи,
Но не слышу песен их.
Девы юные идут
Собирать плоды в полях
И волочат по земле
Подолы своих одежд,
Платьев алых,
Что влажны
И сверкают вдалеке
От весеннего дождя...
Но расцвета время зря
Без тебя проходит здесь...
О, как дорог мне теперь
Сердца твоего привет,
Нежною заботой ты
Вечно полон обо мне.
Оттого вчера всю ночь
Я не мог забыться сном.
И сегодня целый день
Я тоскую о тебе.

К а э с и - у т а

* * *

Когда бы мне с тобой хотя б на миг
Полюбоваться вишней, друг любимый,

Средь распростертых гор,
Быть может, я тогда не тосковал бы так,
Как я тоскую ныне.

Песня о любви

И любимая, и я —
Сердцем мы едины с ней.
Хоть и рядом были мы,
Все сильнее была любовь,
И когда смотрели мы
Друг на друга,
Каждый раз,
Словно первому цветку,
Умилялись мы душой,
Глядя в милые глаза.
Любоваться и любить
С ней не уставали мы.
Но с любимой нежно так
Милою моей женой
Я расстался, чтя приказ,
Тот приказ, что отдал мне
Наш великий государь.
Распростертых гор простор
Миновав и перейдя
Доли,
Я пришел сюда,
Чтоб отныне управлять
Темной и глухой страной,
Дальней, как небесный свод.
С той поры, как прибыл я
В это дальнее село,
Новояшмовый не раз
Год, сменяясь, уходил.
Отцвели уже цветы,
Расцветавшие весной,
Но с любимой до сих пор
Не пришлось встречаться мне...
И от этого теперь
Нестерпима в сердце боль...
Как мне быть, не знаю я...
Каждой ночью, как ложусь,
В изголовье я кладу

Белотканый свой рукав *.
И нет ночи ни одной,
Чтоб не видел я во сне
Милую мою жену.
Наяву же мне никак
С ней не встретиться теперь.
И в тоске скопилась здесь
В тысячи слоев любовь.
Если б близко ты была,
Возвращаясь, каждый раз
Я бы мог зайти к тебе,
Изголовьем были б нам
Руки, что переплели б
Мы в объятиях с тобой,
И уснули б вместе мы...
Но, отмеченный копьем
Яшмовым,
Далек тот путь.
И заставами с тобой
Мы разлучены теперь...
Хорошо, пусть будет так,
Выход мы с тобой найдем!
О, когда же, пусть скорей
Наступает месяц май,
Чтоб кукушка, прилетев,
Песни начала здесь петь,
Глядя вдаль, на склоны гор,
Где начнут сверкать кругом,
Расцветя, унохана,
По дороге я пойду
К морю Оми *
И домой
Поплыву к тебе скорей.
Дивна в зелени листвы
Нара,
В ней мой милый дом.
Птицей нуэдори там
Стонет милая жена
И, полна в душе тоски
И тревоги,
У ворот
Все стоит и ждет меня...
Спрашивая о судьбе,
Там гадает ввечеру *...

И, не в силах больше ждать,
Возвращается домой...
Поспешу навстречу к ней,
На нее скорей взглянуть!

К а э с и - у т а

I

Новояшмовый
Пройдет и опять наступит год,
Мы не видимся с тобой,
И исполнен я тоски,
Сердце вянет с каждым днем...

II

В снах ночью, черной, как ягоды тута,
Я встречаюсь, моя дорогая, с тобой,
Но со мной тебя нет,
И поэтому ныне
Нет конца безысходной тревоге моей.

III

Распростертые
Горы перейдя, сюда пришел.
Далека ты, мы с тобой разлучены,
Но ведь сердце может все пути пройти —
И во сне люблюсь я тобой!

IV

Отцвели давно весенние цветы,
Но напрасно даже и теперь
Мы не видимся с тобою, милый друг...
Я считаю месяцы и дни,
Жду в тоске свидания с тобой.

*Ода горе Футагами **

О гора Футагами —
Ларчик с крышкой дорогой,
Окруженная внизу

Быстрой Идзуми-рекой!
В день весны, когда цветут
В полном блеске все цветы,
Или осенью,
Когда
Блещет кленов алый лист,
Ах, когда я выхожу
И оглядываю даль,
Оттого ль, что боги там,
Величава та гора,
Оттого ль, что хороша,
Все смотрел бы на нее!
У пустынных берегов
Возле мыса, что зовут
Сибутани,—
Что вдали
Тянется, как длинный шлейф
Той горы Футагами,
Здесь слывущей божеством,—
У пустынных берегов
В час затишья поутру
Набегает на песок
В пене белая волна,
В час затишья ввечеру
Из морей идет прилив,
Заливая все вокруг.
И как белая волна
Набегает без конца,
Как нахлынувший прилив
Все становится сильней,
Точно так же без конца,
С каждым разом все сильней,
Тот, кто на гору глядел,
Отдается сердцем ей,
Хвалит красоту ее
С давних пор до сей поры.

Каэси-ута

I

У пустынных диких берегов,
Там, где Сибутани — славный мыс,
Набегают волны на песок...

И, как эти волны, все сильней
Я тоскую нынче о былом.

II

С крышкой дорогой ларец прекрасный —
Дивная гора Футагами.
Вот настал уже желанный срок,
Как приятно мне на склонах горных
Слышать пенье прилетевших птиц.

[Прощаясь с другом]

Если б друг мой любимый
Был бы яшмой прекрасной,
Я надел бы на руки
И, любуясь, унес бы —
Жаль уйти и оставить...

*Ода, воспевающая гору Татияма **

Средь глухих, далеких мест,
Дальних,
Как небесный свод,
Громко славится она.
И хотя в стране Коси
В каждой, каждой стороне
Гор полным-полно кругом,
И хотя прозрачных рек
Много, много там течет,
Но одна там есть гора
Удивительной красоты,
То гора —
Татияма
В Ниикава, где живет,
Правит божество небес,
Жаркой летнею порой,
Падая, ложится снег,
И над чистою струей
На реке Катакаи,
Что, как пояс, обвила
Горное подножье там,

Поутру и ввечеру
Каждый раз встает туман
И проходит...
Но пройти
Сможет ли любовь моя?..
Ах, ведь каждый, каждый год
Буду приходить не раз
И хоть издали смотреть,
Взор подняв свой в небеса,
На прекрасную гору.
И чтоб шел о ней рассказ
Много, много тысяч лет,
Людам я о ней скажу,
Что не видели ее,
Так,
Чтоб только звук один,
Лишь названье услышав,
Восторгались бы они
Ее дивной красотой!

К а э с и - у т а

I

На белый снег,
Что даже летнею порою
Сверкает на горе Татияма,
Не наглядеться: ведь недаром
Гора слывет в народе божеством!

II

Прозрачна глубина реки Катакаи!
Как эти воды, что всегда струятся,
Конца не зная,
Так же, без конца,
Я буду приходить к ним любоваться.

*Послание к Отомо Икэнуси,
в котором выражена печаль
о предстоящей разлуке*

Счет ведется нынче с двух...
На горе Футагами,
Словно дерево цуга,

Что стоит, как божество,
Неизменно, навсегда,
Не меняя цвет ветвей,—
Неизменно мы с тобой
Были вместе, милый друг,
Даже утро не пройдет,
Как встречаемся с тобой
И беседуем вдвоем,
А лишь вечер настает,
Мы опять, рука в руке,
Отправляемся с тобой
К быстрой Идзуми-реке,
К чистым берегам ее
Любоваться блеском струй,
А повеет ветер там
Вдруг с восточной стороны,
Сразу в гавани тогда
Волны белые кругом
Встанут в пене высоко.
Видя это,
Зашумят
Птицы возле берегов,
Станут звать
Любимых жен,
Весла грозно зашумят
У рыбацкого челна,
Что спешит приплыть скорей
К бухты тихим берегам,
Где срезают тростники.
И, бывало, это все
Так приятно видеть нам!
И как раз теперь, в разгар
Нашей дружбы и забав,
К нам пришел его приказ,
Повелителя земли.
По приказу надлежит
Мне в далекий путь идти,
Ждет разлука нас с тобой.
И останешься ты здесь
В одиночестве, мой друг,
Я же отправляюсь в путь —
В путь, отмеченный давно
Яшмовым копьем.
И когда придется мне

Перейти не раз с трудом
Склоны горные в пути,
Горы, где плывут грядой
Белоснежной
Облака,
Как покажутся в тоске
Долгими разлуки дни!
И когда об этом я
Думаю,
Болят душа!
Если был бы яшмой ты,
Вместе с пеньем соловья
Нанизал бы я на нить
И в руках бы я унес...
Вечерами, поутру
Вместе были бы с тобой...
Жаль уйти, оставив здесь
Одного тебя, мой друг!

К а э с и - у т а

О, когда бы друг милый
Был бы яшмой прекрасной,
С соловьиною трелью
Нанизал бы на нить и унес бы с собою,
Жаль уйти — и оставить...

*Сложено, когда изготовлял сакэ,
чтобы поднести богам и молитвь о долголетию **

Ведь эту жизнь, что я молю продлить
И что жрецы священным гимном * очищают,
Твердя слова молитв,
Я для кого спасаю?
О, только для тебя!

Застольная песня

Кукушка,
Нынче ночью, я прошу,
Над нами пролети и спой нам песню,
Луну заменят нам зажженные огни *,
И я смогу тебя увидеть!

Застольная песня

Ведь месяц наступил, когда цветут
Цветы унохана,
И ты, кукушка,
Лети сюда и громко пой,
Пускай еще бутоны не раскрылись!*

Послание, написанное в изгнании

Пусть жалок раб в селении глухом,
Далеком от тебя, как своды неба эти!..
Но если женщина небес грустит о нем,
Я вижу в этом знак,
Что стоит жить на свете!

Сложено в мольбе о жемчуге, чтобы послать его домой в столицу

Ах, когда бы мне иметь
Белый жемчуг дорогой,
Что находят, говорят,
Рыбаки в стране Сусу
У владыки синих вод
На глубоком дне морском!
Божество — моя жена,
Что любима нежно мной,
С той поры, как я ушел
И покинул твой рукав,
Что служил подушкой мне,
Ягод тутовых черней
Черной ночью
Ты одна
Без меня на ложе спишь.
Пряди спутанных волос
Не расчешешь поутру,
Все, наверное, грустишь
И считаешь каждый раз
Снова месяцы и дни,
Что проводишь ты в тоске.
Чтоб тебя утешить, я
Белый жемчуг заверну

И пошлю его тебе,
Чтобы с ирисом могла,
С померанцевым цветком
Нанизать его на нить
В мае радостном, когда
Прилетит кукушка петъ,
Чтобы ты сплела себе
Дивной красоты венки.

Каэси-ута

О, если бы иметь мне жемчуг белый,
Что скрыт на дне у островов морских,
Чтобы послать тебе —
Моей любимой —
В дар для утешения сердца твоего!

Песня, сложенная, когда любовался цветами в саду

О далекий край глухой
Государя моего!
Я по должности своей,
Что назначил государь,
В путь отправился туда,
И приехал я в Коси,
Где идет чудесный снег.
Новояшмовых годов
Пять прошло,
Пять лет не спал
Я в объятьях милых рук
На расстеленных шелках,
Не развязывал я шнур,
В одиночестве я жил,
Потому и грустно мне.
Для утешения сердца я
Возле дома своего
Вырастил гвоздику здесь,
Посадил у дома я
Лилий нежные цветы,
Что растут среди полей
Летом в зарослях травы.

Каждый раз, как выхожу,
Я люблюсь на цветы:
Алая гвоздика мне
Мнится милою женой,
Лилий нежные цветы,
Утешая, говорят,
Что «увидимся потом» *.
И когда бы сердце я
Этим здесь не утешал,
Разве мог бы я в глуши,
Дальней, как небесный свод,
Даже день один прожить?

К а э с и - у т а

I

Каждый раз, как вижу я гвоздику,
Что сверкает яркой красотой,
Прелесть нежная
Улыбки юной девы
В этот миг встает передо мной.

II

О юри — лилии цветы!
Ведь «юри» может означать и «после»...
Когда б в сердечной глубине
Я не надеялся, что после будем вместе,
Я не прожил бы и сегодня!

*Сложено заранее, чтобы выразить
свои чувства на пиру
при встрече с красавицей*

Как и хотел, как и мечтал
Тобою я полюбоваться,
Сегодня наконец
Тебя я увидал —
Красивую с венком на голове!

[*Песня о туче **]

В этой внуками небес
Управляемой стране,
В Поднебесной, на путях
Четырех сторон земли,
До предела, что достичь
Мог копытом конь.
До границ, куда дойти
Корабли могли,
С незапамятных времен
И до сей поры
Лучший дар был в честь богов
То, что добыто трудом,—
Урожая славный плод!
Но не льет на землю дождь —
Вот уж много-много дней
Рисовые все поля,
Что засажены давно,
И пшеничные поля,
Что засеяны давно,
С каждым утром, с каждым днем
Вянут, сохнут без дождя.
И когда глядишь на них,
Сердце бедное болит.
И как малое дитя,
Плача, просит молока,
Так небесной влаги ждем,
Не спуская глаз с небес.
О, средь распростертых гор,
Из лоцины, вдалеке,
Показавшаяся нам,
Туча белая, спеши!
Поднимись, покинь дворец
Властелина вод морских,
Затяни небесный свод,
Ниспошли на землю дождь!

К а э с и - у т а

Показавшаяся там
Туча белая, плыви,
Затяни небесный свод
И пролейся здесь дождем,
Чтоб утешить нам сердца!

Легенда о любви двух звезд

Со времен богини солнца
Аматэрасу *
Разделенные рекой
Ясунокава,
Друг ко другу обратясь
И махая рукавом,
На далеких берегах
Горько плачут две звезды.
О, какой полна тоской
Этой краткой жизни нить!
Перевозчик не дает
Переплыть им на ладье,
Если б можно было мост
Перекинуть над рекой!
Перейдя его скорей,
Взялись за руки б они,
Обнялись бы горячо,
Рассказали б до конца
Думы тайные свои
И утешили бы вмиг
Горем полные сердца.
Но напрасны те мечты!
Только осенью одной
Им встречаться суждено!
А до осени должны
Жить на разных берегах
В одиночестве, в тоске...
Даже я, живущий сам
В мире брэнном и пустом,
Их жалею всей душой
И скорблю об их судьбе!
Так, сменясь, идут года...
И в день встречи, каждый год
Глядя на простор небес,
Буду вновь я говорить
О несчастной их любви,
И пускай тот сказ идет
Меж людей из уст в уста...

Кавси-ута

I

О, когда бы протянули мост
Через ту Небесную Реку,
О, тогда
Они бы встретиться могли,
Даже если б осень не пришла!

II

О эта ночь! Когда, тоскуя друг о друге
Дни длинные, на разных берегах
Реки Ясукава
Встречаются супруги —
Звезду зовущая звезда!

*Сложено на поэтическом турнире, во время пира,
о цветах сливы и о луне на снегу*

Была б ты здесь, прекрасное дитя,
Чтоб этой дивной лунной ночью,
Когда сверкает на снегу луна,
Я б мог сорвать цветы душистой сливы
И отослать, любимая, тебе...

*Сложено, когда любовались цветами персика
и сливы в весеннем саду*

I

Персиков цветы сверкают блеском алым,
Наполняя вешние сады,
И под алыми цветами на дороге,
Их сверканьем ярким озаренной,
Дева юная стоит...

II

То не цветы ли белых слив,
Вращенных мною,
В саду на землю опадают ныне,
Иль это хлопья снега, что весною
Остались и растаять не успели?..

*Сложено, когда слышал крики фазана
на рассвете*

I

В мае пляшущий фазан на поле Суги,
Не скрываясь, громко в крик кричит.
Ах, тайная жена
Навряд ли плакать будет
Так громко и так явно для других *!

II

Когда взгляну, как дымкою туман
Все застилает рано на заре
И среди множества вершин простертых гор
Издали кричит проснувшийся фазан,—
О, как печально в те минуты!

Сложено на поэтическом турнире

Вишневые цветы
С вершин простертых гор,
Что я берег для нынешнего дня,
Так пышно расцвели сегодня у меня,
Все наполняя ароматом...

Песня о большом белом соколе

Перешел заставы я
Многих распростертых гор
И живу теперь в Коси,
Дальнем от столичных мест,
Нить сменяющихся лет
Долго тянется в глуши.
И хоть думаю порой
В глубине своей души,
Что в стране, где правишь ты,
Наш великий государь,
Будь в столице или здесь —
Все едино,

Но тоска велика
Особо здесь:
Мало глаз людских вокруг,
Мало встретишь здесь людей,
Не с кем здесь поговорить,
Чтобы отогнать печаль,
Не с кем повидаться мне,
Чтобы разогнать тоску.
И поэтому,
Стремясь
Сердце бедное свое
Хоть слегка развеселить,
Только осень настает
На полях Ивасэну,
Где сверкают, расцветя,
Хаги первые цветы,
За узду веду коня,
Там и тут, топчя траву,
Разгоняю всюду птиц,
И на соколе звенят
Нежным звоном бубенцы
Из литого серебра...
Посылаю я его
Вслед за птицей, и смотрю,
И люблюсь, глядя ввысь,
И в тоскующем моем
Сердце разгнав печаль,
В спальню радостно иду,
В изголовии своем
Клетку делаю ему,
И сажаю в клетку я,
Посадив, кормлю его,
Соколенка моего!

Каэси-ута

О, как хорошо
Сокола ярчайшей белизны,
у которого прекрасный хвост,
Словно оперение стрелы,
В спальне у себя держать,
кормить, ласкать,
Любоваться беспрестанно на него!

С незапамятных времен,
С той поры, как в мире есть
Небо и земля,
Говорят, передают,
С давних пор из века в век,
Что не вечен этот мир,
Бренный и пустой!
И когда подымешь взор
И оглянешь даль небес,
Видишь, как меняет лик
Даже светлая луна.
И деревья среди гор
Распростертых —
Неверны:
В день весны
Цветут на них
Ароматные цветы,
А лишь осень настает,
Ляжет белая роса,
И летит уже с ветвей
В грозном вихре
Алый лист...
Так и люди на земле —
Краток их печальный век,
Ярко-алый, свежий цвет
Потеряет быстро блеск,
Ягод тутовых черней
Черный волос сменит цвет,
И улыбка поутру
Вечером уже не та...
Как летящий ветерок,
Что незрим для глаз людских,
Как текущая вода,
Что нельзя остановить,
Все не вечно на земле,
Все меняется вокруг...
И когда увидишь ты,
Как изменчив этот свет,
Вдруг поток неожиданных слез
Хлынет из твоих очей,
И не сможешь ты никак
Этих слез остановить...

К а з с и - у т а

Когда увидишь, как недолговечен
Удел земной,
О, много, много дней
Не будет знать покоя сердце,
Тоскуя о судьбе твоей!

*О любви и цветах ямабуки **

Говорят, у смертных всех
Велика любви тоска,
Оттого, когда весна
Наступает на земле,
Все сильнее моя печаль,
Потому-то каждый раз,
Чтоб утешилась душа,
Я, бывало, притяну
Нежные цветы к себе
И сорву иль не сорву,
Но люблюсь их красой.
Думал я, что разгоню
В сердце горькую тоску,
Если в грустный час смогу
Притянуть к себе цветы
И сорву иль не сорву,
Но смогу глядеть на них.
И ямабуки цветы,
Что растут среди долин,
Возле гор в густых лесах,
Я пересадил в свой сад
Возле дома моего!
Но напрасно: каждый раз,
Как люблюсь на цветы
В светлой утренней росе,
Что сверкают красотой,
Не кончается тоска,
А любовь еще сильнее!

К а з с и - у т а

Ямабуки-цветы
У дома посадил

И каждый раз, когда люблюсь ими,
Конца не знаю я своей тоске,
И с каждым днем любовь моя сильнее!

*Сложено, когда развлекались с друзьями
на озере Фусэ*

Милые мои друзья,
Чтобы рыцари могли
Разогнать свою тоску,
Что на сердце залегла,
Как густая злая тень,
Чтоб утешить сердце нам,
Здесь, на озере Фусэ,
Мы ладьи поставим в ряд,
Весла закрепим на них,
И когда отчалим мы,
То увидим вдалеке,
Как над бухтою Оу
Легкий стелется туман,
А где мыс Тарухимэ —
Фудзи нежные цветы *
С веток, наклоненных вниз,
Легкою бегут волной.
Чисты берега кругом,
Волны белые шумят,
Все сильнее и сильней
В сердце ширится любовь!
Но всего за день один
Разве насладимся мы?
О, пусть так же, как теперь,
Мы отныне каждый год
В час, когда придет расцвет
Вешних радостных цветов,
В час, когда алеть начнет
Ранней осенью листва,
Будем приходить сюда,
И, любуясь, каждый раз
Восхищаться будем мы
Дивным озером Фусэ!

К а э с и - у т а

Когда расцвет наступит нежных фудзи,
С ветвей бегущих легкою волной,

Мы будем восхищаться их красой,
Как нынче, каждый, каждый год,
Край дивной бухты огибая...

*Песня, с которой были посланы
в подарок бакланы другу — Отомо Икэнуси*

Далека, как свод небес,
Эта глушь.
И здесь, и там —
Всюду, где бы ни был ты,
Одинаково в душе!
От родных теперь вдали
Годы долгие идут,
Много горя суждено
Смертным людям на земле! *
И поэтому хочу
Для утехи сердца я
Первый голос соловья
С померанцевым цветком,
Словно жемчуг, нанизать *
И плести себе венки *,
Забавляться и гулять!
Ты же рыцарей возьми,
И плывите по реке,
Поднимаясь с трудом
По теченью Сикура,
Там, где тихая струя,
Ты ловушки ставь садэ,
Там, где быстрая струя,
Дай нырять бакланам ты,
Каждый месяц, каждый день
Забавляйся ловлей рыб,
Мой любимый нежно друг!

К а э с и - у т а

I

Разузнав, где побыстрее течение
Сакура-реки, прошу тебя,
Друг любимый мой,
Спусти бакланов за добычей
Для утехи сердца своего!

Ах, плавники резвящихся форелей,
 Которых выловят бакланы из реки
 При помощи твоей,
 Мне в дар преподнеси,
 Коль обо мне ты думаешь с любовью!

*Песня, воспевающая кукушку
 и цветы фудзи*

Брови тонкие свои,
 Словно ветви гибких ив,
 Изгибая на лице,
 Что пылает и горит,
 Будто персика цветы
 Алым цветом лепестков,
 Улыбаясь и смеясь
 В свете солнечных лучей,
 Глядя утром на себя,
 Девы юные берут
 В свои руки зеркала,
 Что кристальнее воды.
 Хороша, как зеркала,
 Ты, гора Футагами!
 Над долиной, где густа
 У деревьев тень листвы,
 Пролетая поутру
 В той тени,
 Поет, зовет
 Милая кукушка нас,
 Утром пролетая там,
 Ночью с бледною луной
 Плачет далеко в полях.
 И когда она летит
 В нежной зелени ветвей,
 Задевая их крылом,
 Заставляет опадать
 Наземь лепестки цветов
 Фудзи, что бегут волной
 По склоненным вниз ветвям...
 Сердцу дороги цветы,
 Оттого я ветви гну

И, срывая их с ветвей,
Прячу в рукава свои.
Коль окрасят лепестки
Рукава в лиловый цвет —
Пусть окрасят, все равно!

К а э с и - у т а

Ведь даже от легчайших взмахов крыльев
Кукушки, распеваящей средь лета,
Цветы осыпались —
Как видно, час расцвета уже прошел для вас,
Цветы лиловых фудзи!

*Сложено, когда любовался цветами фудзи
у озера Фусэ*

Кристалльно дно в воде,
Сверкающей, как пламень,
Что блеском фудзи лепестков озарена,
И оттого водой покрытый камень
Блестит, как жемчуг дорогой!

*Песня, сложенная в подражание песням
о кургане юной девы **

Ах, в далекие года
Это все произошло,
И теперь рассказ идет
О чудесных тех делах.
Жили: юноша Тину,
Юноша из Унаи,
Жарко спорили они
Из-за славы, говорят,
Бренной славы на земле!
Даже жизни не щадя,
Что лишь яшмою блеснет,
Состязались они,
Святая себе жену.
И когда об их делах
Услыхала дева вдруг, —
Что была там за печаль!
Словно вешние цветы,

Хороша была она,
Словно осенью листва,
Удивляла красотой.
И в расцвете юных лет,
Самой дорогой поры,
Оттого что жалко ей
Стало рыцарей своих,
Попрощалася она
С матерью, отцом родным
И, оставив милый дом,
Вышла на берег морской!
Жизнь брэнная ее,
Что короткою была,
Как коленце трав морских,
Трав жемчужных,
Что к земле
Низко клонятся с волной,
Набегающей на брег
С моря множеством рядов
Вечеру и поутру
В час, когда придет прилив,—
Жизнь брэнная ее,
Словно иней иль роса,
Навсегда исчезла вдруг
В набегающих волнах...
И решил тогда народ,
Чтобы здесь стоял курган
В память девы молодой,
И чтоб шел
Из века в век
Сказ о гибели ее,
И чтоб помнили о ней
Люди будущих времен,
Взяли гребень из цугэ *
И воткнули в землю там.
И в том месте поднялось
Вскоре дерево цугэ
И склонилось до земли
Зелепеющей листвою...

К а э с и - у т а

И, верно, в память юной девы
На будущие годы и века

Тот дивный гребень из цуга
Здесь деревом чудесным вырос,
Склонившись ветками к земле...

*Сложено при виде костров,
разведенных рыбаками*

Созревая колосом,
Не станет ли видна,
Идемте же со мной полюбоваться,
Как тот костер, зажженный рыбаками,
Чтоб скумбрия на свет горящий шла,—
Моя любовь, что охранял я тайной?

Сложено в день, когда выпал снег

Пока еще не стаял снег,
Как все в снегу
Сверкают яркие плоды
В горах растущих померанцев!

*[Сложено в ответ на прощальный тост
по случаю отъезда]*

В тот путь, что яшмовым копьём отмечен,
Из дома отправляюсь нынче я,
И друга моего прощальные слова
Я унесу с собой,
Как груз бесценный!

* * *

О тебе, что горы будешь проходить,
Где ложится наземь белый снег,
Думаю с тоской:
Напрасно ты спешишь
Оборвать нить жизни, милый друг!

* * *

Во дворце, в саду
Вокруг него, снаружи

Так чудесны выросшие вдруг
Снега выпавшего белые сугробы,
Будет жалко, если их затопчут... *

Из песен о любви двух звезд

[ПЕСНЯ ВОЛОПАСА]

Я, как трава нико — «трава-улыбка» *,
Что клонится к земле на берегах реки
От ветра осенью,—
Так полон я улыбки
От мысли, что с тобой свиданье суждено!

[ПЕСНЯ ТКАЧИХИ]

Ах, словно светлую, прозрачную росой,
Что на траве лежит
Осеннею порой,
Не уставая мы любимся друг другом
И каждый раз луну седьмую ждем!

*Сложено, глядя в одиночестве
на Млечный Путь*

Пока вобьет он кол, чтоб привязать ладью,
В которой так спешил по голубым волнам,
Что даже свой рукав весь увлажнил насквозь,
Пока вобьет он кол,
Не станет ли светать? *

*Сложено, сокрушаясь о том, как тяжка
пограничному стражу разлука*

Службою далекою
Сына славного небес
Называется она —
Эта дальняя страна,
Что Цукуси мы зовем,
Там, где яркие огни
Зажигают на полях,

И считается давно
Верной крепостью она,
Что хранит нас от врагов.
И хотя в твоей стране,
В четырех концах земли,
Управляемой тобой,
Много всюду есть людей,
Но в Цукуси шлют сынов
Из восточной стороны,
Где так много певчих птиц.
Собирают там отряд
Храбрый,
Тех, кто смел на вид
И назад не повернет,
Назначенью подчинясь.
Мать родимую свою
Покидает милый сын,
И как вешняя трава,
Им любимая жена
С ним не спит уже теперь,
Новояшмовым годам,
Дням и месяцам ведет
Он все время горький счет.
И в заливе Мицу, там,
В Нанива,
Где в тростниках
Осыпаются цветы,
К кораблю большому он,
Много весел прикрепив,
В час затишья поутру
Моряков к себе позвав,
В час прилива ввечеру,
С силой веслами взмахнув,
Покидает берега...
О ушедшие друзья!
Средь морских далеких волн,
Проплывая путь с трудом
И добравшись без беды
До далеких мест своих,
Волю славную верша
Государя своего,
Честью воинской гордясь,
Храбро все несут дозор!
Дома ж молятся о них,

Вопрошая: «О, когда
Кончатся дела твои?
Без беды скорей домой
Возвращайся ты назад!»
И святой сосуд с вином
Возле ложа своего
Ставят с жаркою мольбой,
Белотканые свои
Загибают рукава *,
Ягод тутовых черней
Пряди черные волос
Распуская по плечам,
О, как будут, верно, ждать,
Проводя одни в тоске
Долгие разлуки дни
Жены милые без вас...

К а э с и - у т а

I

Когда, колчан подвесив за спиною,
Уходит воин
В дальние края,
Наверное, страхась разлуки долгой,
Горюет тяжело бедная жена...

II

Там, где много певчих птиц,
В той восточной стороне,
Храбрый муж прощается с женой,
Верно, сокрушается о ней,
Оттого что нить годов длинна...

[Сложено в думах о пограничных стражах]

I

Хоть будут проходить года в разлуке,
Уплыв далеко
По равнине моря,
Не развяжите вы заветные шнуры,
Которые вам жены завязали!

II

Стражи новые границ
Идут на смену,
В путь сейчас пускают корабли
На равнинах на широких моря,
Волны, не вставайте на пути!

III

Как на корабле с пятью гребцами,
Что плывет из бухты Хориз
И везет к границам новых стражей,
Никогда не знает отдыха весло,—
Так тоска на миг оставить их не может...

*Сложено в тоске по родным местам,
сокрушаясь о цветах вишни на горе Тацута*

По склонам Тацута,
Любуясь, проходил...
Цветы вишневые, цветущие в горах!
Ужель осыплетесь и облетите вы
До той поры, как я вернусь назад!

*Песня, сложенная от лица пограничного стража,
покидающего семью **

Императора приказу
С трепетом внимаю я,
Расстаюсь с женой своей,
Тяжела разлука мне.
Но отважный дух бойца
Я спешу поднять в себе,
Сваряжаюсь в дальний путь,
За ворота выхожу,
И родная мать моя
Гладит ласково меня,
И, как вешняя трава,
Юная моя жена
Держит за руки меня,
Чтобы был спокоен путь,
Приношу мольбу богам.

«Счастливы будь в своем пути,
Возвращайся поскорей!» —
Говорят жена и мать
И, одежды рукавом
Слезы смахивая с глаз,
Причитают надо мной,
Мне напутствия твердят.
Как взлетает стая птиц,
Трогаюсь в дорогу я,
Но все мешкаю в пути,
Все оглядываюсь я
И все дальше ухожу,
Расстаюсь с родной землей.
Высоко взбираюсь я,
Через горы перейдя,
Прибываю в Нанива,
Где в зеленых тростниках
Осыпаются цветы...
Вечеру, когда прилив,
Выплываю на ладье,
Поутру, в затишья час,
Ветра жду, спеша ладью
Повернуть в обратный путь,
А пока передо мной
Дымкой вешнею туман
Закрывает острова,
Крики дальних журавлей
Так печально здесь звучат
И, когда их слышу я,
Вспоминаю дом родной,
Что далеко от меня,
И горюю я о нем
Так, что стрелы за спиной
Стонут жалобно со мной!

К а э с и - у т а

I

Когда ночами полные печали
Звучат у моря крики журавлей
И дымкою туман
Плывет в морские дали,
Тоскую я о родине моей!

Когда о доме я тоскую
 И ночи провожу в пути без сна,
 Из-за весенней дымки
 Мне не видно
 Зеленых тростников, где плачут журавли!

*Песня, передающая чувства пограничного стража,
 горющего в разлуке*

Воле грозной подчиняюсь
 Государя своего,
 Дом родной покинул я,
 Чтобы остров охранять.
 Божество — родная мать,
 Воспитавшая меня,
 Уценившись за подол,
 Нежно гладила меня,
 Божество — родной отец,
 Что вскормил, вспоил меня,
 Расставаяся со мною,
 Слезы горестные лил
 На усы, на седину
 Длинной бороды своей,
 Белой, как из волокон
 Таку связанный канат,
 И, горюя, говорил:
 «Как единое дитя
 У оленей —
 Ты один
 У меня,
 Мое дитя,
 Дорогой, любимый сын,
 Что уходишь поутру...
 Если длинной будет нить
 Новояшмовых годов —
 Не увижу я тебя,
 Буду сильно тосковать
 Я в разлуке о тебе.
 О, хотя бы нынче здесь
 Нам поговорить с тобой!»
 Говорил, жалея он

И печалась обо мне.
Словно вешняя трава,
Милая моя жена
И детишки там и тут
Окружили все меня,
Как весенних звонких птиц
Их звучали голоса,
И от слез промокла ткань
Белотканых рукавов,
Взявшись за руки, они
Не давали мне уйти.
«Не отпустим»,— говоря,
Шли они за мною вслед...
Но, приказу подчинясь
Государя своего,
Вышел на дорогу я,
Что отмечена давно
Яшмовым копьем,
И в дороге каждый раз,
Огибая там холмы,
Много раз, несчетно раз
Все оглядывался я.
И когда я отошел
Далеко от милых мест,
Стало небо горьких дум
Неспокойно у меня,
Сердце, полное тоски,
Больно сжалось у меня,
Раз ты смертный человек —
Мира брэнного жилец,—
Жизнь, что жемчугом блеснет,—
Вечно тайна для тебя.
Средь морских пустых равнин,
Страшный путь проплыв в волнах,
Цепь минуя островов,
Буду в мире я кружить,
До тех пор пока домой
Не вернусь опять назад.
Поднеся дары богам —
Покровителям моим
В Суминоэ,
Буду я их об этом умолять,
Чтоб спокойно жить могли
И отец, и мать мои

И без бед меня ждала
Милая жена моя.
Нынче в бухте Нанива
Мой качается корабль,
Много весел закрепив,
Моряков созвав сюда,
Рано утром на заре
Мы отплыли нынче в путь —
И об этом я прошу
Передать моим родным!

К а э с и - у т а

I

Наверно, дома близкие мои
Богам молились жарко обо мне:
Благополучно я
Приплыл на корабле,
Хочу родителям об этом я сказать.

II

Хоть люди говорят, что даже облака,
Что в небесах лазоревых плывут,
Служить гонцами могут для людей,
Но все равно не знаю, как послать
Подарок мой в далекий край родной.

III

Чтоб мог подарок привезти домой,
Я раковины долго собирал *,
Хотя волна вздымалась высоко
И беспрестанно
Заливала берег.

IV

В тень островов причалил наш корабль,
Но нет гонца,
Чтоб весть тебе послать.
Тоскою полон весь,
Я дальше в путь иду.

*Застольная песня,
сложенная по высочайшему приказу
во время пира*

О, сколько лунной ясной ночью ни смотрю
На сад, где ветерок осенний,
Порывом оборвав цветы,
Устлал их лепестками землю,
О, сколько ни смотрю — не наглядеться мне!

[Застольная песня, сложенная во время пира]

На берегах далеких Суминоэ
Глубоки корни сосен вековых,
Глубоко в сердца тайниках моих
Мечтаю я на травы любоваться,
О, не срезайте травы на полях!

Песня, сложенная с мольбой о долгой жизни

Хоть знаю я,
Что брэнно наше тело,
Подобно легкой пене на воде,
И все же я опять прошу себе
Жизнь долгую, чтоб длилась бесконечно... *

*Сложено на поэтических турнирах
во время пиров*

Меняются, проходят времена *,
И каждый раз, как видимся с тобою,
Болят душа...
Людей минувших лет *
С тоскою в этот миг я вспоминаю...

* * *

Цветам цветущим
Суждено увянуть * —
Таков закон земли с древнейших пор,
Ах, долговечны только корни лилий
На склонах дальних распростертых гор... *

* * *

О, дивен и хорош
«Любых времен цветок!»
Поэтому
Любуйся, наслаждайся
Им каждый раз, как осесть к нам придет! *

* * *

Прекрасный
Наш сегодняшний хозяин,
Пусть вечно жить ты будешь на земле,
Подобно вековой сосне,
И, как теперь, всегда таким же будешь! *

* * *

Ведь тысячи различных есть цветов,
Но все они в конце концов увянут...
Хочу я ветви завязать
На той сосне *,
Что вечна, как скала, и цвета не меняет!

*Сложено, когда любовался
садовым искусством*

Хочу сорвать и спрятать в рукаве
Цветы асиби *,
Что расцвели, наполнив блеском сад,
И отражаются, средь зелени сверкая,
В воде прозрачного пруда!

*Истольная песня, сложенная во время пира
по случаю проводов*

На голубой равнине моря
И ветра нет, и тихая волна.
Корабль умчится быстро в дальние края,
И плыть вперед, и плыть обратно
Спокойно будешь без беды! *

*Застольная песня на пиру,
устроенном в управлении провинции Инаба*

Снег белый, падающий с неба
Весною раннею,
Сегодня, в Новый год,
О, падай, падай же сильнее,
Приход твой счастье нам несет! *

НУКАДА *

*Песня, которой принцесса Нукада
ответила, когда император повелел
министру двора Фудзивара Каматари
устроить спор о том, что лучше —
прелесть множества цветов в весенних
горах или краски тысячи листьев среди
осенних гор **

Все засыпает зимою.
А когда весна наступает,
Птицы, что раньше молчали,
Начинают петь свои песни.
Цветы, что невидимы были,
Цветы начинают повсюду.
Но их сорвать невозможно:
Так в горах разросся кустарник.
А сорвешь — пельзя любоваться:
Такие высокие травы.
А вот осенью — все иное:
Взглянешь на купы деревьев,
Алые клены увидишь,
Листья сорвешь, любуясь.
А весной зеленые листья,
Пожалев, оставишь на ветке.
Вот она — осени прелесть!
Мне милей осенние горы!

*[Прощание с горами Мива *]*

Сладкое вино святое,
Что богам подносят люди,—
Горы Мива!
Не сводя очей с вершины,
Буду я идти, любуясь,

До тех пор, пока дороги,
Умножая повороты,
Видеть вас еще позволят,
До тех пор, пока не скроют
От очей вас горы Нара.
В дивной зелени деревьев,
О, как часто, о, как часто
Я оглядываться буду,
Чтобы вами любоваться!
И ужель в минуты эти,
Не имея вовсе сердца,
Облака вас спрятать могут
От очей моих навеки!

К а э с и - у т а

Горы Мива!
Неужели скроетесь теперь навеки?
О, когда бы в небе этом
Облака имели сердце,
Разве скрыли б вас от взора?!

* * *

Все думаю о временном приюте,
В столице Удзи,
О ночах былых
Под кровлей, крытою травой чудесной,
Что срезана была на золотых полях.

* * *

В Нигитацу, в тот час, когда в путь
Собирались отплыть корабли
И мы ждали луну,
Наступил и прилив,
Вот теперь я хочу, чтоб отчалили мы!

*Песня, сложенная, когда император был на охоте **

Иду полями нежных мурасаки *,
Скрывающих пурпурный цвет в корнях,
Иду запретными полями *,
И, может, стражи замечали,
Как ты мне машешь рукавом?

[В тоске о возлюбленном *]

Когда я друга моего ждала,
Полна любви,
В минуты эти
У входа в дом мой дрогнула слегка
бамбуковая штора,—
Дует ветер... *

*Плач, сложенный,
когда останки императора
находились в усыпальнице*

Когда б могла заранее я знать,
Что ждет тебя беда
Страшнее всех печалей,
Я завязала бы святой запрета знак *,
Чтоб удержать на месте твой корабль!

*Получив посланную из Ёсину
сорванную ветку старой сосны*

О ветка, сорванная у сосны жемчужной
В прекрасном Ёсину,
Как дорога ты мне!
Приносишь ты с собою неизменно
Привет от друга дорогого моего!

*Песня, сложенная в ответ
принцу Югэ*

Ах, птица, что тоскует о былом,—
Ведь это бедная кукушка!
Боюсь, что это плакала она,
Совсем как я,
Что о былом тоскую...

ОТОМО САКАНОЭ *

Песня упреков

Словно корни камыша,
Что уходят глубоко
В землю, в бухте Нанива,
Озаренной блеском волн,
Глубока твоя любовь,—
Говорил ты мне тогда.
Оттого что клялся мне
Верным быть в своей любви,
Ты на долгие года,
Сердце чистое свое,
Словно чистый блеск зеркал,
Отдала тебе тогда,
И был гранью этот день
Для моей любви к тебе.
Как жемчужная трава
Клонится у берегов,
С набегающей волной
В эту сторону и ту,—
В эту сторону и ту
Сердцем не металась я.
Как большому кораблю,
Я доверилась тебе.
Сокрушающие мир
Боги ль разделили нас?
Или смертный человек
Нас с тобою разлучил?
Но тебя, что навещал
Постоянно,
Нет теперь...
И гонца, что приходил
С веткой яшмовой *,
Все нет...
И от этого в душе

Нестерпима нынче боль!
Ягод тутовых черней
Черной ночью напролет,
С ярко рдеющей зарей
До конца, весь долгий день
Все горюю о тебе,
Но напрасна скорбь моя!
Все тоскую о тебе,
Но не знаю, как мне быть.
И недаром говорят
Все,
Что женщина слаба!
Словно малое дитя,
Только в голос плачу я
И брожу, блуждая, здесь...
Не дожидаться, верно, мне
Твоего гонца...

К а э с и - у т а

Когда бы с самого начала
Ты не твердил, что это — навсегда,
Ведь не доверилась бы я,
И разве я с такой тоскою
Могла бы встретиться тогда?!

*Песня, обращенная с мольбой к богам **

Для богов,
Сошедших к нам
С вечной высоты небес,
Ветвь сакаки я сорву,
Что растет в ущельях гор,
Я к той ветви привяжу
Пряжу с белым волокном,
Помолясь, зарюю здесь
Я сосуд с вином святым,
Словно яшму, нанижу
Густо
Молодой бамбук
И, как дикий вепрь в горах,
На коленях поползу,

В покрывало завернусь,
Слабая жена твоя.
И, творя святой обряд,
Буду я молить богов,
Неужели и тогда
Мы не встретимся с тобой?!

К а э с и - у т а

Пряжу паложив горой,
В руки я ее возьму,
И, творя святой обряд,
Буду я молить богов,
Неужели и тогда мы не встретимся с тобой?!

Песни, посланные Фудзивара Маро

* * *

Скажешь мне: «Приду» —
И, бывало, не придешь,
Скажешь: «Не приду» —
Что придешь, уже не жду,
Ведь сказал ты: «Не приду» *.

* * *

У переправы на реке Сахо,
Где слышен непрерывно крик тидори,
Там, где речная отмель широка,
Дощатый мостик перекину для тебя,—
Все думаю, что ты придешь, любимый!

* * *

Ты, с кем молва меня связала
Понапрасну,—
На горном сугэ не было плодов *,—
Любимый мой, с кем ночи ты проводишь?
С кем спишь вдвоем?

* * *

Хоть говорила я тебе,
Что больше я любить не буду,
Но сердце бедное мое! —
Оно меняется легко,
Как цвет меняют лепестки ханэдау*...

* * *

О, если сердце чистое такое,
Как в алтарях святые зеркала,
Ты милому однажды отдала,
Пусть люди после осуждают это,—
Что будет значить для тебя молва!

* * *

Как на нить нанизывают жемчуг,
Повторяют, словно клятву, те слова:
«И теперь, и после, навсегда!»
Но напрасно: после первой встречи,
Говорят, жалеют о своих словах!

* * *

О, это сторона,
Где страшен суд молвы,
И потому прошу тебя, любимый,
Смотри, чтоб алый цвет тебя не выдал,
Пусть даже ты погибнешь от тоски!

* * *

Молва людская, словно заросли кругом,
И оттого, мой друг любимый,
Двойными ножами стал для меня наш дом,
Ушла я из него и буду жить в разлуке,
Лишь о тебе с любовью помышляя...

* * *

О любящее мое сердце,
Что думает: «Прекрасен ты!»

Оно как воды быстрые реки:
Пускай плотины не дают бежать потокам,
Те все равно сметут помехи на пути!

* * *

Заметно для других — как облака,
Что горы голубые рассекают.
Прошу тебя,
Ты, улыбаясь мне,
Старайся, чтоб не увидали люди!

Из песен, посланных старшей дочери

* * *

Хоть и уходила я
Не на век, не в дальний край,
Но хозяйюшка моя,
Дорогая дочь моя
Все стояла у ворот,
С грустной думой
Глядя вдаль.
Ягод тутовых черней
Ночь ли, день ли — все равно
Не могу о ней забыть,
Истомилась без нее,
Исхудала от тоски.
И от горя моего
Вечно влажны рукава!
Если буду я о ней
Так безумно тосковать,
То в селе моем родном,
Верно, не смогу прожить
Даже месяц без нее...

К а э с и - у т а

Как утром пряди разметавшихся волос —
В смятенье думы нежные твои,
И, верно, оттого,
Что ты в такой тоске,
Тебя во сне я видела сегодня...

* * *

Как плачущий журавль,
Среди равнин Такэда,
Раскинувшихся предо мной вдали,
Не зная отдыха, все плачет о подруге,
Вот так же я тоскую о тебе!

* * *

Полна тоски,
Опоры не имея,
Как птица средь теченья
Быстрых рек *,
О ты, дитя мое, как я тебя жалею!

Сложено, переходя гору «Утешу»

Это боги
Сукунахикона,
Оонамути *
Назвали, верно, эту гору так.
Но зовут напрасно
Гору здесь — «Утешу» *.
Ведь тоски моей и тысячную долю
Не утешить что-то ей никак...

Сложено при виде раковин на берегу

Когда о милом я тоскую,
Так тяжело становится мне вновь...
Будь время у меня,
Собрав, взяла б с собою
Морские раковины «позабудь любовь» *!

Три песни о луне

I

Верно, оттого, что высоки
Горы Такамато,
Здесь, в Каритака,
Очень поздно пынче засветилась
Выходящая из-за горы луна.

II

Ночью, черной, как ягоды тута,
Встал туман...
И такая печаль
Видеть в небе луну,
Что едва в темноте этой светит...

III

О, как чудесно любоваться
Небесным блеском, что выходит из ворот
Равнин небес, где показался
Прекрасный юноша
Над гребнями горы! *

Сложено о молодом месяце

Месяц миновал —
И зачесалась бровь,
Тонкая, как месяц молодой:
Верно, встреча будет мне с тобой,
О котором долго тосковала!

Из песен весны

* * *

Любимый мой,
Наверно, будет любоваться
Зеленой ивой на пути в Сахо...
Хоть веточку сорвал бы мне в дороге!
О, если б на нее могла и я взглянуть!

* * *

Пусть снег идет
И дует резкий ветер,
Но возле дома моего
Флодов еше не давшей сливе белой
Не дайте облететь, пока она цветет! *

* * *

Было тяжело слушать голос этой птицы
Мне в обычные простые дни...
Но весна настала,
Дорог нынче сердцу
Голос вдаль зовущий — ёбукодори *.

*Из весенних песен-перекличек
(песен-посланий)*

ПОСЛАНИЕ К ОТОМО ЯКАМОТИ

Бывают думы, от которых в сердце
Как будто наплывают облака,
Так в час, когда туманов вешних дымка
Повсюду стелется,—
Сильна любви тоска!

Из песен лета

СЛОЖЕНО В ТОСКЕ О ГОРЕ ОКИ В ЦУКУСИ

Вот и теперь
На склонах дальних Оки
Кукушка милая моя
По-прежнему поет, наверно, громко,
Хотя там нет уже меня...

* * *

О, почему же я люблю так сильно
Кукушку?

Ведь когда она поет
И слышу я ее печальный голос,
Растет безудержно моя тоска!

*Из летних песен-переключек
(песен любви)*

* * *

Как лилии средь зарослей травы
На летнем поле, где никто о них не знает,
Так и любовь моя,—
О ней не знаешь ты,
А скрытая любовь так тяжела!

* * *

О померанцы, распустившиеся в мае!
Чтоб показать, мой милый, их тебе,
Я жемчугом на нить
Нанизывать их стану,
Ведь если опадут, так будет жаль!

Из песен осени

ПЕСНЯ О ПОЗДНИХ ХАГИ

Цветок прекрасный нежных хаги
Приносит нам печаль, коль поздно расцветет,
Но с сердцем медленным,
Где чувство запоздало,
Могу ли я его сравнить?

Из песен зимы

* * *

О, если белый снег, подобный пене,
Все будет падать бесконечно
Эти дни,
Душистой сливы первые цветы
Навряд ли опадут, завянув...

*Из зимних песен-переключек
(песен любви)*

* * *

Как только в чарки с налитым вином
Мы пустим плавать сливы лепестки
И выпьют чарки те
Любимые друзья,
Пусть сливы облетят, мне будет все равно!

Две песни, сложенные в имени Такада

I

Глаза любимой вижу я впервые...
«Впервые вижу» — высится здесь мыс,
На нем осенний хаги вырос,—
Пускай же этот месяц он
Еще цветет, не облетев на землю!

II

В Енабари,
Среди гор Игаи,
Так тоскливо слушать в тишине
Призывающий жену печальный голос
Бедного оленя, что приник к земле!

Две песни, посланные в провинцию Эттю

I

Ах, тебя, что в путь ушел далекий,
Вижу в сновиденьях
Каждый раз,
Оттого что словно заросли густые
Однококая моя любовь!

II

Пока в дороге он,
О боги дальних стран,

Любимого, что там путей не знает
И к странствованью сердцем не привык,
Не обойдите милостью своею!

Послание из столицы старшей дочери в Коси

О любимое дитя!
Ты дороже мне была
Жемчуга, что, говорят,
Свято чтится и лежит
Скрытый глубоко в ларце
Бога вод — владыки дна.
Но владыкою закон
В мире смертных,
Потому
Подчинилась ты тогда
Воле мужа своего,
Устремилась в дальний путь,
В край неведомый Коси,
В глушь далекую страны.
Листья алые плюща
Разошлись по сторонам —
Разлучились мы с тобой.
И с тех пор перед собой
Беспрестанно вижу я
Росчерк ломаных бровей,
Как изгиб бегущих волн
Вдалеке на глади вод,
Вижу милое лицо,
Что мелькает предо мной,
Как мелькает вдалеке
Среди волн
Большой корабль.
Если я с такой тоской
Буду думать о тебе,
Сердце бедное мое,
Что живет немало лет,
Вряд ли сможет дальше жить.

Каэси-ута

Чем жить, тоскуя о тебе
Так сильно, как сейчас тоскую,

Хотела б на тебя,
Как в зеркало, смотреть,
Чтоб даже дня не знать в разлуке!

* * *

Когда бы ты стал яшмой дорогой,
Я, на руки ее надев, не знала б муки,
Но в мире суетном
Ты только человек,
И удержать тебя мои бессильны руки...

Сложено на поэтическом турнире

Беспечно веселясь,
Давайте пить вино!
Ведь даже травам и деревьям
Весною суждено цвести,
А осенью — опасность на землю!

КАСА *

Из посланий к Отомо Якамоти

I

Алыми корнями мурасаки,
Что покрывают в Цукума поля,
Сегодня платье выкрасила я.
Но не успела я надеть то платье,
Как люди все узнали обо мне!

II

Внизу у диких скал
В ущелье горном
Глубоки корни камыша.
Глубоко связанное клятвою любовной,
Не в силах сердце позабыть тебя!

* * *

На мой подарок, что дала на память,
Гляди всегда и вспоминай меня!
Нить новояшмовых годов длинна,
И долго — сколько годы будут длиться —
Я тоже буду помнить о тебе!

* * *

Как сосны мацу на горе Тоба,
Где птицы белые летают,
Все время жду тебя —
Ведь «мацу» — значит «ждать».
О, эти месяцы, что жду тебя, тоскую...

* * *

Ты можешь думать:
«Новояшмовые годы уже прошли,
Теперь уж все равно»,
Но думать так нельзя, прошу тебя, мой милый,
Об имени моем по-прежнему молчи!

* * *

Ах, о моей любви
Ты не сказал ли людям?
Я видела во сне,
Что ларчик дорогой
Открыли и оставили открытым! *

* * *

Как плачущий журавль во мраке черной ночи —
Лишь слышен крик его издалека,—
Ужели так же буду плакать я,
Лишь вести о тебе из стран далеких слыша
И больше никогда не видя здесь тебя?!

* * *

Любя тебя,
Страдая безысходно
У Нарских гор,
Под маленькой сосной,
Стою, исполненная горя и тоски!

* * *

Как тает белая роса
У дома моего
В траве, закатным солнцем озаренной,
Так таю нынче я,
Любя тебя любовью безрассудной!

* * *

И даже мелкий тот песок на побережье,
Где много, много будешь дней идти,

С моей тоскою
Может ли сравниться?
Ответ мне дай, страж островов морских *!

* * *

В непрочном и неверном этом мире
Так много глаз людских везде,
И потому тоскую о тебе,
Хотя живем с тобою близко,
Как близки камни, что мостком лежат в воде...

* * *

Из-за тебя,
Кого я видела так мало,
Вдали, как утренний туман,
Я жизнь отдать и умереть готова,
Любя тебя, тоскуя о тебе!

* * *

Во сне я нынче увидала,
Что положила рядом
Бранный меч,
О, что же та примета означала? —
С тобой увидимся, мой друг!

* * *

Когда бы у богов и неба и земли
Вдруг справедливости не стало,
О, только бы тогда
Мне умереть пристало,
Не встретившись, любимый мой, с тобой!

* * *

И я люблю, и ты не забывай!
Как ветер, дующий все время в бухте этой,—
Нет ни минуты, чтобы дуть он перестал,—
Вот так и ты, чтоб ни одной минуты
Ты обо мне не забывал!

* * *

Хоть и звучит здесь колокол вечерний,
Что говорит всем людям:
«Спать пора!»
Я о тебе тоски полна,
И потому, забыться сном не в силах!

* * *

Любить того,
Кто вас не любит,—
И пользы нет, и нету смысла,
Как кланяться чертям голодным*,
В буддийский храм придя молиться!

* * *

Как будто бы среди весенних гор,
Что отливают нежной голубизной крыла
Птиц водяных — камо,
О, как туманно все
В моих печальных думах о тебе!

ТАКЭТИ КУРОХИТО *

Песни странствований

* * *

В каких краях, куда
Причалит он,
Беспомощный и малый этот челн,
Что обогнул далекий мыс
Арэносаки?

* * *

В Сакура на поля
Журавли надо мной пролетают, крича...
Верно, в бухте Аютигата
С берегов теперь схлынул прилив,
Журавли надо мной пролетают, крича...

* * *

Когда я плыл по морю, огибая
Мыс каменистый, в эти дни —
У множества причалов,
В море, в Оми
Кричали часто журавли...

* * *

Мой челн!
Пристанем
К гавани Хира!
Не удаляйся больше в море:
Уже спустилась ночь и всюду темнота!

* * *

О, где же я
Найду себе приют,
Когда зайдет за горизонтом солнце
В долине Катину,
В стране Такасима?

* * *

Моей любимой
Я показывал Инану,
Когда же я ей показать смогу
И горы Насуги, и берега Цуну
С зеленою сосновой рощей?

* * *

Сегодня, в этот день, когда нашел приют
Средь снега, что идет,
К земле склоняя
Камыш, растущий на полях Мэи,
Печалью полнится душа...

* * *

Итак, друзья,
Скорей в страну Ямато!
Здесь, где растут сирасугэ,
В краях Ману — долина хаги...
Нарвем цветы — и поскорее в путь!

В Ёсину

Верно, в Ямато
Петь она будет —
Птица ёбукодори —
И зовет за собою, надо мной пролетая,
Среди гор у вершины Киса!

КАСА КАНАМУРА •

Отплывая на корабле в гавань Цунуга

От Цунуга-берегов
Я отплыл в страну Коси.
На огромном корабле,
Много весел закрепив,
Вышли на простор морской.
И когда, спеша вперед,
По морю мы стали плыть,
В бухте дальней Таюи
Показался легкий дым...
То рыбачки над костром
Выжигали соль вдали,
Но в пути скитаюсь я,
Где подушкой на земле
Служит страннику трава,
И печально мне смотреть
Одному на этот дым...
Перевязь из жемчугов,
Что сверкали на руках
У владыки вод морских,
На себя теперь надев,
Полон я тоски и дум
О далеких островах,
О Ямато-стороне!

К а э с и - у т а

Когда взглянул я,
Находясь в пути,
На бухту Таюи в Коси, на море,—
Чудесной красотой сверкало все вокруг
И сердцу дорога была страна Ямато!

*Сложено во время пребывания
в провинции Харима*

В Накидзуми,
В Фунаса
Виден остров, что зовут
Авадзисима.
Слышал я, что в бухте там
Мацухо
Рыбачки есть,
Что в затишье поутру
Собирают на ладьях
Водоросли-жемчуга,
А в затишье ввечеру
Жгут из водорослей соль,
Но надежды нет уплыть
Мне туда,
Чтоб видеть их,—
Словно нет уже во мне
Сердца рыцаря теперь,
Словно слабая жена,
Подчинился я тоске
И хожу, блуждаю здесь...
О, как полон я тоски!
Оттого, что нет весла,
Оттого, что нет ладьи...

Каэси-ута

I

Я в море плыть хочу, чтобы увидеть
Рыбачек юных, что срезают там
Морские водоросли-жемчуга...
О, если б весла мне, о, если бы ладью,
Пусть даже на море бушуют волны!

II

О, сколько ни брожу и ни смотрю,
Я любоваться не устану,
На волны белые, что набегают
На берег Фунаса
В Накипуну...

Сложено на горе Сиоцу

* * *

Когда дорогой горною в Сиоцу
Я проезжал спокойно на коне,
Мой конь
О камни вдруг споткнулся * —
Тоскуют, верно, дома обо мне!

* * *

Хочу, чтоб люди те, которые увидят
Стрелу, что рыцарь доблестный пошлет,
Подняв свой лук и воздух сотрясая,
Из века в век, из уст в уста передавали
О славе золотой минувших лет!

Сложено в Ёсину

Там, где мчится водопад,
У горы у Мифуна,
Дерево того,
Зеленя, разрослось,
Ветки свежие пустив
Друг за другом вслед.
Друг за другом вслед
Тысячи веков и впредь
Так же будут управлять
Повелители земли
В дивной Ёсину-стране,
В Акицу в своем дворце.
Потому ль, что боги в нем,—
Величав собой дворец,
Потому ль, что хороша
Та страна, где он стоит,—
Все смотрел бы на него!
Так кристальны реки здесь,
Так прекрасны склоны гор!
И недаром решено
Было со времен богов,
Чтобы здесь стоял дворец!

Каэси-ута

I

Хотел бы каждый год,
Как ныне, любоваться
Волнами белыми, что пенятся и мчатся
В прекрасном Есину
На лоне чистых вод!

II

Оттого, что горы поднялись высоко
Белыми цветами, что в дар несут богам *,
Падают с вершины мчащиеся воды —
Сколько ни гляжу,
Не утомится взор!

Каэси-ута

из неизвестной книги

I

Оттого ли, что живут здесь боги,
Все бы любовался этой красотой!
Сколько ни гляжу,
Как мчатся водопады в дивном Есину,—
Не наглядеться мне!

II

Прекрасны воды Акицу-реки,
Что тысячу веков здесь, в Есину, струятся,
Конца не зная,—
Так же без конца
К ним буду приходить и любоваться!

III

Не белые ль цветы,
Что девы в Хацусэ
Из ткани делают для алтарей богов,
Как будто бы цветут на пенистой волне
У водопада в Есину.

*Песня, сложенная от лица дамы
по ее просьбе *, чтобы послать мужу,
находящемуся в отъезде*

О, прекрасный мой супруг!
Ты, что следуешь в пути,
Где изволит проходить
Наш великий государь
Вместе с теми, что стоят
Во главе несметных войск
Славных воинских родов.
Гуси по небу летят...
Там, в Кару, минуя путь
И любуясь Унэби,
Той горой, что все зовут
Девой чудной красоты
В перевязях жемчугов,
И вступив на путь в Кии,
Там, где платья хороши
Из простого полотна,
Ты, наверное, идешь
Возле склонов Мапути.
О любимый! Там идя
И любуясь, как летит,
Осыпаясь с веток вниз,
Кленов алая листва,
Не тоскуешь, верно, ты
С нежной думой обо мне,
А о странствии своем
Где подушкою в пути
Служит страннику трава,
На ночлег остановясь,
Думаешь с восторгом ты!
И хотя могу понять
Думы тайные твои,
Но не в силах больше я
Молча оставаться здесь.
Много, много тысяч раз
Думала пойти я в путь
За тобою, милый мой,
Но ведь тело у меня
Слабой женщины, увы!
Потому бессильна я...
Спросят стражи на пути,

Будут мне чинить допрос,
Я не знаю, что сказать
И какой держать ответ.
Оттого, собравшись в путь,
Медлю я идти к тебе...

К а э с и - у т а

I

Чем, проводив тебя,
Здесь мучиться в тоске,
Я лучше б нынче стать хотела
С тобою вместе в Ки горами Имсэ *,
Где милый неразлучен с милой!

II

О, если бы пошла я за тобою,
Ища следы твои,
Любимый мой,
В стране далекой Ки страж у заставы,
Наверно, все равно не дал бы мне пройти!

*Сложено, когда завоевал
любовь юной девы в Миканохара*

В Миканохара,
Где стояли мы в пути,
Что отмечен был давно
Яшмовым копьём,
Повстречался я с тобой,
Милая моя,
Как на облака небес,
Только издали взирал
На тебя тогда —
Не пришлось ни разу мне
Говорить с тобой.
И когда томился я
В сердца тайной глубине,
Боги неба и земли
Подарили мне тебя.
И из шелка рукавами

Обменялись мы с тобой,
И, доверясь мне душою,
Стала ты моей женой!
О, пускай была бы долгой
Эта ночь, как сто ночей,
Долгих осени ночей!

К а в с и - у т а

I

С тех пор как я ее увидел
Вдали перед собой, как облака небес,—
И телом, и душой
Я покорился
Возлюбленной моей!

II

Коль быстро эта ночь
Сменяется рассветом,
Нам ничего уже не сделать с ней...
Как я молил богов, чтоб ночь продлилась долго,
Так долго, как осенних сто ночей!

Сложено в Нанива

I

Говорят, великий государь
Повелел воздвигнуть на горах заставу,
Говорят, поставил сторожей,
Но пока я в горы не проникну,
Я покоя не найду себе!

II

Когда взглянул,
Мне близкой показалась
Жемчужина, сверкавшая среди скал,
Жемчужину я эту не оставлю,
Пока не станет навсегда моей!

И даже в день такой, когда отправлюсь в путь
 За горы дальние, где дикие олени
 Протяжно стонут,
 Даже в этот день
 Ужели я с тобой опять не встречу?!

*Послание к другу —
 послу в Китае Тадзихи Хиронари*

Нету часа, чтоб не снял
 Перевязи жемчугов,
 Нету часа, чтоб я был
 И без дум, и без тревог
 О тебе, кого люблю,
 Не жалея жизни нить...
 Бренно тело на земле!
 Так как грозен был приказ,
 Ты покинул в Мицу мыс
 В бухте дивной Нанива,
 Где вечернею порой
 Жен сзывают журавли...
 У большого корабля
 Много весел закрепив,
 Ты оставил нас и плыл
 Мимо цепи островов
 По бушующим морям,
 Где высоко поднялась
 Белопенная волна...
 Я же, что остался здесь,
 В руки я возьму дары
 И, неся мольбу богам,
 Буду ждать тебя, мой друг,
 Возвращайся поскорей!

Сложено у горы Икаго

О, даже тот, кто в дальний путь идет,
 Где травы служат изголовьем,
 Когда цветов коснется, уходя,
 Как будет он благоухать тогда
 Раскрывшимися лепестками хаги!

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ АВТОРОВ

Песни, сложенные левым министром Татибана Мороз

* * *

Как корни лилий,
Что растут на склонах
Высоких величавых гор,
Такой же выпал снег глубокий,
Как корни лилий,— ярко-белый снег!

* * *

Как нежные цветы адзисаи,
Цветущие вокруг — за рядом ряд,
Пусть много лет
Ты здравствуешь, мой друг,
А мы, любуясь, будем прославлять!

[Шесть] песен Танабэ Сакимаро

* * *

Ларчик дорогой
Когда откроют?
О, когда же будет рассветать?
Плавая в Фусэ, в морском заливе,
Соберу я водоросли-жемчуга!

* * *

Пока не увижу прекрасную бухту Фусэ,
О которой я слышал,
Но еще никогда не видал,
Ни за что не вернусь я обратно в столицу мою,
Пусть долгие годы пройдут — все равно!

* * *

О, когда бы теперь мог туда я пойти
И увидеть прекрасную бухту Фусэ,
Свите славной дворца —
Сотне знатных вельмож —
Я бы всем рассказал о ее красоте!

* * *

Выйду в сад,
Где, расцветая, опадают
Белые цветы душистых слив,—
Одному мне будет не под силу
Ожидать все время твоего гонца...

* * *

Когда увидел я, что расцвели
Волной струящиеся вниз гирлянды фудзи,
Я сразу понял:
Дни недалеки,
Когда в цветах должна запеть кукушка!

* * *

У пустынных берегов залива Оу,
О котором, думал, мне болтали зря,
Сколько раз ни проплываю снова,
Сколько ни люблюсь этой красотой,
Любоваться не устану никогда!

*Песня [Танабэ Сакимаро],
сложенная в тоске о любимой*

Словно белый жемчуг ты!
Имя милое твое,
О, как часто про себя
Повторяю я в душе!
Много дней уже прошло,
Мы не виделись с тобой,
И все больше, больше дней,

Проведенных мной в тоске...
Я не знаю, как мне быть,
Чтоб развеять грусть мою.
Сердце я разбил свое,
Нету дня, чтоб не надел
Перевязь из жемчугов *,
Беспрестанно, без конца
Имя милое твержу...
Деву милую свою,
Как из жемчуга браслет,
На руки бы мне надеть,
Прямо бы в лицо взглянуть —
В зеркало светлей воды,—
Но не вижу я тебя...
Словно воды, что текут
У подножия горы
Ситаби,
А наверху
Их не видно,
Так и я...
Ах, не видно никому
Сердце, полное тоски,
Что покоя не найдет...

К а э с и - у т а

Словно изгородью из зеленых тростников,
Разделила нас с тобой молва людей,
Оттого, что так сильна она,
Много дней я не встречал тебя,
Верно, целый месяц миновал...

[Две] песни Танабэ Сакимаро

* * *

Чтоб поехать по морю в Наго,
Ненадолго одолжите мне ладью.
Выйду в море,
Может, волны встали там,
Поглядев на них, назад я поверну.

В дальнем море Наго,
 Если быстро спадает прилив,
 Журавли отправляются сразу за пищей своей
 И теперь, пролетая над морем,
 Тревожно кричат...

*Песня, сложенная Курамоти Титосэ **

Как на ткани дорогой
 Дивно вытканый узор,
 Есть чудесная страна!
 Словно грома дальний звук,
 Только слухи до меня
 Доносились каждый раз
 О прекрасном Есину!
 А теперь, когда смотрю
 С гор, покрытых хиоки *,
 На просторы той страны —
 Всюду, где речная мель,
 Наступает лишь рассвет,
 Подымается туман,
 А лишь вечер настает,
 Там лягушки голосят,
 Но ведь я теперь в пути,
 Где шнура не развязать *,
 И так жаль, что я один
 И люблюсь без тебя
 Чистым берегом реки...

К а э с и - у т а

Вершины Мифуна над водопадом
 Хоть и внушают трепет мне,
 Но и вблизи вершин
 Нет дня, нет даже часа,
 Чтоб думать о тебе я позабыл!

Каэси-ута
из неизвестной книги

I

У Есину-реки, там, где тидори
Все время плачут, слышен шум волны,
Не умолкая ни на миг.
И, звукам этим вторя,
Все время в мыслях непрерывно ты...

II

Не так уж много миновало дней,
Сиявших ярко рдеющей зарею,
А от тоски моей
Над Есину-рекой
Туманы поднимаются все время!

Песня, сложенная Курамоти Титосэ

Так красивы берега...
Оттого к траве морской,
Что у моря поднялась
И сгибается к земле,
Лишь затишье поутру —
Набегает вмиг волна
Сразу в тысячи рядов.
Лишь затишье ввечеру —
Набегает вмиг волна
Сразу сотнями рядов.
Словно волны, что бегут
К этим чистым берегам,
Все сильнее и сильней,—
С каждым месяцем и днем,
День за днем люблюсь я
Этой дивной красотой.
Но в короткий этот миг
Разве насмотреться мне
На крутые берега
В Суминоэ-стороне,
Где кругом, вздымаясь ввысь,
Волны белые шумят?

Хочу на память я окрасить платье
В красивой красной глине * берегов
В стране далекой Суминоэ,
Где в тысячи рядов волна встает,
Сверкая белоснежной пеной...

*Песня Отомо Икэнуси *,
посланная в ответ Отомо Якамоти*

С трепетом приказу вняв
Государя своего,
Распростерты кругом
Горы, доли миновав,
Править стал селеньем ты,
Дальним, как небесный свод.
Рыцарь доблестный,
О чем
Ты тоскуешь и грустишь?
Неужели перестал
Приходить к тебе гонец,
Что из Нара приходил,
Дивной в зелени листвы?
Скрывшись нынче ото всех,
Ты тоскуешь взаперти
И живешь, скрывая вздох
В тайниках своей души...
О печальный, дальний друг,
С древних пор
До сей поры
Говорят из века в век,
Что непрочный и пустой
Этот жалкий, бренный мир!
Но, однако, есть и в нем
Утешение для нас.
Люди нашего села
Нынче мне передают,
Что на вешних склонах гор
Опадает вишни цвет,
Птицы каодори там
Распевают без конца...
И в весенние поля

За фиалками идут
Девы юные теперь,
Белотканые свои
Отогнувши рукава,
Платья алого
Подол красный волоча...
Говорят, что думы их
Беспокойны от тоски,
Говорят, что ждут тебя
В сердца тайной глубине
И полны к тебе любви.
Грустно сердцу твоему,
Так пойди взгляни на них!
Только все, что я сказал,
Хорошо пойми, мой друг!

Каэси-ута

I

О золотых ямабуки цветы!
Ведь с каждым днем
Они цветут сильнее,
И о тебе, о ком я думаю с любовью,
Острее и острее моя тоска!

II

О друге дорогом тоскую,
Как быть, не знаю, мучусь в тишине,
Как будто за оградой тростниковой
Горюю я..
О, как мне тяжело!

*Песня [Отото Икэнуси], сложенная в ответ
на оду об увеселительной прогулке
по озеру Фусэ*

Фудзи нежные цветы,
Вниз бегущие волной,
Расцветали, отцвели...
Говорят, как раз теперь

Наступил уже расцвет
Для цветов уюхана.
И в долинах, и в горах
Распростертых
Нам поет
Милая кукушка
Песнь,
Что несется звонко вдаль.
Оттого и сердце вдруг
Слабовольное мое
Вянет, сохнет от тоски...
И тогда мои друзья,
Что люблю я всей душой,
На конях явились вдруг,
Тронулись мы вместе в путь.
А на отмели речной
Возле устья
Имидзу,
Уходящей вдаль реки,
Птичьей стаи собрались.
Как затишье поутру —
За добычею летят,
А нахлынет вдруг прилив —
Милых жен своих зовут.
Замечательно кругом!
И, любясь красотой,
В Сибутани едем мы.
Возле мыса
У пустых,
Каменистых берегов,
Жемчуг-водоросли есть,
Что бегущею волной
Прибивает к берегам.
Мы их рвем, плетем венки,
В руки взяв, уносим их
Для своих любимых жен *.
И на озере Фусэ —
Изумительной красы —
На челнах рыбацких мы,
Прочно весла закрепив
И зовя друг друга в путь,
Белотканым рукавом
Машем,
Отплывая вдаль.

Перед нами на пути,
Где чудесный мыс Оу,
Облетают тут и там
С веток нежные цветы...
А на отмели кругом
Средь зеленых камышей
Утки поднимают шум.
И плывем все дальше мы,
Огибая славный мыс,
И как рябь на глади вод —
То покажется, то нет —
То сидим, то встанем мы,
Восхищаясь красотой!
Но не наглядеться нам.
И осеннею порой
С ярко-алою листвою,
И весеннею порой,
Всех цветов расцвет когда,
Что бы ни было — и впредь
За друзьями вслед пойду,
Буду любоваться я,
Как люблюсь я теперь.
Никогда не будет дня,
Чтоб пресытился красой,
Чтобы перестал смотреть
Я на озеро Фусэ!

К а э с и - у т а

Как красивы морские жемчужные травы,
Что приносит с собою одетая пеной волна!
Постоянно, пока буду жить я на свете,
Буду я приходить любоваться сюда
Дивным берегом этим!

Ода [Отото Икэнуси], воспевающая гору Татияма

Там, где всходит поутру
Солнце,
Там видна гора,
Божеством она слывет,
Имя славное неся,

Тысячу густых слоев
Белоснежных облаков
Вдруг раздвинув,
Поднялась,
Упираясь в небеса,
Та высокая гора —
И зовет ее народ
С той поры Татияма,
Или «Вставшая гора».
Летом и зимой, всегда,
Без разбору,
Снег идет
И ложится,
С древних пор
Он сверкает в вышине,
Страшные отвесы скал
Чтятся, словно божество,
Сколько же она веков,
Что, жемчужиной блеснув,
Исчезали без следа,
Простояла с той поры?
Сколько ни любуйся ей,
Сидя, стоя ль — все равно
Удивительна она!
Так вершины высоки!
Так ущелья глубоки!
Над прозрачною рекой,
Что несется с шумом вниз,
Утро каждое встает
Легкой дымкою туман,
А лишь вечер настает,
Вдаль уходят облака,
И как эти облака,
Сердце, тоже вдаль стремясь,
Вянет, сохнет от тоски...
Как туман, что там стоит,
Не пройдет моя любовь,
И как воды, что текут
С вечно чистым звоном струй,
Так же тысячи веков
Будут говорить о ней,
Сказ о ней пойдет в века,
До тех пор, пока река
Здесь не перестанет течь...

I

То, что летом никогда не тает снег,
Покрывающий хребты Татияма
Яркой белизной,
Нам говорит о том,
Что священна эта дивная гора!

II

Как струи светлые реки Катакаи,
Вниз падая, бурлят и быстро мчатся,
Конца не зная,
Так же без конца
Сюда стремится тот, кто раз ее увидел!

*Песня Отомо Икэнуси,
посланная в ответ Отомо Якамоти*

Нара в зелени листья
Я оставил и ушел,
И хотя живу сейчас
Я в глуши, что далека,
Словно неба дальний свод,
Но, когда я видел здесь,
Друг мой дорогой, тебя,
Я всегда в печальный час
Утешенье находил.
Но теперь, приказы чтя,
Что великий государь
Отдал,
Взял ты на себя
Управление страной.
И из молодой травы
Сделал шнур и подвязал
Нижние края одежд.
И как стаи певчих птиц
Улетают поутру,
Так ушел ты поутру
От меня в далекий путь.
И, оставленный тобой,

О, как был печален я,
И, ушедший в дальний путь,
Как, наверно, ты грустишь!
Небо горьких дум моих
Неспокойно с этих пор.
И когда не стало сил
Горевать и слезы лить,
Оглянулся я кругом
И увидел:
На горе
Расцвели унохана,
И кукушка вдалеке
Громко плачет среди цветов
Словно утренний туман
В сердце горестном моем,
Рассказать словами все
Страх не позволяет мне...
Оттого и приношу
Я священные дары
Покровителям-богам
Там, где горный перевал
У горы у Тонами,
И молю я об одном:
С другом, сердцу дорогим,
С глаза на глаз быть хочу,
Будет счастлив пусть в пути
И воротится назад.
И когда пройдут, сменясь,
Месяцы разлуки злой,
Сразу,
Лишь придет расцвет
Алых полевых гвоздик,
Дайте встретиться мне с ним!

К а э с и - у т а

Боги всех дорог и всех путей,
Что давно отмечены копьём из яшмы,
Вам дары несу —
О друге дорогом
Я прошу вас позаботиться в пути! *

*Песня Сами Мандзэй **

Этот бранный мир!
С чем сравнить могу тебя?
Рано на заре
Так от берега ладья
Уплывает без следа...

*Две песни, посланные Сами Мандзэй
Отомо Табито*

* * *

С тех пор как тебя проводил,
На кого неустанно глядел,
Словно в ясное зеркало я,—
В час вечерний и в утренний час —
Я в глубокой печали теперь...

* * *

Хоть белыми черные волосы стали,
Что черными были, как ягоды тута,
А время пришло
Повстречаться с тоскою,
Что болью тяжелою ранит мне сердце!

*Песня, сложенная Тадзихи Касамаро *
по дороге в Цукуси*

Как на чистый блеск зеркал,
Что в ларцах своих хранят
Жены нежные у нас,
На чудесных берегах
Мицу любовались все,
Глядя на морскую гладь.
На чудесных берегах
Свой заветный красный шнур
Не развязываю я,
Все тоскую о жене,
О возлюбленной своей,
И поэтому в тоске,

Словно плачущий журавль,
Что бывает поутру
Скрыт туманом на заре,
Только в голос плачу я...
И, мечтая в тишине,
О, хотя бы часть одну
Среди тысячи частей
Той тоски, что полон я,
В сердце заглушить своим,
Я решил пойти взглянуть
На места, где дом родной,
Но когда я посмотрел:
Там, средь Кацураги-гор,
Вставших флагом голубым,
В дальних белых облаках,
Протянувшихся грядой,
Спрятан был от глаз мой дом...
В дальнюю, как свод небес,
В глушь далекую страны
Отправляюсь я теперь.
Остров Авадзисима,
Что лежал передо мной,
Я оставил позади —
И гляжу все время я
В сторону, где на пути
Остров Авасима есть.
Там, в затишье,
Поутру
Лодочников голоса
Раздаются над водой,
Там, в затишье,
Вечеру
Звуки весел слышны мне,
И по волнам я плыву,
Рассекая их в пути,
И кружусь, плывя меж скал...
Проплываю бухту я
Инабидзума.
Будто птица на воде
Я качаюсь на волнах...
Вот и Иэносима —
«Остров, что зовется Дом».
На скалистых берегах
Пышным цветом расцвела,

Наклонясь к земле, трава,
Что зовут «не говори».
О, зачем я, уходя,
Словно слушая траву,
Ничего жене своей
На прощанье не сказал?!

К а э с и - у т а

О, верно, уходя, все буду я считать
И месяцы, и дни,
Когда вернусь под нашу кровлю,
И вновь друг другу мы постелем в изголовье
Одежды белотканой рукава...

[Три] песни царедворца Абэ Хиронива *

* * *

О, как далека, далека
Дорога до дома любимой моей!
О, может ли спорить она
С плывущей по небу луной
Ночью черной, как ягоды тута!

* * *

Хотя насквозь я вымок ночью —
Дождь то переставал, то снова лил,
И всюду был туман,—
Но я тебя любил,
И ждал тебя я терпеливо...

* * *

Как хорошо бы
Жить и жить на свете!
О жизнь короткая моя,
Что жемчугом блеснет — и нету...
Хочу, чтоб долго длилась ты!

[Четыре] песни Касуга Ою *

* * *

Возле этой реки
Ряд за рядом камельи цветут,
Долго, долго смотрю,
Но никак не могу наглядеться
Я на поле весною в Косэ!

ПРОВОЖАЯ ДРУГА В КИТАЙ

Пролив минуя у берегов Цусима,
Меж диких скал
Свой путь держа морской,
Ты принеси дары богам с молитвой
И возвращайся поскорей домой! *

* * *

Там, где лианами обвиты скалы,
И до Иварэ еще я не добрался,
О, когда в Хапусэ
Перейду я горы?
С каждым часом ночь становится темней!..

* * *

Луны сияющей, что озаряет мир,
Не закрывайте в небе, облака!
В тень островов
Спешит войти мой челн,
И я не знаю, где найти причал...

[Четыре песни] Кумэ Хиронава *

* * *

Ведь зелень свежая деревьев, что цветут,
Уже теперь достаточно густа,
Так почему ж
Кукушка не поет,
В тот час, когда мы чествуем тебя?

* * *

Горная кукушка, говорил тебе я:
«Если именитый гость сюда придет,
Спой тогда мне песню
В честь его прихода».
Отчего же ты не прилетаешь петь?

* * *

Домой отсюда уезжая,
Что расскажу о здешней стороне?
Кукушка!
Среди гор, простертых предо мною,
Хоть раз подай свой голос мне!

* * *

Пришли мы, думая, что ненадолго,
Но, вдруг в заливе Тако увидав
Цветы сверкающие
Дивных фудзи,
Мы, верно, проведем на берегу всю ночь!

*[Две песни] царедворца Отомо Ясумаро **

* * *

В дальних горных ущельях,
Камышовые листья сгибая,
Снег идет, и как жалко мне будет,
Если снег этот белый растает!
Дождь, смотри же, не лейся на землю!

* * *

Ведь, говорят, к деревьям, что священные,
И то руками прикасаются порою,
А ты твердишь,
Что ты жена чужая
И потому ты неприкосновенна!

*Три песни Фудзивара Умакаи **

* * *

Туда, где срезают жемчужные травы морские *,
Вряд ли на взморье мой челн выйдет в плаванье ныне,
Ту, что лежит на моем изголовье
На шелковой ткани,
Я позабыть и оставить не в силах...

* * *

В рассвета алый час
Все снится тот же сон,
И непрестанно я тоскую о любимой,
Как непрестанно набегают в Кадзисима
Морские волны на берег крутой...

* * *

В священном храме, здесь,
В Ивата, в Ямасина,
Когда дары я приношу богам,
Быть может, счастье улыбнется нам
И будем вместе мы с любимой!

*Песня Такахаси Мусимаро *,
сложенная, когда Фудзивара Умакаи
был назначен военным инспектором дорог*

В эти дни, когда кругом
Стала алой от росы
Нежная листва
И над Тацута-горой
Тучи белые встают,
Ты, что в дальний путь идешь
Через горы и холмы,—
Через цепи сотен гор
Ты себе проложишь путь,
И в Цукуси-стороне,
Нас хранящей от врагов.
До земли ее дойдя,
Подели ты слуг своих,

В разные концы пошли
И вели им оглядеть
Все границы дальних гор
И границы всех полей
До пределов, где звучит
Эхо средь расщелин скал,
До пределов, где ползет
По земле живая тварь,
Разузнай дела страны!
Ныне скрыто все зимой,
А когда придет весна,
Птицею летящей
Возвращайся к нам скорей!
И когда начнут сверкать
Алых цуцудзи цветы
На дорогах, у холмов,
Возле Тацута-горы,
И когда начнут цвести
Вишен нежные цветы,
Как у Яматадзу, здесь
В яркой зелени листвы
Тянется навстречу лист
К каждому листу,
Я навстречу поспешу,
Чтоб приветствовать тебя!
Только бы вернулся ты!

К а э с и - у т а

Пусть будет войск
Несметное число
Ты храбрецом себя покажешь, знаю,
И всех без лишних слов
Сумеешь победить.

Песня [Такахаси Мусимаро], воспевающая кукушку

Случилось раз у соловья —
Из соловьиного яйца
Кукушка
Родилась на свет *,
Она не пела,

Как отец,
И не умела петь,
Как мать,
И, прилетев сюда с полей,
Где расцвели уюхана,
Так громко стала распевать,
Что померанцев лепестки
На землю стали опадать...
День целый пела напролет,
Но сладко было слушать мне.
Не улетай же далеко!
Тебе взамен подарок дам!
Здесь, где находится мой дом,
Средь померанцевых цветов
Ты поселись, живи всегда
И целый день мне песни пой!

К а э с и - у т а

Ночами пусть встает туман,
И льется дождик с высоты...
Кукушка —
С песнею летит,
Ах, что за диво птица ты!

Песня принца Асукабэ, сложенная во время пира во дворце

Девы юные идут по саду,
Волоча подол одежд жемчужных *,
А в саду теперь
Осенний ветер дует
И цветы все время падают на землю...

[Три песни] Фудзивара Фусасаки

* * *

У горы Мацути, что сверкает
Ярко-белой тканью в вышине,
В реках горных
Конь совсем мой не шагает,
Верно, дома ты тоскуешь обо мне!

* * *

Гора «Любимая» — Имонояма,
Что поднялась как раз напротив
Горы «Любимый» — Сэнояма,
Согласье, верно, милому дала:
Меж ними перекинут мостик...*

* * *

Когда ты выйдешь в бухте Саига
В стране Кии
И поглядишь кругом:
Огни костров, зажженных рыбаками,
Виднеются повсюду между волн...

[Две песни] девицы Ки Осика

* * *

Как я теперь
Печалюсь и горюю,
Когда подумаю, что отпустить могла
Тебя, которого без памяти любила
И берегла, как жизни этой нить...

* * *

Как ясно светит в час ночной луна
В извечном и далеком небе!
Цветы у слив раскрыли сердце — так и я...
О милый друг, о ком я думаю полна,
Кому раскрыла настежь сердце!

Песня, сложенная женой Тагима Маро

О милый мой, куда, в какие дали
Направился ты, скрывшись с глаз моих,
Как водоросль на дне,—
Не горы ли Набари — «Прячась» —
Ты переходишь, может быть, сейчас?

Песня царедворца Исоноками Маро

Когда увидимся, любимая моя?
Не потому ль, что Идзами-гора высоко
Свою вершину в небо подняла,
Страна Ямато мне отсюда не видна?
А может, потому, что та страна далеко?

Песня Нага Окимаро

О, средь полей далеких Хикуману
Долина хаги вся в благоуханье,
Пойди туда, и пусть твоя одежда
Впитает аромат
На память о скитаньях!

Песня Такасу Осима

В странствовании дальнем
Тоскою полны мои думы,
И если б не слышал
Я криков родных журавлей,
Я б умер, наверно, тоскуя о доме далеком...

Песня Окисомэ Адзумабито

Корни сосен берегов Такаси,
Здесь, в Отомо, сделав изголовьем,
Хоть и спать ложусь,
Но не усну я —
Все с тоскою думаю о доме...

Песня Осакабэ Отомаро

Тоскою полный по стране Ямато,
Спокойным сном уснуть
Не в силах я...
Как могут так безжалостно на море
Звучать у мыса крики журавлей!

Песня Кумэ Дзэндзи

Крепок шнур у священного груза,
Шнур на ящиках с даром священным —
Колосьями первого риса от людей
из восточного края,—
Крепко сердцем моим ты владеешь,
Подчиняя его своей воле!

Песня Исикава Кимико

В Сика рыбачки возле берегов
То водоросли нежные срезают, то выжигают соль,
Досуга нет у них,
И даже гребешков не вынимают,
Чтобы пригладить волосы свои..

Две песни Хасибито Оура о молодой луне

* * *

Взглянул кругом:
Там, где небес равнина,
Я вижу — тонкий светлый лук
Натянут и подвешен в небо —
Прекрасен будет мой полночный путь!

* * *

Не потому ль, что очень высоки
Вершины гор в селенье Курахаси,—
Неясен свет мерцающей луны,
Что из-за гор на небеса выходит
С приходом темноты!

Песня царедворца Тагути Масушито, сложенная у мыса Киёми

От мыса Киёми
В Иёхара
До бухты, до Михо я плыл, все время глядя

На гладь спокойную кругом,
И вот тоски — как не бывало!

*Песня, сложенная принцем Аки
во время путешествия императора [Гэнсё]
в провинцию Исэ*

О, волны моря в белой пене
У берегов страны Исэ,
Когда б они цветами были.
Я, завернув,
Послал бы в дар тебе!

*[Две] песни, сложенные монахом Хакуцу
по дороге в провинцию Кии*

* * *

Как скалы, вечная
Пещера здесь и ныне
Осталась, как была в те старые года,
А люди, что в пещере этой жили,
Увы, не возвратятся никогда!

* * *

Сосна, стоящая у входа
В пещеру горную,
Взглянул я на тебя —
И показалось мне, что я увидел друга,
Которого давно когда-то знал!

[Две песни] Отомо Момоё

* * *

Сливу в ту ночь,
Темную до черноты, словно ягоды тута,
Я совсем позабыл
И вернулся, ее не сорвав,
А ведь так я любил эту сливу когда-то!

* * *

О, если б ты сказала мне, что любишь,
На самом деле не любя меня,

То знай, что боги рощ святых Микаса
Среди полей Ону
Твою узнают ложь!

*Песня жены Го Данъоти,
сложенная во время его отъезда
в провинцию Исэ*

В стороне той далекой, в Исэ,
охраняемой ветром богов,
Там, у берега моря, нарвав себе оги-траву,
Может, лег ты уснуть,
Сном забывшись в пути,
На пустынном чужом берегу...

Песня унэмэ из провинции Суруга

Ведь из-за горьких слез,
Что просочились
Сквозь изголовья мягкие шелка,
Как будто на волне качаясь, я спала —
Так сильно я тебя любила...

Песня девицы из рода Абэ

Ни одного стежка иглой не пропускала
В одежде, что надета в путь тобой,
Мне кажется, что все, любимый мой,
В одежду эту вложено душою,
И даже сердце тоже там, с тобой!

Песня старшего секретаря Асада Ясу

[ПРОВОЖАЯ ОТОМО ТАВИТО]

Когда приблизится печальный день
И ты отправишься, мой друг,
В страну Ямато,
Олени, что резвятся на полях,
И те подымут крик и будут громко плакать!

Песня Отомо Катами

Не говори,
Чтоб ни о чем не слышать!
Как скошенная на лугах трава,
В большом смятенье мои думы —
Тревожусь о твоей судьбе!

Три песни девы Таниха Омэ

* * *

В том пруду,
Где утки серые резвятся,
Облетев с деревьев, закачались листья...
Но ведь я не буду колебаться,
Не окажется неверным сердце...

* * *

Оттого ль, что грех рукой коснуться
Криптомерии, что чтят
Жрецы из Мива,
Где богам вино подносят люди,
Мне с тобою встретиться так трудно?

* * *

Услышав про молву людскую,
Что, словно изгородь, меж нами поднялась,
Любимый мой
Колелблется душою,
И в эти дни свиданий нет у нас...

Песня принца Фунэ

Там, далеко, среди колодца облаков,
Где горы Ава словно брови выступают,
Плывущая ладья...
Куда она плывет,
Где ждет ее причал — никто не знает..

*Песня Татибана Нарамаро,
сложенная по приказу императора*

Подобно снегу, что ложится
В ущельях гор
И клонит листья криптомерий,
Пусть время прибавляет годы нам,
Оно не свалит нас на землю!

Песня Тадзихи Януси

Тебя, что оставил я дома,
Вспоминаю всегда с любовью,
И на мысе Сидэносаки
Богам подношу я ткани
И думаю: «Будь же счастливой!»

Песни Хара Хасимаро

* * *

Там, где горы Икома,
Только вечер настанет,
Прилетают цикады и поют свои песни,
Но оставил я горы, и ушел я оттуда —
Так хочу я увидеть очи девы любимой!

* * *

Без встречи с тобою
Я жить был не в силах,
И горы Икома, где шагал я по скалам,
Позади я оставил
И пришел к тебе снова!

Песня писца Хадзи Митиёси

Ночь, как черные ягоды тута,
Я вижу, сошла на землю.
Шкатулки бесценная крышка —
Гора Футагами — закрыла
Луну, что спустилась за горы.

*Песня Утикура Навамаро, в которой он
выразил свои думы, любуясь цветами фудзи*

Возьмем цветы лиловых фудзи,
Что блеском озаряют даже дно
Залива Тако,
И, украсившись венками,
Покажем тем, кто видеть их не мог!

Песни посла Фудзивара Киёкава

* * *

Цветы душистой белой сливы
У храма славного богов
В долине Касуга,
Не осыпаясь, ждите,
Пока сюда я снова не вернусь!

* * *

Близок месяц,
Когда тосковать буду я о тебе,
О любимой моей,
С кем мечтал я быть вместе,
Чтобы нить новояшмовых лет протянулась еще...

Песня принца Умарада

Когда в цветенья час
Не расцветают сливы,
А лишь в бутонах прячут лепестки,
Быть может, так они любовь скрывают?
А может, снег они с тревогой ждут?

*Песня Охара Имаки,
сложенная на поэтическом турнире
во время пира*

О первый белый снег, пади
И в тысячу слоев
Покрой повсюду землю.
И я, что много в жизни знал тоски,
Любуясь белизной твоей, утешусь!

Песня дамы из рода Фудзивара

Ах, оттого что вечером и утром
Я только плачу в голос о тебе,
Как закаленный меч —
Испытанное сердце
Не в силах уберечь от скорби и тоски!

Песня [жены Фудзивара Сукунамаро]

Вот то селенье Сугавара,
Где я ходила, волоча подол,
И думала все время здесь, бывало,
Что чувства глубоки,
Как океана дно!

Песня Накатоми Мурадзи

Все говорят: «Весна настала»,
Теперь пришел ее черед —
И стелется тумана дымка
Среди далеких гор,
Где белый снег идет...

Песня Отомо Мураками

Ах, ветка молодой душистой сливы,
Что, говорили мне, в бутонах лишь была,
От пены-снега,
Выпавшего утром,
Наверно, нынче вся в цветах!

Песня унэмэ из Суруга

Не снег ли, пену волн напоминая,
Несется хлопьями с небесной высоты —
Так взору кажется,—
Ах, лепестки роняя,
Какие опадают здесь цветы?

Песня Тадзихи Отомаро

Когда отправился
В далекие поля,
Где встала дымка легкая тумана,
Я вдруг услышал трели соловья...
Наверное, весна уже настала!

Песня девушки из дома Ки

Ах, если бы темно и мрачно было,
Тогда понятно, что напрасно ждешь,
Но в эту ночь,
Когда цветы раскрыла слива,
Когда взошла луна,— ужель ты не придешь?..

Песня принца Ацуми, посланная девице из рода Кумэ

Наверное, цветы расцветших вишен
У дома моего уже теперь
Из-за того, что быстрым был
Средь сосен ветер,
Опали на землю с ветвей...

Песня, посланная в ответ девицей из рода Кумэ

О этот мир!
Всегда он был невечным!
Цветам той вишни, что цвела
У дома твоего,
Опасность пришла пора!

Песня Иори Моротати

Оттого что хороши цветы
Молодых расцветших померанцев
Возле дома друга моего,
Не смолкая там поет кукушка.
Я пришел, чтоб на нее взглянуть!

*Песня о цветах померанцев,
сложенная Отомо Мураками*

На ветвях цветущих померанцев,
Что растут у дома моего,
Прилетев, кукушка плакала так громко,
Что опали наземь
Лепестки цветов...

*Песня супруги [императора]
из дома Фудзивара*

Кукушка!
Ты не плачь с такой тоской!
Пока не нанижу я жемчуг майский
И вместе с жемчугом —
Печальный голос твой!

Песня Охариды Хиромими

Живу один, и грусть меня терзает,
Ночь провожу в печали и любви,
И, если с плачем надо мной
Кукушка пролетает,
Мне кажется: есть сердце у нее!

Песня Отомо Киёнава

Пускай опали белые цветы
Унохана,
Которых ждут все люди,
Кукушку, куковавшую в цветах,
Я никогда не позабуду!

*Песня, исполненная Отомо Ёцуна
на поэтическом турнире*

Оттого что все шумит молва людская,
Не пришла ко мне сегодня ты,
О кукушка,
Ты хоть с песней прилети!
Утром дверь тебе я распахну навстречу!

Песня Охариды Хиромими

У пиков горных в вышине,
Там, где кукушка распевает,
Цветок расцвел унохана...
Не потому ль, что мной огорчена,
Ко мне ты нынче не явилась?

Песня Ки Тоёкава

У дома, где живет
Любимая моя,
За изгородью — лилий нежный цвет.
Хоть называют те цветы «потом»,
Но то «потом» звучит скорей как «нет»!..

Песня принца Оцу

О белый иней! Ты не падай
На клена алую парчу,
Что девы юные небес соткали
И даже нить не различали —
Что вдоль пойдет, что поперек!

Песня Отомо Инаками — капитана сторожевой охраны

Мелкий дождь
Беспреданно идет,
И от этого здесь, на Микаса-горе,
У деревьев зеленых
Верхушки везде заалели...

Песни принца Юхара

* * *

Сливаясь с шумом опадающей листвы
С деревьев хаги, осенью холодной
Вдали,
Исполненный призыва и тоски,
Далеким эхом стон звучит олений!

* * *

Хочу, чтоб, нанизав росу, как жемчуг,
Ты подарила мне, не дав исчезнуть ей,
Прозрачную росу, что с вышины упала,
Склонивши долу кончики ветвей
На расцветающих осенних хаги!

Песня Хата Коэмаро

Осенних алых кленов листья,
Что видели здесь иней и росу,
Сорвал, принес —
И вместе с милой украсили венками мы себя...
И если опадет теперь листва, пусть опадает!..

Песня Тадзихи в звании махино

Вот плачущий олень идет, шурша листвою
Осенних хаги на полях Уда,
И о любви грустит,
И все ж с моей тоскою
Никак нельзя сравнить его тоску!

Песня дочери Камунагибэ Масо

У дома моего цветы осенних хаги
В расцвете ныне —
Приходи смотреть!
Не то пройдет два дня еще — и сразу
Осыплются на землю лепестки...

Песня Абэ Окимити

Все затянул туман...
О, пусть бы выпал снег!
Здесь слив цветы еще не расцветали,
И вместо них, сравнив его с цветами,
Мы стали б любоваться им!

Песня Косэ Сукунамаро

У дома моего, где я один живу,
На зимние деревья с высоты
Летящий белый снег —
Не сливы ли цветы? —
Так показалось взору моему...

Песня Охарида Адзумамаро

Ночью черной, как ягоды тута,
Пусть снег увлажнит нам одежды,
Идемте, чтоб им насладиться!
Будет жаль, если он вдруг растает
Завтра утром, на раннем рассвете...

Песня Имэбэ Куромаро

Что это на ветвях — то лепестки иль нет?
То не цветы ли задержались, опадая?
Так взору кажется...
Кружась по ветру, снег
Упал, снежинками цветы напоминая...

Песня Микуни Хитотари

Как тает снег, упавший на листву
Далеких склонов на горе высокой,
Вот так же я...
Растаю, словно снег,
Из-за тоски, что с каждым днем сильнее!..

Песня дочери Осада Хироцу

Как снег, что, падая, ложится
На славные деревья хиноки
И нет конца ему...
Я без конца тоскую!
Приди же этой ночью, милый мой!

*Песня императрицы из рода Фудзивара,
преподнесенная императору Сёму*

· Когда б вдвоем
С моим любимым
Могла бы любоваться я,
Какая б радость мне была
От выпавшего наземь снега!

Песня Отомо Суругамаро

Как будто отголоски дальней бури,
Которая у слив сорвала лепестки,
Так слухи о тебе...
И вот люблю я снова,
И счастлив я, и больше нет тоски!

*Песни-послания, которыми обменивались в разлуке
находящийся в изгнании Накатоми Якамори
и его возлюбленная Сано Отогами **

САНО ОТОГАМИ

* * *

О тебе, что должен проходить
Трудные пути
Средь распростертых гор,
Сердце тяжкой думою полно,
И душе покоя не найти!

* * *

О, когда б сошел огонь с небес
И разрушил бы навек
И сжег дотла
Все далекие и трудные пути,
По которым нужно странствовать тебе!

* * *

Если будешь уходить,
Любимый мой,
Помашь мне белотканым рукавом!

Не спуская глаз я буду вдаль смотреть,
Думая с любовью о тебе!

* * *

Ведь теперь живу, любя тебя,
А откроется лишь ларчик дорогой —
И придет рассвет,
Что делать мне тогда?
Я не знаю, как мне дальше жить...

* * *

Не спуская взора с зелени сосны,
Что растет у дома моего,
Буду ждать тебя,
Скорей ко мне вернись!
О, пока не умерла я от тоски!

* * *

Ведь недаром люди говорят —
Плохо жить всегда в стране чужой,
О, скорей, скорей
Вернись ко мне!
Ах, пока не умерла я от тоски!

* * *

О, до дня того, как встретимся с тобой,
Пусть одежда будет
Памятью тебе —
Та одежда, что я, слабая жена,
Сшила дома в горе и тоске!

* * *

Эти дни —
Лишь подумаю, мой милый, о тебе —
Сразу я полна безвыходной тоски,
И лишь в голос
Громко плачу я...

* * *

Дома люди близкие твои,
Верно, сном спокойным не уснут,
«Нынче, нынче ли?» —
Все думают и ждут,
А тебя все нет, любимый мой!

* * *

Когда сказали мне, что человек пришел,
Вернувшийся обратно в дом родимый,
Услышав,
Я едва не умерла,
Подумав про себя: «Не ты ль пришел, любимый?»

* * *

Лучше было б вместе
Мне с тобой уйти:
Все равно держать один ответ,
Хоть и проводив тебя, осталась здесь,
Радости мне тоже больше нет!

* * *

О, только ради тех счастливых дней,
Когда придешь ты,
Возвратясь домой,
Я продолжаю мучиться и жить,
Так не забудь об этом никогда!

НАКАТОМИ ЯКАМОРИ

* * *

Ведь еще не стал
Ни прахом, ни землей,
А из-за меня, любимая моя,
Ты уже в волненье и тоске.
Вот она — печаль возлюбленной моей!

* * *

Весь в тоске и думах о тебе,
О, когда бы встретиться с тобой,
Хоть на краткий миг,
Ведь без твоих очей
Вряд ли я смогу на свете жить!

* * *

Горы дальние,
Заставы миновал,
Прежде чем явился я сюда,
О тоска! Когда не можешь больше
Встретиться с любимой никогда!

* * *

Ты не думай, милая моя,
Если я далек, то не могу любить,—
Даже день один, одну лишь только ночь
Я без думы о тебе
Не в силах жить!

* * *

О, если только нет совсем богов
На небе и земле,
О, только лишь тогда
Мне будет суждено судьбою умереть,
Не встретившись с тобой, любимая моя!

* * *

Новояшмовых годов
Хоть и долго будет длиться нить,
Долго не увидеться нам вновь —
Все равно, и думы даже нет,
Что нам может изменить любовь!

Песни пограничных стражей

ПЕСНЯ МОНОНОВЭ ТАЦУ

Когда из дому я в дорогу уходил,
Государеву приказу подчинясь,
Говоря со мной,
Любимая жена
Все боялась мои руки отпустить...

ПЕСНЯ ХАСЭЦУКАВЭ ТОРИ

Ах, уйду ли я, тебя покинув,
Что прильнула с нежностью ко мне,
Как горох ползучий,
Что обвинил шиповник,
Расцветавший у обочины дорог?

ПЕСНЯ ХАСЭЦУКАВЭ КУРОМАСА

Отец и мать, родимые мои,
О, если б стали вы цветами,
Пусть уходил бы я в далекий путь,
Где изголовьем служат травы,
Держа в руках цветы, я был бы вместе с вами!

ПЕСНЯ ОСАКАВЭ МУСИМАРО

По странам покружив, атори-птицы
Вернулись шумной стаей вновь сюда...
Теперь кружить иду повсюду я,
Молитесь обо мне и ждите,
Пока я снова не вернусь домой!

ПЕСНЯ ИКУТАМАВЭ ТАРИКУНИ

Отец и мать,
За домом позади у вас в саду
Есть «сто веков-трава»,
Так сто веков на свете вы живите
До той поры, пока я не приду!

ПЕСНЯ ОТОНЭРИВЭ НЭМАРО

И когда расстались мы
На берегу,
На который с белой пеной шла волна,
Безнадежно тяжело стало мне,
В сотый раз машу я рукавом!

ПЕСНЯ ИКУБЭ МИТИМАРО

Как этот берег, что отходит в дали,
Пустой скалистый берег в Мурадзи,
Где делают циновки из рогожи,—
Так с каждым часом матушка все дальше...
О ты, печаль далекого пути!

ПЕСНЯ ХАСЭЦУКАБЭ ТАРИХИТО

Возле берегов страны далекой Цу,
Снарядив в дорогу корабли,
Отправляемся мы нынче в дальний путь,
Как хотел бы я в последний час
На родную матушку взглянуть!

ПЕСНЯ ХАСЭЦУКАБЭ ИНАМАРО

Мать и отец,
Нежно голову глядя,
Желали мне счастья в пути,
И слова, что они в час разлуки сказали,
Позабыть не смогу никогда!

ПЕСНЯ ОТАБЭ МИНАРИ

И когда оставил позади
Я залив знакомый Нанива
И взглянул с тоскою вдаль перед собой,
Над высоким древним пиком Икома
Только облака тянулись вдалеке...

ПЕСНЯ ХАСЭЦУКАБЭ ТАРИМАРО

Отца оставил я
В селе Миёри,
Где померанцев зреют яркие плоды,
О, эти долгие пути-дороги,
Как трудно будет мне по ним идти!

ПЕСНЯ МОНОНОВЭ ОТОРА

О, разве я забуду,
Как матушка родная,
Не отпуская рук и глядя рукава,
Из-за меня рыдала горькими слезами...
Мне слез ее не позабыть!

ПЕСНЯ МОНОНОВЭ МАНЭ

В доме нашем жгли всегда тростник,
И хоть бедно нам жилось с тобой,—
Было хорошо! Увы, теперь
Там, в Цукуси — дальней стороне,
Как я, верно, буду тосковать!..

ПЕСНЯ ХАТОРИБЭ УЭДА

Когда тебе вдруг станет грустно,
Что я ушел в далекий путь,
Вгляни на облако средь пиков в Асигара
И, вспомнив обо мне,
Развей свою печаль!..

ПЕСНЯ ОТОМОВЭ ФУСИМАРО

О, если бы нашелся человек,
Который шел бы к дому моему,
Через него я передал бы милой
О том, как тяжело мне в пути,
Где изголовьем служат травы...

МНОГИМ
НА
РИГОП

とらききのほふいものいふあらは
しとほ一平ゆきもわのいぬあやも

紀曰天皇七年丁卯夏五月五日繼體
於蒲生野于時大皇弟諸王内臣及
群臣悉皆從焉

明日香清原宮天武天皇代

天淳末原瀛真人天
皇謚曰天武天皇

十市皇女叅赴於伊勢神宮時見波多

**ПЕСНИ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ
И ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН РАЗНЫХ ПРОВИНЦИЙ**
Из старинных собраний песен

Разные песни

* * *

Скрыто все зимой...
А когда придет весна,
Рано поутру
Ляжет белая роса,
А по вечерам
Всюду стелется туман,
И в тени густых ветвей
На горе Косэяма
Соловей поет!

* * *

Горы Миморо *,
Горы, что с древнейших пор
Охраняет сам народ!
У подножья этих гор
Асиби-цветы * цветут,
На вершинах этих гор
Цубаки-цветы * цветут.
Очень хороши собой
Эти горы Миморо,
Даже плачущих детей
Утешает их краса!

* * *

Когда мелкий дождь идет,
Морозящий в сентябре
С дальних облачных небес,
Где царит гремящий бог,
Гуси дикие еще
Не кричат средь облаков.
Но у Камунаби-гор *
Возле насыпи пруда,
Где священные поля
За оградой лежат,
Где сторожка, чтоб хранить
Поле чистое богов *,
Средь разрошейся листвы
Дерева святого пуки *
Лист осенний —
Алый лист —
Виден в зелени ветвей.
И запястий бубенцы *
На протянутых руках
К алой, рдеющей листве
В тишине слегка звенят...
Пусть я слабая жена,
Но к себе я притяну
Эти ветви и сорву
И с собою унесу
Кленов алую листву
На венок тебе, мой друг.

К а э с и - у т а

Одной мне грустно было любоваться
Осенних кленов алою листвой *,
И со священных склонов Камунаби
Ее я сорвала —
Любуйся, милый мой!

* * *

У реки Хацусэ, здесь,
Запертой средь гор глухих,
Где на глади вод видна
Даже тень небесных туч,

Потому ль, что бухты нет,
Не причалят корабли,
Потому ль, что берега нет,
Не рыбачат рыбаки.
Что же, хорошо и так,
Пусть не будет бухты здесь!
Что же, хорошо и так,
Пусть не будет берегов!
Все равно плыви сюда,
Оставляя позади
Волны дальние морей,
Челн плывущий рыбака!

К а э с и - у т а

Рябь на волнах —
И бежит белопенная струя
На реке Хацусэ вдаль.
И какая грусть,
Что нет берегов, куда приплыть!

* * *

В руки я возьму топор
И в Ниу, на той горе,
Где святые киноки,
Дерево срублю,
Смастерив себе ладью,
Весла закреплю,
Отплыву от берегов,
Цепь миную островов
И глядеть не нагляжусь
На гремящий водопад
В дивной Ёсину-стране,
На летящую с высот
Белопенную волну!

К а э с и - у т а

В дивной Ёсину-стране,
Где грохочет водопад,
Вниз несется с высоты белопенная волна.
Как хотел бы показать
Белопенную волну
Милой, что в столице ждет возвращения моего!

* * *

В дивной зелени листвы
Горы Нара миновав,
Воды Удзи перейдя,
Где военный славный род,
У горы Застава Встреч —
Встречи с девой молодой —
Драгоценные дары —
Ветви сосен,
Пряжу я
Подношу богам с мольбой.
И, кружа по берегам,
Где волна с морских долин
Набегает на песок,
В Оми — дальней стороне,
Чтобы встретить в тишине
Деву милую мою,
Я совсем один пришел.
И хочу увидеть я
Очи девы дорогой!

Каэси-ута

Лишь Заставу Встреч пройдешь
И оглянешься кругом:
Море Оми предо мной,
И как белые цветы, что подносят
в дар богам,
Волны в пене поднялись!

* * *

Там, где сотни пиков гор
В той стране Мину,
В стороне Такакита,
Там, в Кукури, во дворце,
Слышал я, что там живет
Дева статная собой,
Что, к востоку обратясь,
Бродит там,
Но на пути —
Горы Окисояма,
Горы Минунояма,

Хоть и скажет человек,
Толая ногой:
«Наклонитесь до земли!»,
Хоть и скажет человек,
Помогая им рукой:
«Отодвиньтесь вон туда!» —
Сердца нет у этих гор!
Ни у Окисояма,
Ни у Минуояма.

* * *

В этой бухте Нагато —
«Длинные ворота»,
Длинные, как волокно
Пряжи конопляной,
Той, что девушки кладут
В деревянный чан.
Как затишье поутру,
Набегает там прилив,
Как затишье ввечеру,
Приливают волны там.
И как бурный тот прилив
Набегает все сильней,
И как волны те встают,
Вырастая и шумя,
Так же милую мою
Все сильнее я люблю.
И отсюда видно мне,
Как на дальнем берегу
Каменистом, где всегда
Море плещется в Аго,
Девушки-рыбачки те
Собирают корни трав
Возле берегов
И как машут мне они
Белотканым рукавом,
И сверкают шарфы их,
Шеи нежные обняв,
И слегка-слегка звенит
Жемчуг на запястьях рук.
Верно, так же, как и я,
Каждая из них грустит!..

Каэси-ута

Словно в море, у Аго.
Эти волны, что бегут
К каменистым берегам,—
У любви моей к тебе
Нету срока и конца!

* * *

Если бы небесный мост
Был еще длинней
И высокая гора
Выше подвнялась,—
Я бы мог тогда пойти
И достать живой воды,
Что хранит на небесах
Божество луны.
И припес бы в дар тебе,
Чтобы юность возвратить! *

Каэси-ута

Не под силу видеть нам,
Как стареешь день за днем
Ты, которого мы чтим,
Словно солнце и луну,
Что сияют в небесах!

Песни-переклички (песни любви)

* * *

Пусть в Ямато,
Пусть в стране
Распростертых островов,
Много разных есть людей,
Что живут в ней с давних пор,
Но как волнами цветы
Ниспадают до земли
С веток фудзи *,
Так к тебе
Мысли тянутся мои.

И как вешняя трава
Ты, о ком я полон дум!
По очам твоим грустя,
Верно, не смыкая глаз,
Провести придется мне
Нескончаемую ночь...

К а э с и - у т а

Если б только думал я,
Что в Ямато, что в стране
Распростертых островов,
Есть еще одна, как ты,—
Разве горевал бы я?

* * *

О страна Ямато,
Где, словно крылья стрекозы,
Распростерты острова,
Та страна, где жалоб нет,
О которой говорят,
Что божественна она!
Это так, но все же я
Жалобу несу богам:
Боги неба и земли,
Вероятно, не совсем
Знают сердце дум моих;
И недели вдаль бегут
С уплывающей луной,
Друг за другом мчатся дни,
Белым жемчугом блестя...
Может, это от тоски
Неспокойно на душе?
Может, это от любви
В сердце не стихает боль?
Если мне не суждено
В жизни встретиться с тобой,
Значит, буду до конца,
До предела дней моих,
Скорбь глубокую таить.
А когда б наедине
Мог я встретиться с тобой,
Посмотреть бы на тебя,

Словно в зеркало взглянуть,—
И утихла б, может быть,
Лютая моя тоска!

Каэси-ута

Как большому кораблю,
Доверяла я тебе,
И хотя из-за тебя
Иссушила сердце я —
Не жалею ни о чем...

[ПРОВОЖАЯ ДРУГА *]

О прекрасная страна,
Где колосья счастья есть
И поля из тростника! *
О прекрасная страна,
Что божественной слышет
И где жалоб нет богам!
О, пусть так, но все равно
Я взываю к небесам,
И молю я об одном:
Счастлив будь в своем пути,
Счастье пусть несут слова! *
Если счастлив будешь ты
И вернешься без беды,
Значит, встретимся с тобой,
Даже пусть встает волна
Возле диких берегов!
И как волны сотни раз,
Много, много тысяч раз
Набегают на песок,
Так же беспрестанно я,
Беспрестанно,
Без конца
Я взываю к небесам,
Я взываю к небесам!

Каэси-ута

О прекрасная страна
На простертых островах!

То Ямато, где слова силой дивною полны *
И приносят счастье всем.
Будь же счастлив ты в пути!

[ПЕСНЯ О НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ]

С незапамятных времен
Говорят из века в век:
Если полюбил —
Значит, потерял покой.
Как на нити жемчуга
Нижут —
Так из века в век
Те слова передают...
Юных дев сердца
Не узнаешь ты никак!
Способов же их узнать
Нету никаких.
Лишь полюбишь,
В тот же миг
Станет гаснуть жизнь твоя.
Словно летом коноплю,
Выдернут ее,
Будет сердце увядать
Скошенной травой,
Но не будут люди знать,
И напрасно будешь ты,
Обрывая жизни нить,
Всею душой любить!

[В РАЗЛУКЕ С МИЛЫМ]

Новояшмовый
Пройдет,
И опять наступит год,
С веткой яшмовой гонец *
Не приходит от тебя,
И поэтому теперь,
В долгий, долгий день весны,
В день, когда встает туман,
Небо и земля
Наполняются тоской.
И вдыхаю вечно я,
Скрытая от всех,

Будто в коконе живу,
Словно куколка червя,
Шелковичного червя,
Что, вскормившая меня,
Выкормила мать моя.
То, что в сердце у меня,
Где любовь моя живет,
Не приходится теперь
Высказать тебе.
Из корней сосны сосна
Вырастет.
Зовут сосну «мацу».
«Мацу» — значит «ждать»,
Ждать придется долго мне.
По небу плывущее
Солнце клонится к концу,
Белотканые мои
Рукава
Влажны от слез...

К а э с и - у т а

Если только так —
Жить в разлуке, не любя,
Лучше бы тогда
Жить тебе в ином краю,
Средь небесных облаков!

* * *

Как жемчужная трава
Наклоняется к земле
От течения быстрых вод
Светлой Асука-реки,
Что, как пояс, обвила
Горы Каминаби там,
Где подносят на алтарь
В жертву сладкое вино,
Где, когда придет весна,
Зацветут кругом цветы,
А как осень настает,
Цветом киновари вмиг
Заалеет вся листва,
Словно водоросли те,

Сердце сразу поддалось,
Покорилось вмиг тебе.
И пускай теперь в тоске
Жизнь растает, как роса
Рано поутру,
Лишь бы встретиться с тобой,
Тайная моя жена.

К а э с и - у т а

Как жемчужная трава
От течения быстрых вод светлой Асука-реки
Гнется долу,
Так теперь сердце бедное мое
Покоряется тебе.

* * *

Не дошло до ста....
На дороге в Ямана
С милою моей женой,
Что прекраснее была
Белых облаков,
Вставших легкою волной
В дальних небесах,
Мне расстаться довелось,
Не сказав ни слова ей...
Быстрых рек неведом путь,
Я не знал, идти ли мне?
И неведомо куда ветер рукава взметнет.
Я не знал, вернуться ль мне?
И как быстроногий конь,
Оступившись на бегу,
Я не ведал, как мне быть?
Я не знал, что делать мне?
Нет у воинам числа,
Нет числа и думам тем,
Что терзают сердце нам,
Заполняя все кругом
На земле и в небесах...
Если бы душою мы
Были вместе, милый друг,
Верно б, ты пришел ко мне,
Думала, печалась, я

И вздыхала глубоко...
И прохожие в пути,
Что отмечен был давно
Яшмовым копьём,
Предо мной остановясь,
Спрашивали:
«Что с тобой?»
Но молчала я в ответ,
Я не знала, что сказать...
Если имя назову я твое,
Любимый мой,
Что пригож и краснолиц,—
Выдаст краска на лице,
Смогут люди все узнать,
И сказала я в ответ:
«Жду луну, что здесь взойдет
Из-за распростертых гор».
Так сказала людям я,
Я, что жду тебя, мой друг!

К а э с и - у т а

Не могу забыться сном...
Ты, о ком тоскую я,
Где изволишь нынче быть?
С кем проводишь эту ночь?
Жду, но не приходишь ты... *

* * *

Лишь взгляну
На реку Хацусэ я*,
Запертую среди гор,
Вижу — милая стоит
Там, на дальнем берегу,
А на этой стороне —
Я стою,
И небо дум
Неспокойно в этот миг,
Небо горестей моих
Неспокойно в этот миг.
О, когда бы мне ладью,
Крашенную в красный цвет! *
О, когда бы мне весло

В белых жемчугах! *
Переплыл бы я реку,
И друг другу бы тогда
Все поведали бы мы!

* * *

Жду тебя, любимый мой!
Не приходишь ты.
Гуси дикие кричат,
Холодно от криков их.
Ягод тутовых черней
Ночь спустилась к нам.
Ночь спустилась, и когда
Буря началась,
Вышла я и стала ждать,
И на мой рукав
Выпал иней и застыл,
Превратившись в лед.
Снег упал и льдом замерз.
Неужели и теперь
Не придешь ко мне?
Значит, встретимся потом:
В майский день
Зеленый плющ
Ложем будет нам!
Как большому кораблю,
Доверяю я тебе,
Но покуда наяву
Я не встретилась с тобой,
Хоть во сне явись ко мне!
Ночью у небес молю...

К а э с и - у т а

Зимний ветер дует
В рукава одежды...
Мне холодной ночью
Не уснуть сегодня
Без тебя, любимый...

*Песни вопросов и ответов,
или песни-диалоги **

* * *

Не печалась ни о чем,
Я хотел свой путь пройти,
Но когда взглянул кругом,
На покров весенних гор,
Словно цуцудзи цветы,
Ароматами полна
Дева вспомнилася мне.
Словно сакуры цветы,
Блеска вешнего полна,
Дева вспомнилася мне,
Говорят, ведь это ты
Мне принадлежать должна,
Говорят, ведь это я
Предназначен для тебя.
«И суровая гора
Станет ближе,
Если к ней
Человеку подойти»,—
Говорит народ.
Так и сердце непременно
Полюбить твое должно!

К а э с и - у т а

Что сделать мне, чтоб перестать любить?
Молился я богам
И неба и земли,
Но понапрасну я молил богов:
Я стал любить тебя еще сильнеей.

* * *

Ведь и я тебя люблю,
Оттого-то много лет
С детства, с той поры,
Когда
Стригли волосы мои,
С той поры, как поднялась
Я, как померанца ветвь

У верхушки молодой,
Долго так и глубоко
Скрыто,
Как на дне реки,
В сердца глубине всегда
Я ждала твою любовь.

К а э с и - у т а

Ах, как и ты, молилась я богам
И неба и земли,
Чтобы забыть любовь,
Но понапрасну я молила их:
То, что зовут любовью, не хочет знать конца.

Плачи

* * *

Запертая среди гор,
Извивается река,
Что зовется Хацусэ.
И где устье у реки,
Восемь там бакланов я
Заставляю вмиг нырять;
Где истоки той реки,
Восемь там бакланов я
Заставляю вмиг нырять;
Там, где устье,
Там даю я бакланам есть форесть;
Где истоки,
Там даю я бакланам есть форесть;
И жалею, что форесть
Не могу я подарить,
Милая моя, тебе!
Улетевшей вдаль стреле
Я подобен —
Далеко
Нахожусь от милых мест,
И исполнено забот
Небо горьких дум моих,
И исполнено забот
Небо горестей моих.

Вот про платье говорят:
«Если ты порвешь его,
То починишь — и опять
Можешь ты носить его».
Вот про жемчуг говорят:
«Если только нить порвешь,
Свяжешь снова — и опять
Можешь ты носить его»,
И одно лишь не вернешь
И не встретишь никогда —
Это милую жену,
Что от нас ушла навек... *

* * *

В скрытой ото всех
Стороне Хацусэ среди гор
Легкой дымкой поднялся туман,
Облако, что уплывает вдаль,
То не милая ль жена моя?

* * *

Кого среди людей назвать счастливым?
Того, кто слышит голос милой
До той поры,
Как черный волос
Не станет белой сединой!

* * *

Приславшая мне яшмовую ветку
Любимая, ты ль — эти жемчуга?
По чистым склонам гор,
Повсюду распростертым,
Я рассыпал их сам, и падали они...

* * *

Вот высокая гора
И моря. Смотри:
Вот гора — всегда горою
Будет так стоять.
Вот моря — всегда морями

Будут так лежать.
Человек же, что цветы,—
Бренен в мире человек! *

[ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ СТРАННИКЕ *]

Возле моря, где слышны
Крики жалобные птиц,
За высокими горами,
Что скрывают край родной,
На зеленом изголовье
Из морских прибрежных трав,
Здесь, на дальнем берегу,
Возле моря, где порой
Ловят чудище — кита,
Он лежит без чувств, без дум —
Спящий человек.
Может, есть отец и мать,
И любимое дитя,
И прелестная жена,
Словно вешняя трава.
Может быть, он им хотел
Передать любви слова,
Что на сердце у него?
Если спросишь, где твой дом,
Дома он не назовет.
Если спросишь, как зовут,
Имени не скажет он,
Словно малое дитя
Плачущее, он в ответ
Не промолвит ничего.
Как ни думай, ни тоскуй,
Но печальная судьба
Здесь, на этом свете жить!

К а э с и - у т а

I

И отец, и мать,
И жена, и дети там,
Верно, ждут, когда придет,
Неотступно глядя вдаль...
Вот она, печаль людей!

Между распростертых гор
 Горною дорогою пойду.
 Если дует ветер на морях,
 Волны, заграждая путь, встают,—
 По пути морскому не пойду!

ПЛАЧ ЖЕНЫ О ПОГИБШЕМ МУЖЕ *)

В этом месяце, мой друг,
 Думала, вернешься ты,
 Как большому кораблю,
 Доверяла я тебе.
 — О, когда же наконец? —
 Вопросала я с тоской.
 Но, как алый клена лист,
 Ты отцвел, ушел навек.
 С яшмовым копьём гонец
 Мне принес об этом весть,
 И как светит светлячок —
 Еле-еле, так едва
 Донеслась до слуха весть.
 Стала пламенем земля
 Под ногами у меня,
 Броситься бы мне бежать,
 Но куда, не знала я...
 Словно утренний туман,
 Мысли вдруг смешались все.
 Горько горевала я,
 Будто потеряла вдруг
 Посох, что опорой был.
 Все напрасно. Знаков нет,
 Где твой путь,
 Куда ушел?
 Но ведь где-то же ты есть?
 Облака небес
 Призову к себе сюда,
 Пусть возьмут меня с собой.
 И, как раненый олень,
 Пусть в пути умру и я!
 Но напрасны думы те,
 Мне неведомы пути,

И теперь совсем одна.
Полная любви к тебе,
Только в голос плачу я!

К а э с и - у т а

Каждый раз, как только вижу я
Крылья тех гусей,
Летающих в тростники,
Вспоминаю я разящую стрелу,
Что носил ты за спиною у себя...

ПЕСНЯ, СЛОЖЕННАЯ ПРИ ВИДЕ МЕРТВОГО ТЕЛА ЦУКИ В ЗВАНИИ ОБИТО НА БЕРЕГУ В КАМИСИМА В СТРАНЕ БИНГО

Вышел он в далекий путь,
Что отмечен был давно
Яшмовым копьём.
Распростертыми вокруг
Шел полями, по горам,
Реки он переходил
С бурною водой
И вступил на путь морской,
Там, где чудище-кита
Ловят на глубоком дне.
Грозный ветер дует там
С дикой силою всегда,
И встающая волна
Там бушует каждый раз.
Ох, и страшно в тех местах,
Там, где Переход Богов —
За волной идет волна,
Приливая к берегам...
Вдалеке оставил он
Цепь родных высоких гор,
Изголовьем себе
Выбрал бездну,
И без чувств
В бухте он лежит теперь...
Может, есть отец и мать,
И любимое дитя,
И прелестная жена,
Словно вешняя трава.

Если спросишь, где твой дом,
Дома он не назовет,
Если спросишь, как зовут,
Имени не скажет он...
Чей приказ он выполнял,
Чьим словам покорен был,
Напролом переходя
Море страшное в волнах,
Подымающихся ввысь?

К а э с и - у т а

I

Ведь, наверно, ждут тебя
Дома близкие твои,
Что же ты вдали от всех
Распластался на земле,
Изголовием избрав берег дикий и чужой?..

II

Ведь, наверное, тебя, что здесь лежишь
У глубокого залива на земле,
Ждут:
«Вот нынче, нынче он придет!...»
О, как жалко бедную жену!

III

Здесь, на берегу,
Где лишь плещется волна,
В бухте ты совсем один
Распластался на земле,
И не знать тебе пути больше в дом родной!

СТАРИННЫЙ ПЛАЧ

Даже селезни — и те,
Только вечер настает,
В камышах густых шумят,
А когда светать начнет,
То купаются в волнах,
Даже селезни — и те,
Каждый со своей женой,

Просят иней: не ложись
Нам на перья!
И, сложив
Крылья белые свои,
Стряхивают легкий снег,
И, прильнув друг к другу, спят...
А вот я стелю один
Одинокий мой рукав
Платья, шитого тобой,
Милая моя жена —
Мира этого дитя,
Что рассталась вдруг со мной...
Как текущая вода
Не воротится назад,
Пролетевший ветерок
Не увидим никогда,
Так бесследно ты ушла...
И, стеля постель один,
Разве я смогу уснуть?

К а э с и - у т а

Громко журавли кричат
И несутся надо мной,
Улетая в тростники...
О, как трудно, трудно мне,
Ведь остался я один...

ИЗ СТАРИННЫХ ПЛАЧЕЙ ПРОВИНЦИИ КИИ

* * *

Тяжко мне, когда теперь взгляну
Я на берег, где всегда гулял,
За руки любимые держась
С той, что навсегда от нас ушла,
Отцвела, что клена алый лист...

* * *

Хоть и очень каменист этот берег и далек
И всегда там пенится волна,
Но ведь память он о деде дорогой,
Той, что навсегда ушла от нас,
Как уходит вдаль текущая вода...

ПЛАЧ О ЖЕНЕ

О, на небе и земле,
Верно, больше нет богов? —
Сердцу милая жена
Распрощалась со мной!
Я-то думал и мечтал,
Что всегда рука в руке
С девой милой из Хата,
Где гремит, сверкая, гром,
Вместе будем на земле,
Но ошиблось, зная, тогда
Сердце бедное мое.
Что сказать,
Что делать мне,
Как мне быть, не знаю я...
Перевязь из ткани я
Надеваю на плечо *
И несу свой дар богам
Тканью расписной,
И прошу их и молю:
О, не разлучайте нас!
Но напрасно: рукава
Дорогой моей жены
Простираются вдали
Облаками в небесах... *

Послания и ответы

СТАРИННЫЕ ПЕСНИ, В КОТОРЫХ ПОСЛАНЦЫ,
ОТПРАВЛЕННЫЕ В СИРАГИ *, И ИХ ЖЕНЫ
И ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ, ПЕЧАЛЯСЬ О РАЗЛУКЕ, ШЛЮТ
ВЕСТИ И ОТВЕТЫ, ВЫРАЖАЯ СВОИ ДУМЫ
И ЧУВСТВА ЗА ВРЕМЯ МОРСКОГО ПУТИ
И ПОСЕЩЕНИЯ РАЗНЫХ МЕСТ

* * *

Как прибрежные птицы у бухты Муко
Прикрывают крылом молодого птенца,
Так берег ты меня,
И в разлуке с тобой,
Верно, мне суждено умереть от любви...

* * *

Если б только могла дорогая моя
Ехать вместе со мной
На большом корабле *,
Так хотелось бы плыть и лелеять ее,
Словно птица птенца — прикрывая крылом.

* * *

Когда причалишь ты
У дальних берегов
И встанет пред тобой густой туман,
Знай — это горький вздох, дошедший до тебя,
Чтоб рассказать о горести моей!

* * *

Едва придет осенняя пора,
Как снова мы увидимся с тобою,
Зачем же ты полна такой тоскою,
Что на пути моем
Встает густой туман?

* * *

Ты, что находишься ныне в пути,
В море бурном плывя
На большом корабле,
Возвращайся скорее к родимой земле,
На дороге своей не встречаясь с бедой!

* * *

Когда любимая молитву шлет богам,
Чтоб без беды вернулся я домой,
Пусть волны в море
Встанут в тысячу рядов —
Они не смогут быть помехой мне!

ПЕСНЯ, ОТПРАВЛЕННАЯ ПОСЛУ,
ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ В КИТАЙ

О мой милый сердцу друг!
Из Ямато, из страны,
Что узрели в небесах

Боги в ясной высоте,
Дивной в зелени листвы,
Из столицы Нара ты,
Прибываешь в Нанива,
Что сверкает блеском волн.
В Суминоэ, в Мицу вновь
Ты плывешь на корабле
По морю прямым путем.
Посланный в далекий край,
Где заходит в небесах солнце.
Страшно и сказать,
Страшно и произнести,
Как могуч наш грозный бог
В Суминоэ.
Пусть же правит он на носу судна,
Пусть же этот грозный бог
Станет кормчим корабля,
Каждый раз, когда корабль
Будет возле мысов плыть,
Каждый раз, когда корабль
У причалов должен встать!
С грозным ветром и волной,
С бурей не встречайся ты
И спокойно, без беды
Возвращайся к нам домой,
В старую страну свою...
Возвращайся в край родной!

К а э с и - у т а

Прибрежные волны открытого моря!
Не вставайте, прошу вас, на глади морской
До тех пор, как опять
Не войдет в эту гавань корабль,
Ах, пока не вернется из плавания друг мой домой!

* * *

Ларец драгоценный —
Реку эту Асики,—
Только сегодня впервые увидев,
Я понял: пусть тысячи минут столетий,
Ее красоты никогда не забуду!

* * *

Повсюду к берегам скалистым приплывает
Рыбачий челн,
Чтобы найти приют,
И лишь одна ладья моя не знает
Такого берега, куда б могла приплыть...

* * *

Когда солнце, плывущее в небе,
К закату идет,
У пролива Муко,
Где сверкают в воде жемчуга,
Как тоскую о доме далеком моем!

* * *

Как яркие огни, что зажигают
Рыбачки юные,
Приманивая рыб,—
Так в мыслях у меня порой всплывает
Сосновый бор в покинутом Цуну.

ПЕСНЯ МАТЕРИ. ПОСЛАННАЯ СЫНУ *

Говорят, в горах олень,
Тот, что сватает себе
Хаги нежные цветы,
Сына одного родит,
Так и я:
Один лишь сын у меня, одно дитя...
И когда мой сын пойдет
В путь далекий,
Где трава — изголовье для него,
Словно яшму, нанижу
Зеленеющий бамбук *,
И святой сосуд с вином
Тканями покрою я *,
Буду я молить богов
Беспрестанно,
Чтобы он,
Мой любимый нежно сын,
Счастлив был в своей судьбе!

Каэси-ута

Коль иней выпадет холодный на поля,
Где путники
Шалаш себе построят,
Прикройте крыльями мое дитя,
Небесных журавлей летающие стаи!

ПЕСНЯ, СЛОЖЕННАЯ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ НА ГОРУ ЦУКУБА

«Если б мог я усмирить
Горькую тоску в пути,
Где зеленая трава
Изголовьем служит мне!» —
Так, подумав, в тот же день
На Цукуба я взошел.
И когда взглянул я вниз,
То увидел пред собой,
Как в долине Сидзуку
С белоснежных обана
Облетают лепестки,
Крики громкие гусей
Стали холодом звучать,
И на озере Тоба,
В Ниихари,
Поднялась
От осенних ветров вдруг
В пене белая волна..
И когда я посмотрел
С высоты Цукуба, здесь,
Вдаль на эту красоту,
Грусть, что мучила меня,
Что росла в душе моей
Много долгих дней в пути,
Вмиг утихла и прошла!

Каэси-ута

Хочу нарвать я алых листьев клена,
Чтобы послать их юным девам мог,
Что на полях осенних
У подножья горы Цукуба
Жнут созревший рис...

* * *

Для любимой моей
Собираю я в дар дорогие камни,
Ах, с далеких просторов необъятного моря
Принесите с собой мне сверкающий жемчуг,
Волны белые взморья!

* * *

Рассвет придет,
И, в море уходя,
Лишь полюбуюсь я на рыбаков,
Что ловят рыбу там, где мыс Юра,
И вновь вернусь немедленно назад.

* * *

Дошел ли слух о том
В страну Ямато,
Что в поле дальнем Ояму,
В дорожном шалаше под листьями бамбука
Я бедным странником живу?

[Из песен странствований]

* * *

Гору Сима
Окружают реки...
Шли мы по дороге, где холмы
Вдоль реки,
И только в день вчерашний
Гору наконец мы перешли,
Только ночь одну
Мы ночевали,
Но с вершины горной
Нежные цветы
Пышных вишен,
Облетев, упали
В струи водопада —
И плывут теперь...

О, до дня того,
Пока ты их увидишь,
Чтобы ветер бурный
Здесь не дул,
Горы перейдя,
Я в знаменитом храме
Буду славить бога ветра,
Знай!

Каэси-уга

Здесь, у подножья горных склонов,
Куда приходят и уходят вновь,
О, если б ты была, чтоб показать я мог
Цветы вишневые, что пышно расцветают,
Сгибаая ветви тяжестью своей!

* * *

Владыка вод,
Какой чудесник он!
Авадзи-остров
Поместил он в середину,
Волнами белыми
Страну Иё он окружил,
В проливе Акаси,
Там, где луна
Сменяется зарею,
На рассвете,
Лишь вечер настает,
Все заполняет
Его веленьем
Набегающий прилив.
А только рассветет —
Он заставляяет
Прилив отхлынуть
Вдаль от берегов...
И так как страшны волны в те часы
В прилива грохоте,
На острове Авадзи
Средь скал укрылся я от них
И ждал с тоской:
Когда же наконец
Нам ночь тревожную

Рассвет желанный сменит?
И оттого не мог забыться сном...
И вот тогда над водопадом
В полях Асану молодой фазан
Поднялся в небо
С громким криком,
Вещая нам,
Что наступил рассвет!
Итак, друзья!
Мы смело в плаванье идем,
Спокойна стала гладь морская!

К а э с и - у т а

Когда, плывя, я оггибаю
Мыс Минумэ,
Цепь островов в пути,
Тоскуя о стране Ямато,
Там часто плачут журавли...

* * *

Когда отплываешь от берега в море
Ранним утром при блеске румяной зари,
У залива, где схлынул прилив,
Там, где бухта Муко, на просторе
Слышно, как, пролетая, кричат в небесах журавли...

* * *

Верно, бурными стали
У морского владыки
В белой пене шумящие волны на взморье,
Вижу — скрылись надолго за островом дальним
Молодые рыбачки...

* * *

Черная ночь, словно черные ягоды тута,
Наверно, сменилась пурпурным рассветом,
В бухте Яшмовой вижу,
Как в поисках пицци
Журавли пролетают, крича надо мною...

* * *

Минуя Отомэ, где юные девы
Срезают жемчужные травы морские,
На мысе Нудзима,
Что славится летней травой,
Устрою ночлег я себе ненадолго...

* * *

Там, за бухтой Муко,
Гладь морская спокойна,
На поверхности вод мне видны
Челноки рыбаков,
Что уходят в открытое море на рыбную ловлю...

* * *

Верно, в бухте Аго
На ладьях развлекаются ныне,
И, быть может, нахлынул прилив из далеких морей
На подол алых платьев
Резвящихся девушек юных?

* * *

Когда в обратный путь я поверну,
Хотел бы взять и унести с собою
Я белый жемчуг,
Что лежит на дне морей,
Чтобы любимой дать полюбоваться дома!

* * *

Сильна тоска — утешиться мне трудно.
В тень островов причаливаю я,
Где слышен звон цикад,
И мастерю у взморья
Из трав прибрежных временный шалаш!

ТРИ ПЕСНИ, СЛОЖЕННЫЕ НОЧЬЮ
ВО ВРЕМЯ ЛЮБОВАНИЯ ЛУНОЙ,
КОГДА КОРАБЛЬ ОТЧАЛИВАЛ ИЗ БУХТЫ НАГАТО

I

Кристалльно чист
Свет божества луны,
В затишье вечером на море
Плывут, кружа по бухте, рыбаки,
Перекликаясь меж собою...

II

Когда спускается луна
За гребни гор,
На взморье вдалеке мелькают
Огни костров, что разжигают
Для ловли рыб прибрежных рыбаки...

III

«Не я ль один
Плыву на лодке ночью?» —
Подумал я, когда волна меня несла,
И в этот миг с той стороны, где взморье,
В ответ раздался легкий всплеск весла!

ПЕСНЯ, ВЫРАЖАЮЩАЯ ПЕЧАЛЬ
ПО ПОВОДУ РАЗНЫХ ВЕЩЕЙ

Словно зеркала,
Что любимые всегда
В руки бережно берут,
Лишь настанет утра час,
Гладь прозрачная легла
В бухте Мицу.
У ее у кристалльных берегов
Мы, к большому кораблю
Много весел прикрепив,
Собирались в путь морской,
В дальнюю страну Кара *.
Подождав прилива час,
Мы поплыли по волнам,
Направляясь к Минумэ,

К мысу, что вставал в волнах
Перед нами на пути.
И когда мы плыли так
На море открытом, вдруг
Волны белые, шумя и гремя,
Взметнулись ввысь.
И поплыли мы скорей,
Огибая острова...
Думал, с милою моей
Не увидеться уже...
Наземь сумерки сошли.
Остров Авадзисима
Как в колодце потонул
Средь небесных облаков...
И когда спустилась ночь,
Мы не знали, как нам быть?..
Сердце алое мое...
В бухте «Алая скала»,
В бухте славной Акаси,
Мы причалили тогда.
И когда взглянул я вдаль,
На простор морских равнин,
Лежа в легком полусне,
Я увидел сквозь туман,
Как на маленьких ладьях
Зажигаются огни
У рыбачек молодых
Для приманки мелких рыб.
А когда в рассветный час
В море набежал прилив,
Скрыться в тростники спеша,
Пролетали надо мной
С громким криком журавли...
И в затишье поутру
Тронулись мы снова в путь.
Кормчего, гребцов вокруг
Раздавались голоса...
И когда, отчалив, мы
Закачались на волнах,
Словно птицы на воде,
Ниодори,
Остров тот Иэдзима —
«Остров-дом» —
Показался вдалеке

Средь колодца облаков.
Думая утешить им
Сердце, полное тоски,
Мы направились к нему
Хоть на этот «дом» взглянуть!..
Но когда подплыли мы
На огромном корабле,
Волны в море, зашумев,
Загремев, взметнулись ввысь,
И пришлось нам мимо плыть,
Издали любуясь им...
К бухте Яшмовой тогда
Наш корабль подошел,
И на отмели морской,
Глядя на скалистый берег,
Где остался «Остров-дом»,
Громко, в голос, плакал я,
Словно малое дитя,
Слезы горестные лил...
У владыки вод морских
Из браслетов дорогих
Белый жемчуг я достал,
Спрятал в рукава свои
И хотел послать домой
В дар возлюбленной моей!
Но гонца я не нашел,
С кем послать его домой.
И хотя достал его
Из глубин морского дна,
Но, подумав, что теперь
Он не нужен никому,
Этот жемчуг дорогой
Опустил опять на дно...

К а э с и - у т а

I

В бухте Яшмовой, в бухте по имени Тама,
Жемчуг белый достал,
Что лежал глубоко под водой,
Но опять опустил этот жемчуг на дно я морское,
Ибо некому здесь любоваться его красотой!

II

Только осень настанет,
Корабль причалит мой снова.
Принесите с собой и оставьте на отмели мне,
Чтоб в пути не томиться тоскою, ракушки забвенья,
Белоснежные волны далеких морей!

[ЧЕТЫРЕ] ПЕСНИ, СЛОЖЕННЫЕ,
КОГДА ПРОПЛЫВАЛИ БУХТУ МАРИФУ
В УЕЗДЕ КУГА В СТРАНЕ СУО

I

О, если бы не трогать мне весла,
Не отплывать бы мне на корабле!
Хочу заночевать
Я в бухте Марифу,
Где, сколько ни гляжу, не наглядеться мне!

II

Остров дальний, желанный, что зовут Авасима,
Что мечтал я увидеть
Когда-нибудь в жизни,
Верно, издали только любить мне придется,—
Ведь поехать туда никогда не смогу!

III

Если близкой была бы дорога до дому,
Как хотел бы тебе показать бухту я Марифу,
На которую, сколько ни смотришь,
Глядеть не устанешь
И всегда будешь вновь любоваться ее красотой!

IV

Остров Молитвы!
Там молились святыням
О тех, кто в пути, где подушкой служит трава,
Верно, много веков он стоит среди моря поныне,
И возносится к небу о странниках дальних мольба!

* * *

В рассвета алый час,
Когда грустил о доме,—
За поворотом, где ладья плыла,
Раздался легкий всплеск весла;
О, эти юные рыбачки!

* * *

С открытого моря на берег,
Как видно, прилив наступает,
Журавли, что добычею заняты в бухте Кара,
Зашумели на отмели,
Громко крича над волнами...

* * *

Когда недолгим сном забылся я в пути,
Как утка дикая, качаясь на волнах,
На волос черный,
Черных раковин темней,
Холодная роса упала с вышины...

**ЧЕТЫРЕ ПЕСНИ, СЛОЖЕННЫЕ ПО ПРИВЫТИИ В ЦУКУСИ
В ТОСКЕ ПО ДАЛЕКОЙ РОДИНЕ**

I

Словно горькая соль, что всегда выжигают,
Даже дня одного не оставив на отдых себе,
Рыбаки из селенья Сика,—
О, такую же горькой тоскою
Я полон все время теперь!

II

Рыбаков, что здесь заняты ловлей на море
В дальней бухте Сика,
Верно, дома с тревогою ждут,
Вспоминая с тоскою о них и с любовью,
Но напрасно: они ловят рыбу всю ночь до утра!

III

Журавли в Касифуз
Над нами проносятся с криком,
Верно, в бухте Сика
Белопенные волны встают
И одна за другую бегут беспрестанно...

IV

Теперь уж, наверно,
Осень скоро настанет,
В тени вечных сосен
Средь гор распростертых
Зазвенели ночные цикады...

ИЗ ПЕСЕН, СЛОЖЕННЫХ ПРИ ЛУНЕ НА МОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

* * *

Когда взглянул я на небесную равнину,
Уж проходила ночь,—
Что ж, не беда!
Пусть светлеет, коль светать должна
Ночь одинокая в дороге!

* * *

Рыбаки и рыбачки, что заняты рыбной ловлей
В этой бухте Сика,
Только стало светать,
Верно, берег теперь огибая, поплыли:
Слышны всплески весла...

* * *

В тоске о милой
Я уснуть не в силах,
А в это время, скрытые от глаз туманом утренним
В час алого рассвета,
В далеком небе гуси дикие кричат!

[ПЕСНИ ЧЕТЫРЕХ ВРЕМЕН ГОДА]

Из песен поэтических турниров
и из записей народных песен

Разные песни весны

* * *

Гора, сошедшая с небес извечных,
Небесная гора Кагуяма
Сегодня вечером
Покрылась легкой дымкой:
Как видно, на земле уже весна!

* * *

На склонах Макимуку, там,
Где руки юных дев сплетались изголовьем,
Настала вешняя пора:
Листву деревьев до земли сгибая,
Повсюду стелется туман...

* * *

Вблизи горы Асадзума,
Что Утренней женой зовется,
Где ныне утром, уходя,
Все говорят, что завтра вновь вернуться,—
Прозрачной дымкой стелется туман...

ПОЮТ О ПТИЦАХ

* * *

Лишь над землею медленно поплыли
Весны туманы дымкой голубой,
Как сразу на зеленой иве
Уже поет, порхая, соловей
И в клюве держит ветку молодую!

* * *

О птица ёбукодори
В горах Косэ — «Переходи»!
Возлюбленному моему не дай те горы перейти!
Гони его оттуда прочь, зови его назад ко мне,
Пока не наступила ночь и не стемнело в вышине!

ПОЮТ О СНЕГЕ

* * *

Со стелющимся по земле туманом
Пришла весенняя пора,
И все же
Небо затянуло облаками,
И беспрестанно белый снег идет...

* * *

Снежинки, что упали на цветы,
На лепестки душистой белой сливы,
Хотела унести
И показать тебе,
Но лишь дотронулась — они исчезли...

* * *

На крылья соловья, что с песнею порхает
Среди ветвей, где сливы белый цвет,
На крылья эти,
Белизной сверкая,
Как пена легкая, ложится вешний снег,

* * *

Высоки горы здесь,
И потому
Подумал я о падающем снеге:
«Не слив ли это белые цветы
С вершины горной падают на землю?»

ПОЮТ О ТУМАНЕ

* * *

Наполненная соловьиной песней
Пришла, как видно, вешняя пора,
И Касуга-гора
Покрылась легкой дымкой,
И даже ночью дымка мне видна...

ПОЮТ ОБ ИВЕ *

* * *

Средь ближних гор
Снег без конца идет,
И все-таки под этим белым снегом
На ивах, что склонились над рекой,
Зазеленели свежие побеги!

* * *

О, если б ты пришла, чтоб показать тебе
Зеленых ив тончайшее сплетенье,
Как раз теперь,
Когда в ветрах весенних
Смешались нити зеленеющих ветвей!

ПОЮТ О ЦВЕТАХ

* * *

Вершины распростертых гор
Как будто полотном покрыли,
Иль, может быть,
Цветы расцветшей сливы
Их белизной заставили сверкать!

* * *

В горах Микаса
Вишни зацвели!
Так что кругом все засверкало
До самой глубины, до дна текущих вод
Реки прозрачной Нодобава!

* * *

Там, у гор Такамато,
Где поют свои песни кигиси *,
Лепестки у вишневых деревьев осыпаются ныне...
Как хотел бы, чтоб ты здесь была в это время
И со мною могла б любоваться цветами!

* * *

О, скоро ль ночь
Заменится рассветом?
И сливы белые смогу я увидеть,
Где соловей, летая между веток,
На землю падать заставляет лепестки...

ПОЮТ О ЛУНЕ

* * *

Когда повсюду настает весна,
Сквозь тьму листвы разросшихся деревьев
Луна полночная
Едва-едва видна
В тени глубокой склонов горных...

ПОЮТ О РЕКЕ

* * *

Теперь, отправясь в путь,
Хочу услышать
Я дальний рокот Асука-реки,
Где нынче от дождей весенних
Несется в пене бурная вода!

ПОЮТ О ДЫМЕ

* * *

Мне видно, как над Касуга-долиной
Дым поднимается высоко над землей,
То, верно, девы молодые,
В полях весной ухаги нежные собрав,
Их варят на кострах сегодня...

ПОЛЕВЫЕ ИГРЫ *

* * *

День нынешний, когда друзья мои
В долинах Касуга
На мураве зеленой
Здесь забавлялись, этот день веселый
Смогу ли я когда-нибудь забыть?

ГОРЮТ О СТАРОСТИ

* * *

Когда проходит зимняя пора
И дни весенние повсюду наступают,
Года и месяцы
Вновь круг свой начинают,
И только человек все к старости идет...

* * *

Все вещи хороши,
Когда бывают новы,
И только человек,
Прожив недолгий век,
Лишь в старости становится хорошим!

РАДУЮТСЯ ВСТРЕЧЕ

* * *

Когда я проходил селенье
В Суминоэ,
Я встретился, любимая, с тобой,
И ты была чудесней, чем весной
Цветок раскрывшийся весенний...

Весенние песни-переключки (песни любви)

Пять записей песен
из сборника Какиномото Хитомаро

* * *

Как соловьи, что плача расстаются
В долинах Касуга, когда настанет день,—
Вот так и мы...
Но на пути обратном,
Идя домой, подумай обо мне!

* * *

Скрыто все зимой...
А весной цветут цветы,
Будем их срывать с тобой
Много, много тысяч раз,—
Много, много долгих лет буду я любить тебя!

* * *

И даже соловей, блуждающий в тумане
Среди весенних гор,—
Ведь даже соловей
Не может тосковать с такою силой,
Как я тоскую о тебе!

* * *

Как придет весна, сначала расцветают
«Травы счастья» * — раньше трав других.
Если счастье будет,
Встретимся с тобою,
Не тоскуй, любимая моя!

* * *

Когда придет весна,
Склонившаяся ива
Склоняется к земле еще сильнее,
И сердце нежное возлюбленной моей,
Я подчиняю своей воле!

СРАВНИВАЮТ С ПТИЦАМИ

* * *

Густо весной
Трава покрывает поля,
Где все время поют без конца каадори,
О, вот так же любовь наполняет меня,
И ни отдыха нет ей, ни срока...

СРАВНИВАЮТ С ЦВЕТАМИ

* * *

Скрывается внизу ползучий плющ,
Растущий среди полей весенних,
Где фудзи лепестки струятся вниз волной,
И если мы должны любовь скрывать с тобой,
Нам долго ожидать придется счастья!

* * *

О, если ты уже забыл меня,
Зачем было сажать ямабуки тогда? *
Ведь, думалось, подобно тем цветам,
Не будет знать конца
Твоя любовь ко мне!

СРАВНИВАЮТ С ИНЕЕМ

* * *

Как тает иней на траве морской
У светлых вод, когда весна здесь наступает,
Так таю я...
И все же продолжаю
По-прежнему любить тебя!

СРАВНИВАЮТ С ТУМАНОМ

* * *

Со дня, как легкой дымкой встал
Туман весенний, и
До нынешнего дня
Не прекращается любовь моя к тебе —
Ведь корни в сердце глубоко ушли...

* * *

Словно дымка легкая тумана,
Что встает над склоном гор, где я живу,
Где проходят дни, сверкая яшмой белой,
То встаю, чтобы уйти, то остаюсь,
Прихотям твоим покорствуя всецело...

СРАВНИВАЮТ С ТРАВОЙ

* * *

Как густа весенняя трава,
Так сильна моя любовь к тебе,
И как волны к берегам морей
Набегают в тысячи рядов —
В тысячи слоев на сердце залегла!

СРАВНИВАЮТ С СОСНОЙ

* * *

Когда опали бы
Цветы расцветшей сливы,
Тогда моя сосна и я
Все думали бы в ожиданье милой:
Придет она иль не придет она?

СРАВНИВАЮТ С ОБЛАКАМИ

* * *

Белый дивный лук теперь натянут...
Средь весенних гор,
Как облако вдали,
Неужель уйдешь, меня оставив,—
Ведь еще друг друга любим мы...

ПОДНОСЯ ВЕНОК

* * *

Венок из веток
Вниз склоненной ивы,
Что рыцарь преклоненный для тебя,
Вздыхая, сплел,
Надень, любимая моя! *

Разные песни лета

ПОЮТ О ПТИЦАХ

* * *

Выйдет рыцарь в путь —
И сразу перед ним
В Каминаби,
Средь священных гор,
У родного старого села,
Лишь придет рассвет,
На туге средь листвы,
А ночной порой
На соснах в вышине
Раздается песня
Так,
Что каждый раз
Вторит сразу эхо —
Горный принц.
Так,
Что слышат
Жители села,

Умиляются ей
Всякий раз...
То кукушка, верно,
О жене грустит
И глубокой ночью
Плачет в тишине...

К а э с и - у г а

I

Как видно, странствуя повсюду,
Тоскою одинокою полна,
Как только ночь
Становится темна,
Кукушка в Камунаби плачет!

II

Кукушка,
Голос твой, раздавшийся впервые,
Хочу, чтоб был всегда со мной!
Я с майским жемчугом его смешаю
И нанижу его на нить!

III

Слышно ли тебе,
Как плачет здесь кукушка,
Дева, собирающая травы на холмах,
Где цветут и опадают наземь
Белые цветы уохапа?

ПОЮТ О ЦИКАДЕ

* * *

Пускай звенела б песенка твоя,
Когда в покое пребываю,
Но в час,
Когда томит меня тоска,
Напрасно ты все время плачешь!

ПОЮТ О ЦВЕТАХ

* * *

Цветы татибана,
Что падали от ветра,
В рукав собрав *,
С любовью берегла,
Как след любимого, что посетил меня!

* * *

О, кто же будет тот, кто явится сюда
Взглянуть на сад, где опадают лепестки
Цветов татибана,
Где громко так поет
Кукушка, прилетевшая ко мне?

* * *

Окинул взором даль,
И жалко стало,
Что осыпаются в полях передо мной
Цветы гвоздики ярко-алой,
О дождь, прошу тебя, не лей!

* * *

Не дожидаясь времени и срока
Цветы уюхана раскрыли лепестки,
Как будто жемчуга на нити нанизали,—
Ждать майских дней, когда цветы их расцветают,
Должно быть, долгим показалось им!

Песни вопросов и ответов, или песни-диалоги

* * *

Вот и ясневый лук натянут...
В Хикицу растет трава «не говори».
И пока не зацветут ее цветы,
Нам с тобою,
Верно, не встречаться!

* * *

На реке растут цветы,
Называют их «всегда»*.
Ах, всегда, всегда
Приходи ко мне, любимый мой,
Ты не можешь ведь не вовремя прийти!

* * *

Из-за девы молодой,
Что любви не дарит мне в ответ,
Лишь напрасно я
Долгий, словно корни сугэ, день весны
Буду проводить в печали и тоске!

* * *

Подобно соловью, что раньше всех поет
В тени ветвей,
Когда придет весна,
Ты раньше всех мне о любви сказал,
Любимый мой, я буду ждать тебя!

* * *

Над тем холмом, где ныне опадают
На землю лепестки цветков вьюнка,
Смотри,
Кукушка с песней пролетает,
Но слышно ли тебе, как здесь поет она?

* * *

Кукушка, о которой ты спросил,
Не слышала ли я, как песни она пела,—
Кукушка та,
Промокнув под дождем,
Здесь с плачем пролетала надо мною!

* * *

Когда кукушка громко распевает
На ветках померанцевых цветов,

От громкой песни
С молодых кустов
Цветы на землю лепестки роняют...

* * *

Жалея, что на землю опадают
Цветы любимые уюхана,
Кукушка бедная моя
То в поле вылетит, то в горы улетает,
То слышен близко громкий плач ее!

Летние песни-переключки (песни любви)

СРАВНИВАЮТ С ПТИЦЕЙ

* * *

Когда весна пройдет, кукушка полевая
Едва-едва среди зелени видна,
Как будто не кукушка, а пчела...
Едва-едва с тобой не повстречавшись,
Явился я, любимая, сюда!

СРАВНИВАЮТ С ТРАВОЙ

* * *

Все это время
Так любовь сильна!
На летнюю траву она похожа;
О, сколько ни коси, ни убирай,
Растет опять и покрывает поле!

СРАВНИВАЮТ С ЦВЕТКОМ

* * *

О том, кто сердца мне не раскрывает,
Как лепестки свои
Цветы уюхана,
Ужели тосковать по-прежнему я буду
Любовью безответною любя?

* * *

Если любишь — нет муки сильнее,
Чем таить любовь и скрываться,
Пусть же гвоздика * скорее
Раскроет цветы навстречу,
Чтоб мог на нее любоваться каждое, каждое утро!

* * *

Лишь издали любясь на тебя,
Я тосковать в разлуке буду вновь,
Пусть же тот цветок,
Что может красить ткань,
Скрывает алый цвет, а мы — свою любовь!

Разные песни осени

ПЕСНИ О ЛЮБВИ ДВУХ ЗВЕЗД

[Песня Волопаса]

С тех пор как небо и земля
Между собою разделились,
Я осень жду,
Чтобы моя жена,
Как велено судьбой, мне вновь принадлежала!

[Песня Ткачихи]

Ах, яшму белую, нанизанную грудой,
Я на шнуре ношу и не снимаю я,—
Ведь нет тебя,
И слез не осушу я,
Все ожидая дня, когда придешь ко мне!

[Песня Волопаса]

Хоть наглядеться друг на друга
Не можем мы, но все равно,
Как раскрываются глазки колосьев риса,
На небе занимается заря, рассвет пришел,
Жена моя, я снова в путь далекий отплываю...

[*Песня Ткачихи*]

Ведь только мы еще легли с тобой,
Не миновало краткого мгновенья,
О, можно ли просить свой белотканый пояс,
Чтобы уйти...
Ведь не ушла еще любовь!

[*Песня Ткачихи*]

В небесах подул осенний ветер,
Волны сразу встали на реке,
Ты возьми скорей хикибунэ *
И плыви, любимый мой, ко мне,
Торопись до наступленья ночи!

[*Песня Волопаса*]

Пусть на Реке Небес
Встает волна, мне все равно,
Ладья моя,
Итак, плывем скорей с тобою,
Пока на землю не спустилась ночь!

* * *

Когда осенняя пора проходит
И застилает всю реку туман,
Они стоят друг против друга
на разных берегах реки...
О ночи, полные тоски!
Как у несчастных звезд их много!

* * *

Зовущий голос:
«Перевозчик,
Перевези меня в своей ладье!» —
Напрасно раздается в тишине:
В ответ не слышно шума весел!..

* * *

Там, на Реке Небес,
Встает густой туман,

Не развеваются ли это рукава
Одежды, сотканной из облаков,
Ткачихи молодой — тоскующей звезды?

* * *

Когда сегодня в ночь
Звезда Ткачиха
Увидится с возлюбленным своим,
А завтра будет вновь в разлуке, как обычно,
Каким покажется ей долгим год!

[ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ ДВУХ ЗВЕЗД]

С той поры, как в мире есть
Небо и земля,
Две звезды разлучены
Горькою судьбой.
И на разных берегах,
Стоя у Реки Небес,
Друг ко другу обратясь,
Слезы льют они в тоске.
Только раз один в году
Суждено встречаться им.
И, тоскуя о жене,
Бедный молодой супруг
Каждый раз спешит идти
Он в долину Ясу к ней,
Проплывает каждый раз
Он Небесную Реку.
И сегодня в ночь,
Когда
Ветер осени подул,
Тихо листьями шурша,
Флагом пышным камыша,
К переправе он спешит.
Там, где отмель, где ладья,
Крашенная в красный цвет,
И корму и нос ее
Украшает он скорей
Много весел закрепив,
Отплывает в дальний путь...
Волны в пене, что встают
Ныне на Реке Небес,

Рассекает он веслом
Струи быстрые реки,
Что стремительно бегут,
Хочет переплыть скорей,
Чтоб в объятиях ныне спать
Дорогой своей жены,
Нежной, как трава весной...
Как большому кораблю,
Доверяясь ей душой,
К берегу ее плывет
Бедный молодой супруг...
Новояшмовых годов
Долго, долго длится нить,
Долго он живет в тоске,
И в седьмую эту ночь,
В месяце седьмом,
Когда
Он приходит наконец
Утолить свою тоску,
Что томила целый год,
В эту ночь свиданья звезд
Мы сочувствия полны!

[ПЕСНЯ ВОЛОПАСА]

С тех пор как небо и земля
Разверзались,
С той поры,
Как знак небесный,
Рубежом
Легла Река Небес
И разделила в тот же миг
Навек меня с женой.
И я стою теперь один
В долине голубых небес,
И в новояшмовом году
За месяцем я месяц жду,
Когда придет желанный срок
И встречу я с женой,
И рукава моих одежд
В осеннем ветре каждый раз
Метаться начинают вновь,
И я не знаю, как мне быть:
Уйти ли в путь, остаться здесь?

И сердце мечется мое
Как будто печень на куски
Уже разбита навсегда...
И как небрежный вид одежд,
Что не повязаны шнуром,
В смятенье думы у меня...
О эта ночь, что жду всегда
И думаю: «Когда придет?»
Ах, эта ночь моей мечты,
Пусть, как течение реки,
Не знает срока и конца!

К а э с и - у т а

Когда я ждал нетерпеливо срока,
Чтоб встретиться с любимой моей,
В речной долине,
В небесах извечных,
Так много долгих месяцев прошло!

ПОЮТ О ЦВЕТАХ

* * *

До дня того, пока не прилетит
И не начнет кричать гусей далеких стая,
Все время буду любоваться я,
О, пусть не льет с небес поток дождя
На эти дивные долины хаги!

* * *

О, сколько ни смотрю, не налюбуюсь я
На лепестки цветов осенних хаги,
Которые так дивно расцвели,
Что бедная сторожка вся сверкает
Среди полей, где жнут созревший рис!

* * *

Раскрылись лепестки осенних хаги,
Что я не замечал,
Когда была весна,
И хаги прятались за дымкою тумана,—
Теперь сорву цветы, венком украшусь я!

* * *

О хаги нежные, что здесь растут,
И белую росу
Упорно побеждают...
Как будет жаль, коль наземь опадут,
Ах, дождь, не лей, не дай цветам увянуть!

* * *

На смену лета осень к нам приходит,
Как жницы юные, сменяясь меж собой,
Что рис в полях снимают молодой.
Как видно, сроки жатвы наступили:
Цветы осенних хаги расцвели.

* * *

Вот расцвели цветы осенних хаги,
Что посадил любимый, говоря:
«Коль будешь ты еще любить меня,
Пусть будут памятью
О нашей встрече».

* * *

Цветы лиловые осенних хаги,
Что ждал с любовью я,
Что видеть я хотел,
Так дивно расцвели, что даже ветви
Под тяжестью цветов склонились до земли...

* * *

Когда на дальних Касуга-полях
Осыплются цветы осенних хаги,
Пусть лепестки
С восточным ветром прилетят
И утро каждое здесь наземь будут падать...

* * *

Не оттого ли говорят всегда,
Что будто бы цветам осенних хаги

С гусями дикими встречаться не судьба,—
Лишь стоит им вдали гусей услышать крики,
Как наземь опадают лепестки...

* * *

У хаги, что сажал,
Чтоб показать любимой,
Когда осенние наступят дни,
Не оттого ли, что холодный выпал иней,
Цветы осыпались — все, до конца...

ПОЮТ О ГУСЯХ

* * *

О гуси, что летите вдаль, крича,
Скрываясь в утреннем тумане,
Когда еще не занялась заря,
Моей любимой
Весть вы передайте!

* * *

Шелестя травой высокой оги
Возле берегов, заросших тростниками,
Начал дуть в полях
Осенний ветер,—
Гуси в небе пролетают с криком...

* * *

О жалобы гусей,
Что по утрам летят...
Ужели так же, как и я,
Они тоскуют?
Печальны на заре их голоса...

* * *

Гуси дикие, что пролетают ночью,
Темной ночью, ягод тутовых черней,
Почему-то, сколько б ни прошло ночей,
Пролетая, свое имя называют:
«Кари, кари *...»

* * *

Когда созревший рис в осеннем поле
Я кончил жать,
Послышались вдали
Гусей летящих жалобные крики,—
Как видно, время приближается к зиме...

* * *

Чтобы во всех концах земли звучали
Оленя крики,
Что зовет жену,
Склонитесь до земли,
Густые рощи хаги!

* * *

Говорят: раз гуси прилетели,
Это значит —
Хаги отцвели.
Голоса тоскующих оленей
Жалобно разносятся вдали...

* * *

Когда в отчаянье глубоком
Тоской был полон о тебе,
На поле в Сики
Меж осенних хаги
Кричал в ответ тоскующий олень!

* * *

Хотя в горах, ему бывает страшно
Попасть охотникам счастливым
На прицел,
Но громких стонов не таит олень,
Мечтая встретиться с женой любимой!

* * *

Увидя, что цветы осенних хаги,
Уже опавшие, лежат здесь на земле,

Как видно загрустив,
И, о жене тоскуя,
Кричит в горах покинутый олень...

* * *

Ах, оттого что лепестки осенних хаги
Уже осыпались теперь с ветвей,
Так горько плачет,
Жалуясь, олень —
Не видя лепестков, он о цветах тоскует...

ПОЮТ О СВЕРЧКЕ

* * *

Когда на травы желтые в саду
Льет мелкий дождь
И тут же слышишь
Поющий голос тихого сверчка,
То значит — наступила осень!

ПОЮТ О ЛЯГУШКАХ

* * *

В прекрасном Есиу лягушка,
Подножье скал не покидая,
Поет близ вод не умолкая,
И мне понятно, почему поет:
Чудесен вид прозрачных светлых вод...

* * *

Оттого что быстры горные потоки,
Падает стремительно вода,
Там, средь белых волн,
Лягушки стали квакать
Нынче по утрам и вечерам...

ПОЮТ О РОСЕ

* * *

На лиловых лепестках осенних хаги
Выпавшая белая роса.
Утро каждое
Сверкает, словно жемчуг,
Выпавшая белая роса...

* * *

О, прикоснись рукой, любимая моя,
К росе, что выпала, склонив к земле так низко
У дома моего тростник обана,
Я полюбуюсь, как с зеленых листьев
Блестящей каплей упадет она!

* * *

Когда сторожку смастерил себе,
Чтоб жать созревший рис в полях осенних,
И поселился в ней,
Застыли рукава:
Холодная роса на них упала.

* * *

В полях осенних, где я жну созревший рис,
Зашевелился край рогожи * у сторожки,
То, верно, белая роса ко мне пришла
Сказать, что места нету в поле,
Где выпасть бы она могла!

ПОЮТ О ГОРАХ

* * *

Весна — вся почками сверкает,
А лето — в зелени всегда,
И алым,
Ярко-алым цветом
Покрыта осенью гора!

* * *

Среди осенних гор,
Где утренней росой
Окрасилось все в алые цвета,
О мелкий дождь, не лей, прошу тебя,
Чтоб алая листва на землю не опала!

* * *

Когда любимый в белотканом платье
Пройдет, ветвей касаясь,
Горною тропой,
Как, верно, заалеет это платье —
Ведь горы алою окрашены листвою!

* * *

Как видно, срок пришел
Алеть листве,
Когда увидел я, что заалела
И ветка лавра
На луне*.

* * *

Со дня того, когда раздались крики
Гусей далеких в вышине,
Гора Микаса
В Касуга, где клены,
Покрылась ярко-алою листвою*!

* * *

И Тацута-гора,
Где лишь наступит вечер,
И гуси пролетают в вышине,
Вся засверкала ярко-алым цветом,
Опередить стараясь мелкий дождь...

ПОЮТ О РИСОВОМ ПОЛЕ

* * *

Ах, над полем, что возделываешь ты,
Возле склонов распростертых гор
Протяни святой запрета знак,
Даже пусть колосьев нет на нем,
Чтобы знали все, что поле сторожат! *

* * *

Поле, где посеян ранний рис,
Близ холмов у гор, там, где олень зовет
Каждый раз к себе любимую жену,
Это поле я, наверно, не скошу,—
Пусть ложится иней на него! *

ПОЮТ О ЛУНЕ

* * *

Качается в небесном море
Ладья луны,
И видно, как плывет,
Держа в руках весло из лавра,
Отважный рыцарь — лунный человек! *

* * *

Луна сияет в небесах,
Как будто для того, чтоб ясно видеть
Росу, упавшую на лепестки
Цветов осенних — нежных хаги,
В венке у друга моего *.

* * *

Луной кристальной на рассвете в сентябре,
Когда, как яшма драгоценная, искрятся
Росинки белые...
О, сколько ни смотрю,
Я не могу луной налюбоваться!

ПОЮТ О ВЕТРЕ

* * *

Среди осенних гор зеленая листва
Еще совсем не заалела,
А нынче утром
Начал ветер дуть,
Такой холодный, словно выпал иней...

ПОЮТ О ДОЖДЕ

* * *

Чтоб рис на поле жать, живу я в шалаше,
Льет мелкий дождь,
И мой рукав промок,
И нету никого, кто б мокрый мой рукав
Мне у огня бы высушить здесь мог!

ПОЮТ ОБ ИНЕЕ

* * *

Гуси, что летят в далеком небе,
Крыльями закрыли свод небес,
Верно, где-то проскользнувший
Между крыльев
Белый иней выпал на земле!

ОСЕННИЕ ПЕСНИ-ПЕРЕКЛЮЧКИ (ПЕСНИ ЛЮБВИ)

* * *

В горах осенних
Иней все покрыл,
С деревьев осыпается листва...
О, пусть проходят годы, все равно!
Могу ли позабыть я о тебе?

* * *

Как нежные верхушки обана
В осеннем поле
Клонятся к земле,
Под тяжестью любви склоняюсь я
И подчиняюсь сердцем всем тебе!

О РИСОВОМ ПОЛЕ

* * *

Как белая роса, что с вышпы упала
На колос риса осенью в полях,
О, так же я
Могу навек исчезнуть,
Тоскою вечной по тебе томясь.

* * *

На рисовом поле, где слышны вдали
Печальные крики одних журавлей,
В сторожке живя *,
Я о доме грущу,—
Передайте об этом любимой моей!

О РОСЕ

* * *

Чем жить и тосковать на этом свете,
Не лучше ль мне исчезнуть навсегда,
Как исчезает белая роса,
Сгибающая тяжестью свою
Колосья риса на полях...

О ДОЖДЕ

* * *

Словно встал густой туман в горах,
Где осенний мелкий дождик моросит
В долгом и унылом сентябре,
Поднялась в душе моей тоска,
И без встреч с тобой ей не пройти...

СЛУШАЯ СВЕРЧКА

* * *

Долгими осенними ночами,
Которых с радостью сверчок обычно ждет,
Нет знака, что она ко мне придет,
Мы будем спать одни:
Я и моя подушка.

СЛУШАЯ ЛЯГУШЕК

Утренний туман поднялся легкой дымкой
У сторожки, где костры горят *,
Вдалеке несется крик лягушек...
О, когда бы твой я голос слышал,
Разве жил бы я в такой тоске?

ПРИ ВИДЕ ОЛЕНЯ

В полях, где по утрам
Лежит олень,
Трава такая молодая,
Что скрыть не сможет нас она,
Не дай же людям знать, что я люблю тебя!

СЛУШАЯ КРИКИ ЖУРАВЛЕЙ

Нынче ночью,
На рассвете раннем,
Были слышны крики журавлей,
И меня тоска не покидает,
Лишь любовь становится сильнее!

ГЛЯДЯ НА ТРАВУ

Вдоль дороги
У корней цветущих обана,
Омоигуса — «трава-тоска» *...
Почему же суждено
Снова мне о чем-то тосковать?

ГЛЯДЯ НА ЦВЕТЫ

* * *

Густо выросла трава, и ныне часто
В ней поют сверчки
У дома моего,
О, когда же любоваться хаги
Ты придешь ко мне, любимый мой?

* * *

Там, где с милою моею встречаюсь,
У горы, что все зовут Заставой Встреч,
Сусуки цветет,
Колосья раскрывает,
Я же вечно прячу от людей любовь.

ГЛЯДЯ НА ГОРЫ

Лишь осень настает,
Как пролетают гуси
В далеких небесах над Тацута-горой.
Встаю ли я или ложусь, ах, все равно,
Я полон думой только о тебе!

ГЛЯДЯ НА АЛЮЮ ЛИСТВУ

Ведь с каждым, с каждым днем
Алеет все сильнеей
Листва плюща у дома моего,
Ты не приходишь эти дни ко мне,
О, что, скажи, на сердце у тебя?

ГЛЯДЯ НА ЛУНУ

* * *

Ты не осенних ли ночей луна?
Все прячешься за облаками,
На краткий миг и то
Не вижу я тебя,
И оттого тоскую я ночами...

* * *

Наверно, думают в селенье люди:
Нет, может, сердца у него —
Такою долгою, осенней ночью
Он только спит,
Не глядя на луну!

ПЕСНЯ-АЛЛЕГОРИЯ

Ведь даже алый клен
Священных храмов,
Где молятся жрецы своим богам,
И тот, листву на землю осыпая,
Обходит, говорят, запрета знак*.

СЭДОКА

Камыш, на флаг похожий, не цветет,
Колосья не видны, — так и любовь моя,
Которую таю,
Хотя один лишь миг,
Что жемчугом блеснул,
Я видеть мог тебя...

Разные песни зимы

* * *

На мой рукав
Упал летящий град,
Я градины возьму и спрячу поскорей,
Не дам растаять граду моему,
Чтоб показать возлюбленной моей!

* * *

В Макимуку
Над горами Хибара
Облаков на небе нынче нет,
А с верхушек сосенок зеленых
Вниз струится белой пеной снег...

* * *

Средь распростертых гор тропинки не найду —
Найти в горах теперь дорогу трудно,
Все оттого, что выпал сильный снег,
К земле склонивший
Даже ветви дуба!

ПОЮТ О СНЕГЕ

То, что сверкает яркой белизной
На склонах дальних распростертых гор,
Не снег ли белый, выпавший вчера
Вечернею порой
У дома моего?

ПОЮТ О ЦВЕТАХ

* * *

Из чьих садов
Цветы душистых слив?
В такую ночь, когда луна светла,
В извечных небесах как много их
На землю осыпается кругом!

* * *

Ах, у кого в садах
Вдруг сливы расцвели?
Так много на ветвях у них цветов,
Что захотелось мне пойти на них взглянуть,
Полюбоваться дивной белизной!

ЗИМНИЕ ПЕСНИ-ПЕРЕКЛИЧКИ (ПЕСНИ ЛЮБВИ)

О снег, летящий белой пеной,
Ты в тысячи рядов здесь падай и ложись,
Я, что так много долгих дней тоскую,
Любуясь на тебя,
Утешусь, может быть.

ОБ ИНЕЕ

Уже стемнело,
Ты не уходи,
Ведь нынче ночью у дороги
На мелкий и густой бамбук
Холодный иней выпасть может...

СРАВНИВАЮТ СО СНЕГОМ

Как ясно виден этот белый снег,
Что, падая, покрыл деревья суги
В селе Ёнабари,
Пусть так же ясно видят
Мою тоску, мою любовь к тебе!

О ЦВЕТАХ

У дома моего цветы раскрылись сливы,
Так хороша луна,
И каждый, каждый день
Вечернею порой я жду тебя, мой милый,
Чтоб показать мои цветы тебе!

Разные песни

ПОЮТ О ЛУНЕ

* * *

Пускай бы на западных склонах
Дальних гор появилась застава,
Чтобы месяц, по небу плывущий,
Ночью черной, как ягоды тута,
Не ушел бы с небесного свода!

* * *

Месяц светлый, что должен сиять,
Как поверхность прозрачных зеркал,
Не облака ль белотканые
Скрыли от взора?
Или небесный туман затянул пеленой?

* * *

Вечные своды небес
Озаряющий месяц...
Не со времен ли богов
Он уходит и снова приходит,
А годы идут и идут...

* * *

Ночью черной, как черные ягоды тута,
Ясный месяц, по небу плывущий,
Прекрасен.
И пока любовался я нежным сияньем,
Вдруг упала роса на рукав белотканый...

* * *

Нынче можно увидеть
Даже мелкую гальку
В глубине многоводной открытого моря,—
Так сияет, сверкая, в небесах ясный месяц,
Когда темная ночь на земле наступает...

* * *

К дому подойдя, где милая живет,
Помаху ей рукавом издалека,—
Над деревьями
Взошедшую луну
Вы не закрывайте, облака!

ПОЮТ О ДОЖДЕ

Дождь, не надо лить с такою силой,
Чтоб одежды промочить мои,
Ведь надел я к телу платье милой,
Сшитое на память,
В знак любви!

ПОЮТ О ГОРАХ

Как было б хорошо, когда бы следом
За цепью гор святых,
Что тянутся грядой,

Увидел я гору Объятий — Макимуку,
Где спят в объятых девы молодой!

ПОЮТ О РЕКАХ

* * *

Оттого что на реке Хацуса,
Похожие на белые цветы,
Кристалльной чистоты
Бегут, сверкая, струи,
И я пришел взглянуть на эту красоту.

* * *

Там, где мой шнур
Был завязан рукою любимой,
Река Юуя, к отдаленным твоим берегам
Вновь возвратясь, любоваться я буду тобою
Бесконечное множество лет...

ПОЮТ О РОСЕ

К росе небесной, в иней превращенной,
Что, падая, лежит на волосах моих,
Таких же черных,
Словно ягоды у тута,
Лишь прикоснусь я — исчезает вмиг...

ПОЮТ О ЦВЕТКЕ

Когда на море обогнул я остров,
Цветок увидел на скалистом берегу,
Пусть дует ветер
И бушуют волны,
Пока я не сорву, я не уйду...

ПОЮТ О МХЕ

Ковер из мха на мысе Аонэгатака,
Здесь, в дивном Ёсину,
Кто выткал тот ковер?
Не продевая даже нитки,
Не делая стежка — ни вдоль, ни поперек?

ТОСКУЮТ О РОДИНЕ

О Камунаби — сердцу милое село!
Где между гор
Встает тумана дымка,
И на кристальной отмели тидори
Далеких призывают жен!

ПОЮТ О КОЛОДЦЕ

Так прозрачна и чиста вода
В святом роднике,
Бегущем с гор в долину...
Я, что собирался уходить,
Не могу никак уйти отсюда!

СЛОЖЕНО В ЁСИНУ

* * *

Когда дивное Ёсину ныне увидел,
Которое любят все люди на свете,
Я понял — недаром его так любили:
Прекрасны там горы!
Прекрасны там реки!

* * *

Как крепкие дубы и скалы
У Ёсину-реки
Красуются всегда —
Всегда я буду приходить сюда,
Пока не канут в бесконечность годы!

СЛОЖЕНО В ПРОВИНЦИИ СЭТЦУ

Морские раковины «позабудь любовь»,
Что я вчера увидел на дороге,
Где путь лежит
В край дальний Суминоэ,—
Одни слова — я не забыл любовь!

Ах, траву зеленую «имя назови»,
Что я видел
На скалистом берегу,—
О, с какого берега рыбак
Срежет ту заветную траву?

* * *

Если милая спросит меня о подарках,
Чтобы мог поднести ей подарок в ответ,
Собираю ракушки...
Волны белые взморья,
Не дайте промокнуть мне нынче насквозь!

* * *

Раковины «позабудь любовь»,
О которых рыбаки сказали:
«Стоит в руки взять —
Забудешь про любовь»,—
Тешат лишь обманными словами...

* * *

Оттого ль, что чисты берега
Озера Миката в стороне Вакаса,
Ухожу ли, возвращаюсь я,
Сколько ни гляжу на эти берега,
Не могу налюбоваться вволю!

* * *

Пусть на берег хлынут
Волны взморья,
Захватив с собой прибрежные морские травы,
Среди них навряд ли будет жемчуг,
Что тебя, мой милый, превосходит!

* * *

Спустилась ночь,
И на морском просторе
Неясен путь, лежащий по волнам,
Тот лодочник, что призывал на помощь,
Сумел ли он причалить к берегам?

* * *

Словно драгоценным ларчиком любуясь,
По горам священным
Я бродил,
И прекрасны мне казались горы,
И с тоской я думал о былом...

* * *

Как порой канаты на челнах рыбачьих
Рыбаками с берегов Сика
Тянутся с трудом —
С трудом, с тоской на сердце
Я ушел, покинув милый дом...

* * *

Когда я выплыл утром в море
В Наго,
Среди равнины вод
Моряк в пути меня окликнул,—
Как был мне дорог тот моряк!

ПЕСНИ К СЛУЧАЮ

* * *

В алый час, на рассвете,
Ночные вороны кричали,
А на горной вершине,
На верхушках деревьев
До сих пор тишина и покой...

* * *

Дыры на холщовых платьях стражей,
Что служить уходят
Этот год..
Кто за ними там теперь присмотрит,
И починит, и зашьет?..

ИЗ СБОРНИКА
КАКИНОМОТО ХИТОМАРО

* * *

Руки дев любимых служат изголовьем
На горе Макимукуяма,
Та гора вечна..
А тот, кто нас покинул,
Не обнимет больше никогда!

ВЫСКАЗЫВАЮТСЯ МЫСЛИ
ПО ПОВОДУ РАЗНЫХ ВЕЩЕЙ

* * *

Среди гор Хацусэ,
Скрытых ото всех,
Светлая луна, что в небесах сияет,
Уменьшаясь, вырастает вновь,—
Человек же вечности не знает!

Песни-аллегории

СРАВНИВАЮТ С ПЛАТЬЕМ

В ярко-алые цвета хочу
Я окрасить платье *,
Но боюсь —
Как надену — засверкает алый цвет,
И узнают люди про мою любовь!

СРАВНИВАЮТ С ЦВЕТКОМ

Цветок, что рос внизу
Под алою листвою
На склонах гор,
Лишь мельком увидав,
Теперь еще сильнее я тоскую!

СРАВНИВАЮТ С ПЛАТЬЕМ

С тех пор как услышал,
Что люди, которые носят черного цвета одежду *,
Тревоги не знают,
Мне так захотелось надеть на себя
Их простую одежду!

СРАВНИВАЮТ С ЯШМОЙ, ЖЕМЧУГОМ

* * *

И там, и здесь, на побережье,
Средь камешков простых находится она —
О яшма белая!
Тайком от всех на свете
Хочу тобой полюбоваться я!

* * *

У морского владыки
Дорогая жемчужина * есть, погруженная в воду,
И ее я увидеть мечтал,
И ведь тысячу раз говорил я об этом
Рыбаку, что ныряет туда постоянно!

* * *

На дне на глубоком многоводного моря
Жемчужина белая скрыта волною.
Пусть ветер бушует,
Пусть море мятежно *,
Все равно я жемчужиной той завладею!

* * *

О, этот мир, мир горя и обмана!
Не вечно ль ты таков, мир суеты и зла?
И в мыслях вижу
Рвущуюся нить *,
С которой падает нанизанная яшма...

* * *

Коль было сказано, что яшмовая нить *
Навеки скреплена любовью
Глубокою, как корни тростника,
То разве сможет развязать ее рука
Совсем чужого человека?

* * *

Тот, кто жемчужины прекрасные берет,
Но не украсит ими перстень свой,
Ах, человек,
Что в ларчик все кладет,
Не потеряет ли он жемчуг дорогой?

* * *

Жемчужину прекрасную хочу,
Что украшает с давних пор собою руки
Владыки дна...
Переменю ей нить
И сделаю жемчужиной своею! *

СРАВНИВАЮТ С ГОРОЙ

Пусть я знаю,
Что гора опасна *,
Там, где громоздятся скалы на пути,
Все равно тебя любить я буду,
Хоть и знаю, что тебе неровня.

СРАВНИВАЮТ С ТРАВОЙ

Сердце мое
Так зыбко, так зыбко оно!
Как болотные травы укинунава,
Ни к берегу близко, ни вдаль, где моря,
Колеблясь, не могут уплыть никуда...*

СРАВНИВАЮТ С РИСОМ

Пусть еще в Фуру, в Исоноками,
На поле зеленом с рисом молодым
Колос не созрел *,
Я все равно повешу
Знак святой запрета * — буду сторожить!

СРАВНИВАЮТ С ДЕРЕВОМ

* * *

Ведь не раз, вскормившая меня,
Говорила матушка моя:
«Даже тута лист простой
В нашем деле, если трудишься с душой,
Превратится в шелковый наряд!» *

* * *

Ту ветку нежную, что стала зеленеть
У лавра молодого на холме,
Я в руки взял,
И так я горевал,
Что ждать цветов придется долго мне! *

СРАВНИВАЮТ С ЦВЕТКОМ

* * *

Ко мне, что любит,
Жизни не щадя,
Ужели ты изменишься ко мне?
Ужели ты, как те цветы в горах
Ямадзиса, что изменяют цвет?

* * *

Цветок камелии в полях Асасава,
В стране прекрасной Суминоэ,
Не знаю я, наступит день
Окрасить платье мне
Твоими лепестками? *

СРАВНИВАЮТ СО ЗВЕРЬКОМ

Как зверек мусасаби, что живет
на верхушках деревьев,
На горах Микуни
И всегда поджидает там птицу,
Так и я буду ждать твоего появления,
Буду сохнуть, тебя ожидая в разлуке...

СРАВНИВАЮТ С ПТИЦАМИ

Даже птицам, что приюта ищут
Возле отмели, где заводь, в тишине,
На реке, на Асука,
Даже им понятно,
Что в таких местах не зашуметь волне...*

СРАВНИВАЮТ С ЛУНОЙ

* * *

Нет ночи, чтоб я на него не глядела,
На юношу — бога луны *,
Что плывет высоко в небесах,
Но приблизиться даже к нему
Не дано мне судьбою...

* * *

Горы Касуга,
Вы, верно, высоки,
Не могу дожидаться я луны,
Чтоб на лилию * полюбоваться мне,
Что растет на каменистом берегу...

**ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН
ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ**

*Песни-диалоги,
или песни вопросов и ответов*

* * *

Ужели буду я любить,
Издалека одни лишь вести слыша,
Как в зеркало бы на тебя взглянуть,
Наедине бы быть с тобою вместе —
Так сильно я тоскую и люблю!..

* * *

Наверное, хотелось мне услышать
Из уст твоих давно слова любви,
Ведь даже ночь, когда кристальная луна,
Как зеркало прекрасное, сияет,
Казалась черным мраком для меня!

* * *

Цвет камелии на поле в Сакину...
В Сакину зеленый поднялся камыш,
Сделал шляпу я из камыша,
Ждал я день, чтобы ее надеть *,
Но напрасно годы долгие прошли...

* * *

Шляпа, что ты сплел из камыша
В озаренной блеском бухте Нанива,
Брошена тобой уже давно,
Только шляпу эту, милый мой,
Никому другому не надеть! *

* * *

Пусть будет так, но все равно
Любимую свою я буду ждать
До той поры,
Пока сойдет на землю ночь и месяц, что взойдет,
Опустится опять...

* * *

Оттого что жаль расстаться было
Мне с лучом сияющей луны,
Что сквозил через листву густую,
Медленно я шла к тебе, мой друг,
А за это время ночь спустилась...

* * *

Прозрачная волна у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф,
Порой бурлит, но к берегам не подойдет,
Так ты ко мне,
И полон я тоски...

* * *

О нет, наоборот:
Увы, не я, а ты,
Подобно той волне у белых берегов,
Раскинутых, как белоснежный шарф,—
Ты никогда не подойдешь ко мне...

* * *

Когда бы знала, что любимый мой
Придет ко мне,
Веаде в саду моем,
Покрытом только жалкою травой,
Рассыпала бы жемчуг дорогой!

* * *

Зачем мне дом, где жемчуг дорогой
Рассыпан всюду,
Что мне жемчуга?
Пусть то лачуга, вся поросшая травой,
Лишь были б вместе мы, любимая моя!

* * *

Когда бы гром внезапно загремел,
А небо затапули облака
И хлынул дождь,—
О, может быть, тогда
Тебя, мой друг, остановил бы он!

* * *

Пусть не гремит совсем здесь грозный гром
И пусть не льет с небес поток дождя,
Ах, все равно
Останусь я с тобой,
Коль остановишь ты, любимая моя!

* * *

Говорил, что будет так всегда,
После снова встретимся с тобой!
Твердым был
Ты только на словах,—
А ведь встречи нету до сих пор...

* * *

Непреренно
Думал встретиться с тобой,
Но ведь ты сама сказала мне,
Что молва людская эти дни
Словно заросли густые поднялась...

* * *

Нить жемчужная была прекрасна...
Мужество найдет ли сердце у меня
Проводить корабль,
С которым ты уедешь,
Много, много весел закрепив на нем...

* * *

Много весел закрепив, когда вдруг скроюсь
Я за островами, там, в дали морской,
Верно не увижу
Рукавов любимой,
Что махать мне будет и кричать: «Постой!»

* * *

Провожу все дни,
Бродя по дальним берегам
В Кику, в стороне Тоёкуни,
А когда заходит солнце в небесах,
О тебе, любимой, думаю с тоской!

* * *

Ох, высок, высок
Высокий берег в Кику,
В этой стороне Тоёкуни.
Ночь, когда я жду тебя всем сердцем,
Ночь уже настала на земле!

* * *

В запертую среди гор,
В эту малую страну Хацусэ
Когда пришел,
Чтобы взять себе жену,—
Небо сплошь заволокло —
Вот и снег пошел.
Все вокруг заволокло —
Вот и дождь пошел.
Птицы, что живут в полях,—
Кулики теперь кричат,
Птицы, что живут в домах,—
Петухи теперь кричат.
Рассветет, наверно, ночь.
Эта ночь к концу идет.
Я хочу войти в твой дом,
Так открой скорее дверь!

К а э с и - у т а

В запертой среди высоких гор,
Здесь, в стране далекой Хацусэ,
Дева милая моя живет.
Пусть мне по камням пришлось шагать,
Снова я пришел сегодня к ней!

* * *

О любимый мой,
Что явился взять жену
В запертую среди гор
Нашу малую страну —
Хацусэ.
Ведь в доме здесь
Мать моя лежит,
Во дворе у дома здесь
Мой отец лежит.
Коли встану, подымусь,
Все увидит мать,
Коли выйду и пойду,
Будет знать отец!
А за это время ночь —
Ягод тутовых черней —
Рассветать начнет,

И никак не быть тому,
Что задумал ты в мечтах,
Милый тайный мой супруг!

К а э с и - у т а

Если б только эта почь,
Ночь, когда явился ты, переплыв потоки рек,
На коне на вороном,— ягод тутовых черней,—
Если б только эта ночь
Вечно длиться бы могла!

* * *

За горою, где гора
На пути в Ямасиро,
У людей у всех мужья
Едут на коне,
Только мой
Пешком идет,
Потому-то каждый раз,
Как на это погляжу,
Только в голос плачу я!
А подумаю о том,
Сердце сразу заболит.
Зеркало светлей воды,
Что на память мне дала
Мать, вскормившая меня,
Словно крылья стрекозы —
Из тончайшей ткани шарф —
Память матери моей,—
Все возьми!
И обменяй
На коня,
Любимый мой!

К а э с и - у т а

I

Идауми-река —
Глубоки потоки там,
И у друга моего
Платье, что в дорогу взял,
Верно, вымокнет насквозь.

II

Редкой чистоты
Зеркало есть у меня,
Но какая польза мне?
Если вижу, как с трудом
Переходишь вброд.

III

Если я возьму коня,
Будешь ты идти пешком,
Ладно мне и так!
Пусть мне по камням шагать,
Лишь бы нам идти вдвоем!

* * *

Говорил, что к берегам
Он отправился в Кии,
Говорил, что там найдет
Белый жемчуг для меня.
Горы Имонояма,
Сэнояма перейдя,
Где теперь ты держишь путь?
О, когда вернешься ты?
В думах о тебе
Вышла я на путь прямой,
Что копьё из яшмы,
Там
Стала вечером гадать
И спросила о тебе.
И гаданье ввечеру
Дало мне ответ такой:
Дева милая моя,
Тот, кого ты ждешь,
Тот пошел искать тебе
Белый жемчуг, что несут
Волны возле берегов,
Белый жемчуг, что несут
Волны взморья к берегам.

Не пришел любимый твой —
Ищет нынче жемчуг он,
Не пришел любимый твой —
Собирает жемчуг он.
Если долго — с этих пор
Суток семь должно пройти,
Если быстро — с этих пор
Двое суток быть должно,—
Так сказал любимый твой.
Не тоскуй же так о нем,
Дева милая моя!

Каэси-ута

I

С посохом в руке
И без посоха в руке
Я отправилась бы в путь,
Но не знаю я дорог,
По которым ты придешь!

II

Вот уже спустилась ночь
И сейчас светать начнет,
Распахнувши дверь,
Жду, когда же он придет,
Милый, что ушел в страну Кии?

Сэдока

ИЗ СБОРНИКА КАКИНОМОТО ХИТОМАРО

Там на дне, глубоко под водой,
Жемчуг-водоросли в глубине,—
Там растет «не говори» трава...
С милою моей вдвоем
Мы пришли сюда тайком от всех,
Никому не говори, трава!

* * *

Падает на землю град...
В Оми, дальней стороне,—
Ива у реки Адо.
Нож ту иву не берет,
Срежут — вновь она растет,
Ива у реки Адо*.

* * *

Лестница ведет в амбар — кура...
На горе Курахасияма
Встанут тучи белые сейчас.
Только их я видеть захочу,
Только думу я задумаю свою,
Встанут тучи белые сейчас! *

* * *

Здесь, в Ямасиро,
У храма Кусэ,
Ты не рви зеленую траву! *
В лучший час расцвета своего
Пусть сверкает красотой она,
Ты не рви зеленую траву!

* * *

В Суминоэ,
В Идэми, на берегу,
Не срезайте вы зеленую траву,
Чтобы видеть мне,
Как девы там идут,
Намочив подола красные в росе! *

* * *

— В Суминоэ
Жнец, что жнешь поля,
Разве нету у тебя раба? —
— Раб-то есть, но это ни к чему,—
Поле собственное
Я для милой жну!

* * *

Там, у берега, где пруд,
Не срежьте вы бамбук
Под деревьями цуки,
Ах, хотя бы на него,
В память друга моего,
Буду я глядеть с тоски!

* * *

Дни работ указывает храм...
По дороге, в храм святой идя,
Только платье разорвала я!
Словно яшмы порванная нить,
Думы все в смятенье у меня,
Лучше бы уж дома оставалась я!

* * *

Ту одежду, что я соткала,
Силу рук молодых не щадя,
Для тебя, мой любимый,
Мне какими цветами
С приходом весны
Окрасить на память тебе?

* * *

Лестница ведет в амбар — кура...
Близ реки Курахасигава
Есть камыш-сидзусугэ.
Срезал я,
А шляпу-то не сплел...*
Есть речной камыш-сидзусугэ...

* * *

Даже в день весны
На поле стоишь усталый ты,
Милый, жаль тебя!
Нет у тебя жены,
Нежной, как весенняя трава,
На поле стоишь усталый ты.

* * *

— В гавани для кораблей
Все верхушки камышей
Кто сегодня поломал? —
— Чтоб смотреть, как милый мой
Машет, машет рукавом,
Камыши сломала я!

* * *

Дети, вы, что косите траву
На холме зеленом около меня,
Не годится там ее срезать.
Пусть останется нескошенной она, —
Ведь сюда придет любимый мой ко мне,
Накормлю травой его коня.

* * *

К солнцу, что восходит поутру,
Обращается народ с мольбой...
На горе Мольбы — Мукаинояма
Видно, как взошла теперь луна.
Те, кто жен имеют в дальней стороне,
Верно, глядя на нее, тоскуют о жене*.

* * *

Из-за гор Микаса голубых,
Что в долине Касуга видны,
Выплывает в небеса ладья луны.
У людей столицы
В чарках для вина
Отражается лучистая луна.

* * *

Ты приди сюда
Косить траву,
Чтобы новый дом оградой обнести.
Словно травы, что сгибаются к земле,
Дева юная склоняется к тебе,
Все стараясь сделать для тебя! *

* * *

Дева молодая пляскою своей *
Зазывает счастье в новый дом,
На браслетах жемчуга звенят...
Друга милого, что блещет красотой,
Словно белый жемчуг дорогой,
Пригласи войти с собою в дом.

* * *

О жена, что я скрываю ото всех
Под священными деревьями цуки,
Здесь, в Хацусэ, средь высоких гор
Ночью ясной
С ярко рдеющей луной
Люди не увидят ли тебя? *

* * *

Ту жену, что спрятал ото всех *
Рыцарь доблестный
В смятенье своих чувств,
Не найдет никто и никогда,
Даже пусть насквозь озарены
Лунным блеском небо и земля.

* * *

Ты, долина, что покрыта вся росой,
Когда утром шел любимый мой домой,
Промочила ты ему завязки на ногах!
Встану рано
И пойду по тем дорогам я,
Пусть помочишь ты подол и у меня!

* * *

Нити жизни не жалея для тебя,
Я люблю,
Но много глаз людских кругом.
О, когда бы стал я
Ветерком летящим,
Мы могли бы часто быть с тобой вдвоем.

* * *

Из страны Ямасиро
Юный парень из села Кудза,
Он сказал, что хочет взять меня!
Поважнее много он, чем я,
А сказал, что хочет взять меня,
Юный парень из села Кудза!

ИЗ СОБРАНИЙ СТАРИННЫХ ПЕСЕН

* * *

Не ходите, люди, взад-вперед
По дороге,
Что вокруг холма идет,
Пусть мне служит тайною троицей,
И по ней тогда любимый мой
Будет приходить всегда ко мне*.

* * *

Через щели занавеси той,
Где подвешен жемчуг дорогой,
Постарайся проскользнуть ко мне!
Если спросит мать,
Вскормившая меня,
«Это ветер»,— я отвечу ей!

* * *

Из-за молодой чужой жены,
Что я встретил по дороге в храм,
Где указывают день работ,
Много я ночей лежу без сна,
И в смятенье думы тайные мои,
Словно порванная яшмовая нить...*

* * *

Не встречаюсь с милою моей,
На которую мечтаю я взглянуть,
Как на зеркало кристальной чистоты.
Словно порванная яшмовая нить,
Наша разлученная любовь,
Что сильнее и крепче с каждым днем!

* * *

Словно еду я дорогой дальней,
Что лежит среди морских долин.
Постоянно полон я тоскою,
Как большой корабль на волнах,
Мое сердце нынче беспокойно
Из-за молодой чужой жены...

*Песни, в которых высказываются
думы и чувства*

* * *

О, только лишь когда исчезнут
Названья неба и земли,
О, только лишь тогда
И я, и ты
Навек отменим наши встречи!

* * *

Как не вернется никогда назад
Текущая вода реки прозрачной Удзи,
Где быстро пены исчезает след...
Так, полюбив тебя однажды,
Я никогда тебя не разлюблю!

* * *

Как волны, выходя из берегов,
Бегут порой неведомо куда,
Другому сердце
Не отдам я никогда,
Пусть даже я, любя тебя, умру!

* * *

Даю обет хранить свою любовь,
Пока не оборвутся нити
У белотканого
Заветного шнура,
Хранить до дня грядущей встречи!

* * *

Нижут жемчуга прекрасные на нить...
Никогда, никто мне не развяжет
Мой заветный шнур,
Что был тобой завязан
С тем, чтоб навсегда любовь хранить!

* * *

У владыки вод
На дне морском
Травы наванори — «имя назови»...
Даже пусть я от любви умру,
Имя я не назову твое!

* * *

О, даже в день такой, когда луна,
Что озаряет ярким блеском небо,
Средь вечной высоты,
Исчезнет навсегда,
Я и тогда тебя любить не перестану!

* * *

Пусть даже перестанут течь
Реки Хацусэ
Мчащиеся воды,
Знай: это сердце, полное любви,
Обет, им данный, не нарушит!

* * *

О, только лишь когда вдруг перестанет течь
Река Сикама, что впадает в море
Владыки вод,
О, только лишь тогда
Умрет навек моя к тебе любовь!

* * *

Как течение бегущих вод,
Подымающих своим паденьем шум
У подножия горы Камияма,
Не кончается и будет мчаться впредь,—
Будешь ты и впредь моей женой!

* * *

Если умирают от любви,
То пускай и я умру, любя,
Люди, проходя дорогою прямой,
Что лежит копьем из яшмы дорогой,
Не приносят вести от тебя!

* * *

Эта ночь, что черна,
Словно черные ягоды тута,
О, пускай никогда не проходит она!
Так мучительно ждать будет завтра тебя,
Что меня покидает зардевшимся утром!..

* * *

Вчера, вечернею порой, лишь миг один,
Короткий, как жемчужин встречающих звон,
Я видел здесь ее,
И нынче утром вдруг
Мне показалось, будто я люблю!

* * *

Как тень прозрачная в рассветный час *,
Таким же тонким тело нынче стало,
Все из-за той, что яшмой засверкала
Лишь издали
И навсегда ушла от нас...

* * *

В стороне, называемой Оми, под волнами моря
Дорогая жемчужина * есть, погруженная в воду,
И, не зная ее,
Я любил ее всею душою,
А теперь я люблю еще больше, чем прежде!..

* * *

Эту белую яшму *,
С тех пор как на руки она мной надета,
Не забуду, я думал,
И думы об этом
Неужели когда-либо станут иными?

* * *

Как яшму белую, бывает, иногда
Нанижешь редко — бусы все отдельно,
А свяжешь нить —
И встретятся тогда,
Вот так и мы с тобою, дорогая...

* * *

Как до небесных облаков
Отсюда далеко — так до тебя,
Но пусть с тобою мы в разлуке,
Ведь все равно взамен твоих чужие руки
Не будут изголовьем никогда!

* * *

Лучше пусть исчезну,
Словно белый иней,
Выпавший на землю поутру.
Как я эту ночь, тоскуя и печалясь,
Нынче до рассвета проведу?

* * *

Мой любимый,
Словно этот ветер,
Что у берегов всегда спешит сильней,
Если будешь очень торопиться,
Не придется мне увидеться с тобой!

* * *

Далекая жена,
Вдаль устремив свой взор,
Наверно, вспоминает обо мне,
Прошу вас, облака, не закрывайте лик
Луны, сияющей в небесной вышине! *

* * *

Любимая моя,
О, если меня любишь,—
Как зеркало прекрасное блестя,
Лучом сверкающей луны, что вышла в небо,
Здесь предо мною покажись!

* * *

У обочины дороги
Юри-лилия растет в густой траве *,
«Юри» — значит «после»... «После» — ты сказала,
Но могу ли знать,
Что в жизни ждет тебя?

* * *

Среди трав зеленых, что смешались
С тростником близ устья вдоль реки,
Есть трава «всезнайка» *,
И все люди знают,
Что теперь на сердце у меня!

* * *

На траву зеленую тиса
Тяжестью легла в горах роса,
Оттого и вянет зелень этих трав...
Оттого что в сердце горечь глубока,
Не кончается моя тоска... *

* * *

Возле устья небольшой реки
У осоки корни глубоки,—
Под землей скрываются от глаз.
Не могу я скрыть свою тоску,
О, как тяжела моя любовь!

* * *

Ах, на кровле дома моего
Зацвела «не забывай» трава.
Все смотрю:
А где трава «забудь любовь» *?
Жаль, еще не выросла она...

* * *

Ах, если ты на счастье свяжешь стебли
Средь распростертых знаменитых гор,
Склонив к земле
Цветы прекрасных лилий,—
Мы непременно встретимся с тобой! *

* * *

Расставшись с рукавом моим,
Что раньше стлался в изголовье,
Склонившись, как жемчужная трава,
Ты, верно, будешь спать теперь одна,
Не дожидаясь моего прихода...

* * *

О, если бы ты не пришел сюда,
То все равно зеленая сосна,
Которую вдвоем с тобой сажали,
Чтоб памятью служила нам она,
Тебя дожидаться, милый мой, должна! *

* * *

Возле моря дальнего Тину,
У прибрежной маленькой сосны
Корни глубоко в земле лежат...
Глубоко в душе по-прежнему тоска,
Из-за молодой чужой жены...

* * *

Как журавль далекий, что летает в небе,
Белых облаков крылом касаясь,—
Так и ты...
О как мне трудно, трудно,
Оттого что нет тебя со мною!

* * *

На заре, когда, тоскуя о любимой,
Я не мог заснуть, печалюсь и скорбя.
Надо мною пролетела птица
Осидори *.
Это не гонец ли от тебя?

* * *

Если б только мог увидеть я
Милую, что скрыта от меня,
Будто в коконе, как куколка червя,
Шелковичного обычного червя,
Что выкармливает матушка моя!

* * *

Пусть у бранного меча остры
Лезвия — и с этой стороны, и с той,
Наступлю на них ногами я,
Коли я умру, пускай умру,
Если это нужно для тебя!

* * *

Гребешок из дерева цугэ *,
Каждый раз беру тебя я в руки,
Лишь восходит солнце поутру,
И хотя ты старым стал, но почему-то
На тебя я наглядеться не могу!

* * *

Изголовие из дерева цугэ *,
Лишь придет вечерняя пора,
Ты все время неотступно ждешь на ложе...
Отчего ж никак дождаться ты не можешь,
Чтоб хозяин твой пришел сюда?

* * *

Словно незастегнутое платье,
В беспорядке мысли, полные любви,
Словно на воде песок, в волнении они,
И хотя не знаю я покоя,
Продолжаю в мире этом жить.

* * *

Здесь, у перекрестка множества дорог,
Где решает дело сила слов,
Я гадаю нынче ввечеру.
«Ты, гаданье, правду изреки,
Встречусь ли с возлюбленной моей?» *

* * *

И когда гадал я у дорог,
Что давно отмечены яшмовым коньем,
Где проходят люди,
Там услышал я:
«Ты увидишь милую свою».

* * *

Вспоминаю, как любимая моя,
Провожая в дальний путь меня,
Так заплакала,
Что вымокли насквозь
Белотканые льняные рукава...

* * *

Открывает силой запертые двери
Из святого дерева *, которое растет
Средь ущелий гор.
Эй, уходи отсюда!
Что потом я буду делать без тебя?

* * *

Хоть легла я,
Постелив в один лишь ряд
Скопленные травы комо *,— все равно,
Если спать с тобою, милый мой,
Холодно не будет никогда...

* * *

О, когда бы я увидеть мог
В Аратама, в стороне Кибэ,
Даже сквозь бамбуковый плетень
Милую мою, хотя бы через щель,—
Разве тосковал бы я тогда?

* * *

Если бы пренебрегала я тобой,
О, кому б дала я любоваться мной?
Распустив вдоль плеч и вдоль спины
Пряди длинные волос моих,
Что, как тутовые ягоды, черны?

* * *

Верно, так же как нынче, всегда
Буду горькой тоске предаваться,
С веткой яшмовой
Твоего гонца *
Мне, наверное, не дожждаться...

* * *

Рано утром
Дверь не открывай!
Птицы адзи собираются тогда,
Милый, чьи желанны очи мне,
Этой ночью отдыхает у меня!

* * *

Оттого ли, что, может быть, нынче
Думает он и грустит обо мне,
Ночью черной, как ягоды тута,
Каждой ночью
Мне снится возлюбленный мой! *

* * *

Вот он, знак — чудесную тебя
Встретить, верно, нынче должен я:
Зачесалась бровь —
И с левой стороны *,
С той, где лук всегда носить должны!

* * *

Оттого что велика молва людская,
С веткой яшмовой
Не плюю тебе гонца *,
Ты не думай, милая моя,
Что тебя в разлуке забываю...

* * *

О, даже в эту ночь,
О чем вещало гаданье у дорог, гаданье над костром,
Ты не пришел.
Когда ж еще потом
Мне ждать прихода твоего, мой милый?

* * *

Оттого что дверь дощатая в дому
Из святых деревьев, что растут
Среди ущелий гор, гремит, когда войдешь,
Возле дома милой я на землю лег,
На сверкавший иней у ее порога...

* * *

Платье, крашенное в яркий цвет,
Надевала нынче я во сне*,
С кем меня молва людская свяжет
Наяву,
Судача обо мне?

* * *

Словно ясеневый лук — то натянут, то ослабят тетиву,—
Так и ты. Тебя я не пойму —
Если не приходишь, так не приходи,
Если ты приходишь, так уж приходи,
Почему то не приходишь, то опять приходишь ты? *

* * *

По дороге, что отмечена давно
Яшмовым копьём,
Ходить устал.
Мче циновку б из рогожи постелить,
И смотреть бы мне все время на тебя!

* * *

Подобно поплавку морских сетей,
Что тянут рыбаки
В Цумори, в Суминоэ,
Уплыть бы лучше мне, качаясь по воде,
Чем жить, все время о тебе тоскуя!

* * *

Как огонь костра, зажженный от москитов
Дедом, охраняющим горы и поля,
В глубине горит,
Так и любовь моя,
Что на дне души от всех скрываю...*

* * *

Хоть стала ты стара, как те дома,
Что копотью покрылись в Нанива,
Где люди жгут тростник*,
Но ты — моя жена
И для меня прекрасной будешь вечно!

* * *

Лишь раздался топот быстрого коня,
Как под сень сосны
Из дома вышла я.
И все думала, смотря вокруг:
Может, это ты, мой милый друг?

* * *

Что это за топот слышится коня,
Кто на нем проехал около меня?
На рассвете,
В час, когда не спится мне,
И о милом я тоскую в тишине...

* * *

Средь священной рощи ставят химороги* —
Дерево, в котором скрыто божество,
Берегут его, молясь,
А сердце человека —
Ах, никак не убережь его!

* * *

Верно, глядя вдаль,
Любимый мой
Будет горевать, вздыхая без меня,
В небесах кристальную луну,
Вы не закрывайте, облака!

* * *

Хотела показать тебе, любимый мой,
Прозрачную росу, что на рукав упала
Вчера, когда гадала ввечеру,
Но лишь дотронулась,
Ее уже не стало...

* * *

С нетерпеньем друга ожидаю,
В дом одной мне нынче не войти,
Пусть роса давно уже покрыла
Белотканые
Льняные рукава...

* * *

Ночью, от мороза
Всюду выпал иней,
Выходя из дому поутру,
Ты ногами сильно по земле не топай!
И не выдай людям, что тебя люблю!

* * *

Среди гор, где, говорят, живут
Дикие медведи, есть гора
Сиваса,—
Пускай пытаются люди,
Имя им твое не назову!

* * *

Словно в бездне, среди скал,
Белоснежный жемчуг дорогой,
От людей скрываю я любовь.
И пускай погибну от любви,
Людям я не назову тебя! *

* * *

Ужели буду жить всегда в тоске
И лишь скрывать от всех свою любовь,
Как в бездне, среди скал,
В пучинах горных рек,
Что огибают склоны гор святых?

* * *

Как текущая вода,
Что быстро мчится
У подножия высоких гор,
Шума я не подыму, не бойся,
Даже пусть умру, тебя любя!

* * *

Оттого ли, что слаба преграда
У плотины, где срезать должны
Жемчуг-водоросли *,
Или сердце виновато,
Что любовь так переполнила его?

* * *

Падает на землю град..
В дальней бухте Оура
Приливают волны к берегам,
Пусть шумит о нас с тобой молва,
Все равно тебя не разлюблю!

* * *

Как соль,
Что рыбаки селения Сика
Над разожженными кострами
Выжигают,—
Ах, так же и любовь моя горька...

* * *

Только издали
Видны огни костров
Дальних рыбаков, что ловят судзуки *,—
Только издали мне видеть довелось
Ту, из-за которой полон я тоски!

* * *

Кристалльна гладь воды, и оттого
Челны рыбацкие
Стремятся в даль морскую,
Без отдыха на них вадывается весло,
Без отдыха я о тебе тоскую...

* * *

Ведь ты лишь человек
С непрочною судьбою,
Как лунная трава — цукигуса *.
О, что ты можешь знать, мне говоря:
Мы после встретимся с тобою?

* * *

За плетнем за тростниковым расцвела
Цвета нежного трава никогуса *,
То «травка-улыбка»...
Улыбаясь мне,
Ты не выдай людям, что таит душа!

* * *

Жить остался
Только для тебя!
Ведь давно бы мог я умереть,
Оттого что думы, полные тревог,
Словно скошенные травы на лугах...

* * *

Милый мой,
Моя любовь к тебе
Словно эта летняя трава:
Сколько ты ни косишь и ни рвешь,
Вырастает снова на полях!

* * *

Скройся, листик,
За бамбуковым стеблем!
Ты сиди, мой милый, взаперти!
Если б ты ко мне не приходил,
Разве тосковала б я теперь?

* * *

Оттого что горы высоки,
Стелется в полях жемчужный плющ,
Нет ему ни срока, ни конца,—
О, когда бы так же без конца
Любоваться я тобою мог!

* * *

Много сплетено рядов в циновке,
Сделанной из тонких трав комо,
Если б столько раз мне было суждено
В дом твой приходить,
Ах, сорною травую не покрылись бы пути к тебе!

* * *

Оттого что обо мне не думает совсем
И меня не любит милая моя,
Как бутон скрывает чашечку цветка,
Так скрываю я свою любовь.
Но должны бутоны расцвести!

* * *

Пускай умру я лучше от тоски,
Любовь свою скрывая от тебя,
Румянцем разве выдам я себя,
Как лепестки багряных карааи *,
Расцветшие теперь в моем саду?

* * *

В смятенье от любви,
Что порвалась,
Как нить, где жемчуг дорогой блистал,
Мне остается только умереть
И даже не увидеть вновь тебя!

* * *

Вот нить,
Где жемчуг блещет дорогой,
Сойдутся вместе у нее концы —
Не разойдутся и у нас пути,
Одна нас свяжет нить, как эти жемчуга...

* * *

В океане
На скалистом берегу
Утро каждое я вижу стаи птиц,—
Утро каждое смотреть бы на тебя,
Но тебя не видно, милый мой!..

* * *

Как петух, что вдруг запел
Посреди села,
Громко так не позовет,
Сильно так не закричит
Тайная жена!..

* * *

Должно быть, наступил уже рассвет:
Тидори * возле нас щебечут неустанно,
А изголовье из твоих прекрасных рук,
Из белотканых рукавов твоих
Мне до сих пор еще желанно...

* * *

В час утренний подувший ветерок,
Когда не спал я ночь,
Тоскуя о любимой,
Коль ты, летя, касался девы милой,
Коснись своим дыханьем и меня!

* * *

Как сосенку, растущую с трудом
На голом каменистом берегу,
Жалею имя доброе твое
И потому, тайком от всех людей,
Храню по-прежнему свою любовь!

* * *

Глубоки корни горных лилий,
Что волю узнают богов
В гаданье вещем в Асибану,
Глубокую любовь ни для кого другого,
Я только для тебя, любимый мой, храню! *

* * *

Оттого что надежного нет гонца,
Сердце свое
Я послала гонцом,
Явилось оно к тебе во сне?
Дошла тоска моя до тебя?

* * *

Во сне, где люди не увидят,
Не будут упрекать меня,
Сегодня ночью
В дом войду твой я,
Не закрывай же на ночь двери!

* * *

Оттого ли, что давно я знаю:
Нам теперь не встретиться с тобой,—
Мой рукав
Из белоснежной ткани
Не бывает никогда сухой! *

* * *

В эту ночь, что черна,
Словно черные ягоды тута,
Когда я разлучен с белотканым твоим рукавом *,
Если быстро наступит рассвет, что мне в этом?
Пусть наступит, раз мы эту ночь не вдвоем!

* * *

Когда считала бы тебя подкладкой
У платья черного,
Что носят бедняки *,
О, разве б так молила я прийти?
Но все равно ты не явился!..

* * *

Платье в алый цвет слегка
Лишь окрашено * — и вдруг
Тот, кого не замечала,
Кем всегда пренебрегала,
Полюбила нынче я!

* * *

Взглянул я на стежки у платья,
Которое даря сказала ты тогда:
«Когда пройдут года, глядя на них все время,
В разлуке, милый, вспоминай меня!»
Взглянул — и сердцу стало тяжело...

* * *

Нижут жемчуга прекрасные на нить...
Никогда никто мне не развяжет
Мой заветный шнур,
Что был тобой завязан,
С тем чтоб навсегда любовь хранить! *

* * *

В зеркало кристальной чистоты
Ты смотришь, любуйся, милый мой!
Если будешь в память обо мне
Это зеркало кристальное хранить,
Непрерменно встретимся с тобой! *

* * *

В священном храме,
Где жрецы вершат обряды,
Сверкает зеркало кристальной чистоты *,
Так в памяти моей сверкаешь ты,
И в каждом встречном я ищу тебя!

* * *

О, пусть как бы на лезвие меча
Подымет имя злобная молва,
О нем не буду я совсем жалеть,
Ведь в эти дни последние, мой друг,
Еще сильнее моя любовь к тебе!

* * *

Скрытой в коконе всегда,
Грустно куколке червя,
Что вскормившая меня, выкормила мать моя,—
Грустно сердцу моему,
Ведь не вижу я тебя!

* * *

Верно, буду после тосковать о той,
Что сегодня видеть довелось,
Что сверкала
Дивной красотой,
Как венки из пестрых и лиловых трав!

* * *

Сколько у циновки,
Что плетут из комо,
Мелких получается рядов,
Столько раз хочу во сне тебя я видеть
До поры, как встреча будет суждена!

* * *

Как для ладьи, входящей в гавань,
Помеха злая — стебли тростника, —
Помех немало у меня, но ты не думай,
Приду к тебе, любимая моя,—
Они меня не остановят!

* * *

Лишь издали
Я видела тебя,
Как солнце, что лучами озаряет
В далекой Касуга зеленые поля,
И как теперь об этом я жалею!

* * *

Людам я сказал, что жду луну,
Выплывающую из-за гребней гор,
Распростертых предо мною вдалеке,
Так ответил нынче людам я,
Я, что жду любимую мою!

* * *

Ах, из-за той,
Что видел еле-еле —
Как в темноте рассветной, на заре
Луну ночную в вышине,—
Я продолжаю жить, терзаясь и тоскуя...

* * *

Оттого что яркая луна,
Я из дома выхожу за ворота,
О судьбе гадаю по шагам*.
Даже и тогда, когда мне выйдет счастье,
Неужель не встречу, милая, тебя?

* * *

О, если чувства у тебя такие,
Как в небе облака —
Колеблются легко,—
Не обнадеживай, прошу, меня напрасно,
Мне будет тяжело надеяться и ждать!

* * *

Все время буду я смотреть
На те места, где друг живет любимый,
О, не стелитесь предо мною, облака,
Не закрывайте горы Икома,
Пусть даже льют с небес дождей потоки!

* * *

Зачем с тобою
Близкими мы стали?
Смотреть бы издали мне лучше на тебя,
Как на далекий дым, встающий от огня *
Среди весенних гор, где выжигают травы...

* * *

Тоскуя по своей любимой,
Я выхода не знал,
Пылало все внутри...
Когда же распахнул я настежь двери,
Перед глазами встал густой туман! *

* * *

Ведь возвращался я
В рассветный алый час,
Весь скрытый ранним утренним туманом,
Но отчего же всем известна стала
В то утро наша тайная любовь?

* * *

Когда в саду своем ждала,
Что ты придешь ко мне, любимый,
На пряди черные
Распущенных волос
Упал с небес холодный иней...

* * *

Неужели буду только угасать,
Как поутру белоснежный иней,
И без срока
Тосковать о милой,
Обрывая брэнной жизни нить?..

* * *

Верное, как корни вековой сосны,
Что растет на каменной скале,
Для людей являя божество,
Сердце неизменное твое
Никогда я не смогу забыть!

* * *

Над травой асадзи * в Касуга-долине
Был повешен мной святой запрета знак,
Чтобы та, кого я всей душой люблю
И с которою порвать я не могу,
Вечно оставалась бы моей!

* * *

Пусть сотни раз, пусть много тысяч раз
Шумит молва людская, все равно!
Ах, не такое сердце у меня,
Чтоб свой меняло цвет,
Как лунная трава!

* * *

Траву «позабудь»
Я на шнур свой надену! *
И если без срока
Тосковать буду снова,
Больше жить не смогу я...

* * *

На равнине с мелкою травкою
Вешать незачем теперь запрета знак *,
Но хоть будет выдумкой пустою,
Все равно, скажи, что встретимся с тобою,—
В утешение моей тоски!

* * *

Словно скошенные травы на полях
В Акицу,
В прекрасном Ёсину,—
Думы беспокойные мои,
Много уж ночей лежу без сна...

* * *

Неужели в ожиданье милой
Всю недолгую земную жизнь
Буду тосковать я без конца,
Как в горах Микаса без конца
Длится пышное цветенье белых лилий?

* * *

Оттого что сердце у тебя
Изменяется легко,
Как ханэдзу нежных лепестки,
Зря проходят годы, милый мой,
Хоть и получаю вести от тебя...

* * *

Говорят, что люди умирают,
Если так тоскуют, как тоскую я
Из-за той, что видел миг,
Что хороша,
Как цветы струящиеся фудзи...

* * *

В Суминоэ,
В бухте Сикицу,
Зеленеют травы «имя назови»,
И ведь имя ты мне назвала *,
Странно, что не видимся с тобой!..

* * *

Там, где птицы мисаго,
На берегу каменистом
Зеленые травы «скажи свое имя» *...
И пусть так случится, скажи свое имя,
Пусть даже родители знают об этом!

* * *

Вместе с набегающей волной
Клонятся лишь к стороне одной
Жемчуг-водоросли возле берегов —
Так любовь с моей лишь стороны видна,
И молва напрасно о тебе шумит!

* * *

Нить, где блещет жемчуг дорогой,—
Не двойная нить — ее легко порвать,
И тогда рассыплется жемчуг дорогой...
Ах, когда судьба нас разлучит с тобой,
Разве я смогу не тосковать? *

* * *

Много времени прошло с тех пор,
Как с тобою не встречался я,
Жизнь длинна,
Как яшмовая нить,
Нет теперь в ней смысла для меня!

* * *

Мне кажется теперь, когда моя любовь
Во много раз становится сильней,
В смятенье чувств я умереть могу,
Так нить жемчужная порвется, и тогда
Рассыплется весь жемчуг дорогой...

* * *

Словно утренняя тень
Стало тело бедное мое!
Из-за милой девы молодой,
Что ушла навеки от меня,
Промелькнула, жемчугом блеснув...

* * *

Чем без пользы, так, как я,
Человеком в мире жить,
Лучше куколкой мне стать
Шелковичного червя,
С жизнью краткою, как яшмовая нить...

* * *

В Сбга, средь долины чистых рек,
Где осока дивная растет,
Не смолкая плачут кулики...
Не смолкает так же ни на миг
И моя несчастная любовь...

* * *

Говорят, что даже утки, на рассвете
Вместе с селезнями отправляясь в путь
За добычею,
Когда отстанут хоть на миг,
Начинают тосковать в разлуке!

* * *

В час утренней зари, когда я встал,
Не в силах больше спать,
Грустя о милой,
О, даже петухи простые
В то утро стали жалобно кричать!

* * *

О ворон утренний,
Не каркай рано!
Так тяжело станет мне, когда увижу я,
Как в ранний час зари мой друг любимый
Домой к себе уходит от меня!

*Песни вопросов и ответов,
или песни-диалоги*

* * *

Цвет лиловый получают, подмешав
В краску пепел от растения цуба...
В Цубаити
На скрещении дорог —
Дева, что я встретил,— кто она?

* * *

Может быть, тебе сказала б я
Имя тайное, каким зовет меня
Мать родимая моя,
Но ведь ты — прохожий человек,
Кто ты, разве знаю я?

* * *

Больше не встречаешься со мной,
Верно, есть причина для того,
Даже с веткой яшмовой гонца*,
Что принес бы от тебя привет,
Видно, не дожидаться мне теперь...

* * *

Ах, о том, чтоб встретиться с тобой,
Думал я немало тысяч раз,
Но так много глаз людских кругом
На дорогах, что ведут к тебе,
Оттого тоскую я вдали...

*Думы и чувства,
навеянные странствованием*

* * *

То не цветок ли вишни распустился
И на землю, осыпавшись, упал? —
Так показалось мне...
Кто это появился?
И, как цветок вишневый, вмиг исчез?..*

* * *

Оттого ль, что думаю всегда:
«Месяц сменится,
Увижу я тебя»,—
Даже день еще смениться не успел,
А любовь как будто выросла моя!

* * *

Любимый мой,
Наверно, в мире есть
Любовь, что горькой называется любовью,
Когда подумаю, как буду тосковать,
Покинутая здесь тобой надолго...

* * *

Любимую, на чьих руках я спал,
Украшенных запястьем драгоценным,
Теперь, когда и месяц не прошел,
Смогу ль оставить, скрывшись в отдаленье,
Уйдя за выступы высоких гор?..*

* * *

Ах, в долгий день весны, когда встает
Тумана дымка над землею,
Тебя любя, уйду ли горною тропюю,
Безвестною тропой,
Не знающей конца?..*

* * *

В пути, где горы Абэсима
Жемчужным гребнем в небо поднялись,
Покрытый весь вечернею росой,
Смогу ли я один теперь уснуть
Холодной ночью, бесконечно долгой?..

* * *

Оставив позади вершины гор,
В стране Коси,
Где снег идет чудесный,
В какой же, наконец, из этих дней
Селение родное я увижу?

* * *

Пускай зеленые верхушки всех деревьев
На Асики-горе, все с завтрашнего дня
Нагнутся до земли,
Чтоб мог увидеть я
Места, где дом моей любимой!

* * *

Уйдя, я буду утешаться
Красою бухты
Аритигата,
А вот жена, оставшаяся дома...
Как, верно, будет тяжело ей!

* * *

Как яркие огни костров, что разожгли
Для ловли рыб в Сика простые рыбаки,
Виднеются вдали,
О, если б хоть вдали,
Как те огни, увидеть мне тебя!

* * *

Подобно кораблю, что вдаль уплыл
Из знаменитой бухты Нанива,—
Я от тебя далек,
С тобой расстался я,
Но позабыть тебя не хватит сердцу сил...

* * *

В бухте дальней, что зовут Вака,
Промочив насквозь свой шелковый рукав,
Собираю раковины «позабудь» *...
Но напрасно! Милую мою
Все равно я не смогу забыть!

* * *

Оттого что нахожусь в пути,
Где лишь травы служат изголовьем,
Думы бедные встревожены мои,
Словно скошенные травы комо,
Нету дня, чтоб не скучал я о тебе!

* * *

Известны травы «имя назови»,
Что на скалистых берегах, срезая, сушат
Простые рыбаки селения Сика,—
Ты имя назвала, как будто их послушав,
Но отчего же трудно встретиться с тобой?

* * *

Если думаю я о той,
Что осталась дома одна,
Бесконечна моя тоска,
Словно белые облака
Над полями Акицуну...

Песни, в которых печалются из-за разлуки

* * *

Белотканый твой
Заветный шнур
Я хочу тебе сегодня завязать
Ради дня, когда с тобой опять
Сможем встретиться, любимый мой! *

* * *

Когда оградю зеленой горы
Подымутся во множество рядов
И мы уже не будем больше вместе,
Тебе, любимый мой, в далекий край
Я часто не смогу послать отсюда вести!

* * *

Там, вдалеке, где горы Симакума
Жемчужным гребнем в небо поднялись,
Наверно, в сумерках
Идешь ты одиноко
Заброшенною горною тропой...

* * *

Ты, о ком нить жизни не жалея,
Я тоскую,
Ах, не нынче ли, скажи,
Ты проходишь Адзума-заставу,
Где несется щебет певчих птиц?

* * *

Встречный ветер дует...
В Фукэи у моря
Жертвы приношу на берегу,
Жизнь, которую дарами я спасаю,
Я ведь для любимой берегу!

* * *

Венок священный риса — к счастью...
Счастливым будь в своем пути,
Как лилии в горах —
Полны смятенья думы,
Тоскуя и любя, тебя я буду ждать!

* * *

Быть может, водоросли-жемчуга
Срезаешь ты на каменистых берегах,
Там, где лежит в Цукуси дальний путь,
Давно я жду тебя, любимый мой,
Но до сих пор ты не пришел ко мне...

* * *

О, каждый раз, как выхожу смотреть
На облака над дальнею горой,
В Микаса, в Касуга,
О, каждый раз тогда
Я думаю, мой милый, о тебе!

* * *

Ах, со склонов распростертых гор
Улетает прочь в поля фазан,—
Так и ты уйдешь,
И, проводив тебя,
Разве я смогу спокойно жить?

*Две песни нищих **

ПЕСНЯ ОЛЕНЯ

Дети милые мои,
Государя славные,
Жили-поживали вы,
Может, вы задумали
Из дому в поход уйти?
В стороне Каракуни *
Обитают божества,
Что все тиграми зовут.
Этих тигров, взяв живьем,
Привезли сюда в страну.
Сняли шкуры тигров тех
И сложили их горой,
Как циновки, на земле.
И в горах тех Хэгурі
Весь апрель и месяц май

На охоту все идут,
Чтобы снадобье добыть *.
И однажды в день такой
Возле склонов этих гор,
Где стоят в густой листве
В ряд деревья итйй,
Там, под сенью их ветвей,
Славный ясенеый лук —
Не один, а много их —
Мы держали все в руках,
Из колчанов стрелы мы —
Не одну, а много стрел
Мы держали все в руках,
Поджидали зверя там...
И когда стояли так,
Подошел туда олень
И, горюя, нам сказал:
Вижу: нынче суждено
Умереть внезапно мне,
Государю своему,
Службу сослужу теперь.
Вот мои рога ему —
Украшенье для корон.
Уши бедные мои
Будут тушь его хранить,
А глаза мои теперь
Чистым зеркалом пускай
Засияют для него!
Роговица от копыт
Лук украсит на концах,
Эти волосы мои
Пусть украсят кисть его.
Кожа крепкая моя
Вся пойдет на сундуки,
Мясо нежное мое
Будет кушаньем ему.
Печень вкусная моя
Будет кушаньем ему.
А желудок на пиру,
Как соленье подадут,
И из тела моего —
Бедного и жалкого —
Пышно зацветут цветы.
Будет множество рядов,

Будет множество цветов,
Будет счастье, говорят...
Похвалите песнь мою!
Похвалите песнь мою!

ПЕСНЯ КРАБА

В бухте Нанива,
Озаренной блеском волн,
Выстроив шалаш,
Жил, скрываясь от людей,
В тростниках зеленых краб.
И когда призвал его
Наш великий государь,
То подумал он: зачем
Государь зовет меня?
Хорошо известно мне:
Ни на что не годен я.
Вряд ли он зовет меня,
Чтоб ему стихи сложил?
Вряд ли он зовет меня,
Чтоб на флейте я играл?
Вряд ли он зовет меня,
Чтоб на кото я играл?
Как бы ни было, но все ж
Я его приказ приму.
— Нынче, нынче,— говорят...
Смотришь — завтра настает.
В местность «Завтра» я пришел.
Отправляться будешь в путь —
Ничего не оставляй!
Я в «Не оставляй» пришел.
Хоть и к месту не добрел,
До полей «Добрел» дошел.
Выйдя из ворот дворца
Серединных, что стоят,
Повернувшись на восток,
Вновь приказ я получил
Государя моего.
Коли лошадь —
Так узду надевают на нее,
Коли бык —
Веревку вмиг возле носа закрепят,
А меня, всего скрутив,

Целый день сушили там
На сверкавшем в небесах солнце
Рядышком с корой,
Что содрали в тот же миг
Слуги с множества ветвей
Диких вязов, что растут
Там, средь распростёртых гор.
И в китайской ступе там
Растолкли потом меня,
В ступе же другой, большой,
Размололи в порошок.
И из бухты Нанива,
Озаренной блеском волн,
Свежую, что горше всех,
Соль морскую принесли.
После глиняный горшок,
Что гончар там мастерит
Ныне выйдя,
Поутру притащили для меня.
И, глаза мои теперь
Горькой солью засолив,
Будут есть, меня хваля,
Будут есть, меня хваля!

Песня, высмеивающая монахов

Вместо леса пышной бороды
У монахов лишь пеньки одни торчат —
Можешь привязать к пенькам коня,
Да не дергай сильно впопыхах:
Заревет от боли наш монах!

ОТВЕТ МОНАХА

Мой светлейший господин,
Ты не смейся надо мной!
Сельский староста придет
Да потребует оброк —
Зареветь и твой настанет срок!

ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИИ

Песни неизвестных провинций

ПЕСНИ-ПЕРЕКЛИЧКИ

* * *

Облаком хотел бы стать,
Что по небесам плывет!
Нынче, уходя,
Милой мог бы я тогда сказать:
Завтра я приду к тебе опять!

* * *

Вечер лишь придет,
Как не покидает гор
Полотно плывущих облаков,—
Так и я — мне говорила ты.
Что же изменилось с этих пор?

* * *

Как к вершинам дальних гор
Приплывают облака,
Так и я хочу
Приплывать всегда к тебе,
Словно облако к горе.

* * *

Матерью обруганный твоей,
Ухожу я нынче от тебя
Тучей голубой.
Выйди мне навстречу, милая моя,
Повидаюсь и уйду домой!

* * *

Если б я любил
Так спокойно, как спокоен волн отлив
В тихой бухте Асака,
Лепестки стыдливых укэра *
Людам бы не выдали свой цвет!

* * *

Вороном зовут
Птицу, что слывет лжецом,—
Правду говорит народ.
Не приходишь ты, а вот она
«Коро-ку» кричит: «Любимая придет!» *

* * *

Ведь еще вчера я ночью с милой был,
А мне кажется, что этот миг далек,
Словно журавли,
Что в небесах летят,
Прикасясь к белым облакам...

* * *

Как журавль, что бродит
На полях Абэ,
Проходя холмы,—
Красив любимый мой!
Хоть бы завтра повстречаться нам!

* * *

Не встречаться больше нам с тобой,
Как глазки в рогоже —
Близкими не быть.
И поэтому, как селезень в воде,
Только глубоко вздыхаю по тебе!

* * *

Это птицы лишь летают
Меж соседних двух болот,
Ты не думай,
В моем сердце
Нету двух дорог!

* * *

Пусть олень
Средь зарослей лежит
И пускай его не видно мне —
У ворот любимой проходя, даже мимо,
О, как счастлив я!

* * *

Ведь на милую мою взглянуть пришел,
В думах же у всех совсем не то:
Будто я олень, что разорил поля
Возле гор Ёко, что поднялись,
Как изогнутые брови в небесах!

* * *

В Саватаря
С милой встретился опять,
Но промчался быстро
Конь гнедой.
Ничего не смог я ей сказать!

* * *

Как по мелким по камням
Жеребцу велят бежать —
Больно сердцу моему.
Ох, не близко ли здесь дом
Той, которую люблю?

* * *

Ах, у Асука-реки
Мутно дно —
Не знала я,
Ночи вместе с ним была.
И теперь я горькой муки и раскаянья полна!

* * *

Как у переправы той, возле ивы голубой,
Что пустила почки на ветвях,
Долго я тебя ждала, но воды не набрала,
Только место, где стояла,
Утоптала я тогда!

* * *

Ох, и причиняет боль
Мне жена чужая эти дни,
Как уплывшую ладью,
Позабыть ее я не могу,
И сильнее все о ней тоска! *

* * *

Люди говорят: она — его жена,—
Но зачем мне это говорят?
Уж не потому ль, чтоб понял я,
Что соседа платья
Надевать нельзя!

* * *

У фиалок, что цветут,
Корни тоже в ход идут *,
А у девы той —
Как ни близок сердцем ей —
Не добраться до корней!

• • •

Почему же это так, скажи!
Не встречаемся на майском ложе мы? •
День проходит,
Ночью — тоже нет,
А приходишь ты, когда уже рассвет!

• • •

О, как жду тебя, любимый мой!
Жду, как ждут желанного дождя
В засуху, когда вся в трещинах земля
Сохнет, вспахана,
Пред домом у ворот!

• • •

Как жемчужная трава,
Что растет на диком берегу,
Клонится к земле,
Так, склоняясь, наверно, спишь одна,
Не дождавшись друга своего...

• • •

Посмотри, вот ива:
Если ты срубил — все равно опять растет она,
Если ж от любви
Гибнуть будет в этом мире человек,
Что ты можешь сделать? Ничего!

• • •

Целый день толку я белый рис.
Грубы стали руки у меня.
Хорошо бы, если б в эту ночь
Молодой хозяин мой пришел,
Тронул их и пожалел меня! *

• • •

Я нарочно сказала «нет»
И рис не стала толочь.
Но как колосом пена встает на волне,
Точно так же бурлит все от гнева во мне:
Ведь вчерашнюю ночь я одна провела! *

* * *

В новом выстроенном шалаше
Время шелкопрядов вскармливать сейчас.
Потому и ты, что мне в любви открылся,—
Будто колос у сусуки распустился —
Эти дни совсем не кажешь глаз...*

* * *

Ведь в гаданье у дорог
Голос «эту ночь» предрек,
О любимый мой!
Почему же в эту ночь
Не пришел побыть со мной?!

* * *

Там, где горы, где поля,
У плотины, у пруда
Ива, что сажала я,
Расцветет — не расцветет,
Будем вместе все равно!*

РАЗНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Как на поле здесь, в Санадура,
У холма я сею нынче просо,
Вижу: лошадь милого пришла.
Потянулась к просу; ест... Ну что ж,
Все равно ее не прогоню!*

* * *

В стороне Кивадзуку
Собираю на холме
Травы, что зовут кукумира,
Не набрать корзины мне одной,
Я хочу, чтоб милый собирал со мной!*

* * *

Ах, одежды белотканой рукава
В изголовье положу-ка я себе!..
Вижу, едут из Курага рыбаки,
Возвращаются к себе домой,
Не вставайте, волны, на пути! *

* * *

Ох, густа трава в Ану!
Коли в те поля пойду,
Пусть — открытый путь!
Если не пойду в Ану,
Пусть подыметя сорняк! *

* * *

Осыпаются цветы..
До тех пор, пока
Пик высокий, пик в Она
Не нагнется до земли,
Я хочу, чтоб жив был ты! *

* * *

Подстилка из конопли! *
Что растет в моем саду,
Хоть на эту ночь
Муженька заставь ко мне прийти,
Подстилка из конопли! *

ПЕСНИ-АЛЛЕГОРИИ

* * *

Нежный померанцевый цветок *,
Что расцвел в селении моем,
Притянул к себе, хотел сорвать,
Но оставил, не сорвал его —
Был уж очень молод тот цветок!

* * *

О цветок прекрасный каогахана *,
Что поднялся на холме
В Миядзиро,
Не цветы и лепестков не раскрывай!
Будем мы скрывать свою любовь!

ПЕСНИ ПОГРАНИЧНЫХ СТРАЖЕЙ

* * *

Ах, уйти, оставив здесь тебя,
Жалко сердцу, милая моя,
Хорошо бы — нет другой мечты,—
Чтоб у лука
Рукояткой стала ты!

* * *

Мне остаться, проводив тебя,
Мой любимый,— погубить себя.
Как хотела б
Обратиться даже в лук,
Чтобы быть с тобою, милый друг!

* * *

Когда в стражи я из дома уходил,
Было рано, лишь забрезжила заря...
У ворот моя жена стояла.
Все не знала, как теперь ей быть,
Все боялась мои руки отпустить!

* * *

Милую жену покинул я,
Бросил я ее в селе чужом,—
Тяжко мне!
И глаз не отвести,
Все глядел, пока вдали не скрылся дом...

Песни провинции Хигати

* * *

На горе Цукуба,
Может, выпал снег?
Или нет, не он белеет там вдали?
Это, верно, милая моя
Для просушки расстелила полотно.

* * *

Меж отвесных скал, среди Цукуба-гор,
Хоть и сильный шум от падающих вод,
Исчезает в глубине вода,
А вот я свою любовь хранить
Буду вечно, милая моя! *

* * *

Те ворота, где стоит жена,
У горы Цукуба, скроют облака,
Но пока —
Еще мне виден милый дом —
Буду я махать ей рукавом!

* * *

Где горы Цукуба виден пик,
Только ли орла там слышен крик?
Это плачу я!..
Так вечно мне рыдать,
Коли нам друг друга не видеть!

* * *

Простую женщину из Адзума-страны,
Что для тебя в саду своем растила,
Срезала коноплю, сушила,
Стелила для тебя и так тебя любила,
Заботясь о тебе, не забывай!

ПЕСНЯ, СЛОЖЕННАЯ В ДЕНЬ КАГАХИ
ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ НА ГОРУ ЦУКУБА *

На горе на Цукуба,
Где живут среди пиков орлы,
Среди горных отрогов,
Где струятся в горах родники,
Зазывая друг друга,
Девы, юноши вновь собрались.
У костров у зажженных
Будут здесь хороводы водить,
И чужую жену буду я здесь сегодня любить *,
А мою женою другой зато будет владеть.
Бог, что власть здесь имеет
И правит среди этих гор,
Дал на это согласие людям
Еще с незапамятных пор.
И сегодня одно про себя хорошо разумеи:
Упрекать ты не смеешь
И мучиться тоже не смей!

К а в с и - у т а

Поднялись и все закрыли облака,
У горы, где власть имеет бог мужей,
Дождь все время моросит,
Промокну я,
Но домой уйти я не могу!

Песни провинции Кодзукэ

* * *

О, любовь моя!
И теперь дорога ты мне!
И, как в поле в Тако, в Ирину
Изголовье из трав полевых,
Ты всегда будешь мне дорога!

* * *

Вдоль реки Икахоро,
Где равнина, у ольхи
Корни глубоко растут.
Не гадай, что впереди,
Было б нынче хорошо!

* * *

В Икахо, на высях гор,
Не греми так громко, гром!
Мне хотя и нипочем,
Здесь причина не во мне,
Из-за милой страшно мне! *

Песни провинции Сагами

* * *

Здесь, в стране у нас, в Асигара,
Возле горных склонов Закона
Просо мы посеяли с тобой.
Вот уж и колосья налились,
Странно, что не вместе мы теперь!

* * *

Там, в Камакура,
Где мыс Микоси,
Рушит скалы белая волна,
Ты же никогда жалеть не будешь
О любви своей, любимая моя! *

* * *

Вот подушки из зеленых камышей,
Что растут в Мама, в Асигара,
Ну, зачем же спать тебе на них?
Лучше спи, любимая моя,
Ты на изголовье рук моих!

Песни провинции Мусаси

* * *

В стороне Мусаси, на лугу,
Ворожа, лопатки я оленьи жгу.
Имя друга,
Что таила про себя,
Всем открыла ныне ворожба *.

* * *

Если любишь ты меня,
Помашу тебе я рукавом,
Но в стране Мусаси, на лугах
Укэра от глаз скрывают цвет,
Так и ты скрывай свою любовь!

* * *

Что же делать, если я люблю
Всей душою милую мою?
Пусть в стране Мусаси, на лугах
Укэра от глаз скрывают цвет —
Вряд ли скрыть сумею я любовь!

* * *

Как в стране Мусаси на лугах
Долу клонится зеленая трава
В эту сторону и ту,
Так желаниям твоим
Подчиняюсь, милый мой!

* * *

Там, где Оягахара,
Где дорога в Ирима,
Иваидзура * растет трава.
Как потянешь — склонится к тебе,
Будь и ты такою, не противься мне!

* * *

О возлюбленном моем
Я не знаю, как сказать?
Ах, в стране Мусаси на лугах
Нежным цветом расцветают укэра —
Никогда не вянет тот цветок!

* * *

В дальней стороне Сакитама,
Где стоят в заливе корабли,
Ветер влэй.
Канаты рвутся там...
Только б не пришлось расстаться нам!

Песни провинции Симодзукэ

* * *

В стороне Симодзукэ
На горах на Микамо,
Словно молодой дубок,
Узкоглазая моя.
Чью корзинку понесешь? *

* * *

Ах, в Симодзукэ, в Асо,
Будто не в долинах рек,
Не по камням я шагал,
А с небес слетел к тебе,—
Так открой же сердце мне! *

Песни провинции Суруга

* * *

В бухте небольшой Сида
Поутру плывущий челн
Без причин от берегов
Просто так не мог отплыть —
Здесь причине надо быть!

* * *

Ох, на Фудзи на горе
И длинна, и далека
Горная тропа.
Но когда бы к милой мне идти моей,
Не вздохнув бы я прошел по ней!

* * *

Вот в Суруга, возле моря здесь,
Покрывают густо берег весь
Травы хамацудзура*.
Доверяла я тебе тогда,
Мать родную не послушала свою...

Песни провинции Синану

* * *

В Синану, в селе Суга,
Средь заброшенных полей
Вон кукушка вдалеке,
Слышу, стала куковать,
Значит, нечего мне ждать!*

* * *

На дорогах в Синану
Строят нынче новый путь.
Ты по щебню не ходи!
Не ступай босой ногой,
Ты обуйся, милый мой!

* * *

Вот из здешних мест, из Синану,
Из реки из Тикума, взгляни —
Камешек простой,
Но ступишь ты ногой —
Для меня он станет яшмой дорогой!

Песня провинции Камицуфуса

* * *

В Умагута —
Иней и роса
На бамбуковой листве в горах.
Весь промокнув, я к тебе пришел,
Оттого что я люблю тебя!

Песня провинции Симоцуфуса

* * *

Пусть в стране Кацусика теперь
Ранний рис от сбора первого в полях
Преподносят ныне в дар богам,
Но тому, кто мил душе моей,
Дам ли я стоять напрасно у дверей?! *

ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН СЕВЕРНЫХ ПРОВИНЦИИ

Песни провинции Ното

* * *

В Кумаки на илистое дно
Из Сираги дорогой топор
Уронил и плачу я,
Васи!

Ах, не надо
Горько, горько так рыдать,
Погляжу я,
Не всплывет ли он опять?
Васи! *

Вот что об этой песне передают и рассказывают: был один глупый юноша. Уронил он на дно моря топор, но не знал, что железо, когда падает в воду, не всплывает из глубины на поверхность, поэтому и сложил он такую песню и, громко распевая, говорят, утешал себя.

* * *

Там, где делают сакэ, в Кумаки,
Раб живет, которого ругают все,
Васи!

Я тебя позвал бы с собой,
Я тебя увел бы с собой,
Раб, которого ругают все,
Васи! *

* * *

Там, где горы в Касима,
Там, где остров Цукуэ,
Ракушки «ситадами» *
Соберу и принесу.

В руки камень взяв,
Расколю я, разобью,
В быстрых струях рек
Перемою их в воде.
С горькой солью я
Хорошенько перемну,
В такадзуки * положу,
На поднос поставлю я.
Поднесла ли матери теперь
Хозяюшка — любимое дитя?
Поднесла ли их отцу теперь
Хозяюшка, краса,— любимое дитя?

Песни провинции Эттю

* * *

Пусть в Ооно-стороне
Через рощу путь — заросший путь,
Пусть все зарастет,
Но когда тебе туда идти,
Будут широки тогда пути! *

* * *

В Сибутани,
Где гора Футаками,
У орла родился сын, говорят.
Чтобы выйти для тебя могла
Сасяба * из перьев орла,
У орла родился сын, говорят.

ИЗ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ОСТРОВА КЮСЮ

*Девять песен о моряке Арао
из местности Сига провинции Тикудзан **

* * *

То не государь послал его,
Самый близкий друг послал его,
Ради друга
Наш Арао в путь отплыл
И со взморья машет рукавом.

* * *

О, вернешься, наш Арао, или нет?
Блюда полные несем в руках,
За ворота мы идем
Его встречать,
Ждем его, но нет его и нет.

* * *

С той поры, когда Арао наш
Дом покинул
И отплыл в далекий путь,
Царствует тоска повсюду в бухте.
Плачут об Арао рыбаки.

* * *

Не по должности
Он послан был туда.
Ради дружбы
Плыл он в дальние моря.
И один оттуда машет рукавом.

* * *

Ах, Арао наш!
О судьбе жены своей, детей,
Верно, нету думы у тебя?
Восемь лет прошло, все ждут и ждут,
Но Арао больше не придет.

* * *

Если мимо дальних островов
«Чайка» поплывет, его корабль,
Страж на мысе,
Названном Яра,
Ты скорей скажи об этом нам.

* * *

Средь далеких островов, морей
«Чайка», заблудившийся корабль,
Мыс Яра уже не обогнет,
Нет, уже не плыть ему домой,
Слухов даже нет о нем давно...

* * *

Ах, плывущему в далекие моря
Красному челну подарок дам,
 Попрошу его тебя искать,
Только я боюсь — мой узелок
Моряки откроют без тебя!

* * *

Если бы к большому кораблю
Крепко привязать мою ладью,
Если б я нырнуть могла на дно,
Дорогой Арао, мне скажи,
Может, я найду тебя на дне?..

[ПЕСНИ-ЛЕГЕНДЫ]

Песня, воспевающая юную деву из Мама в Кацусика

Там, где много певчих птиц,
В той восточной стороне,
В древние года
Это все произошло,
И до сей еще поры
Сказ об этом все идет...
Там, в Кацусика-стране,
Дева Тэкона * жила.
В платье скромном и простом
Из дешевого холста
С голубым воротником,
Дома пряла и ткала
Все как есть она сама!
Даже волосы ее
Не знавали гребешка,
Даже обуви не знала,
А ходила босиком,
Несмотря на это все,
Избалованных детей,
Что укутаны в парчу,
Не сравнить, бывало, с ней!
Словно полная луна,
Был прекрасен юный лик,
И, бывало, как цветок,
Он улыбкой расцветал...
И тотчас — как стрекоза
На огонь стремглав летит,
Как плывущая ладья
К мирной гавани спешит —
Очарованные ею
Люди все стремились к ней!
Говорят, и так недолго,

Ах, и так недолго нам
В этом мире жить!
Для чего ж она себя
Вздумала сгубить?
В этой бухте, как всегда,
С шумом плещется волна,
Здесь нашла покой она
И на дне лежит...
Ах, в далекие года
Это все произошло,
А как будто бы вчера
Ради сумрачного дна
Нас покинула она!

К а э с и - у т а

И когда, в страну эту восточную придя,
Взглянешь, как у берега катится волна,
Сразу загрустишь
О деве молодой,
Что сюда ходила часто за водой.

*Песня, воспевающая деву Тамана * из уезда Суэ страны Камицуфуса*

Где гагары, в том краю,
Близко от страны Ава,
Лук из адзуса сверкает
Белой яшмой на концах.
«На концах» звалось село,
Где красавица жила,
Дева Тамана моя,
Дева милая моя.
Та, что грудью широка,
Та, что бедрами узка,
Не девица, а пчела!
От лица ее всегда
Исходил лучистый свет,
Как цветок она была,
Средь людей — красивой нет.
И когда стояла там
И сияя улыбкой лик,
С яшмовым копьём гонец

Забывал дорогу вмиг —
И без зова, сам собой
Вдруг сворачивал с пути,
Приближался к воротам
И не мог уже уйти...
А соседи тех домов,
Что стояли тут же в ряд,
Оставляли жен своих,
Не жалея, говорят!
И без всяких ее просьб,
Уходя от жен своих,
Предложить спешили ей
Стать хозяйкой их ключей.
Так любовью забавлялась,
Как игрушкой, она,
Так жила в краю далеком
Чудо-дева Тамана...

*Песня, воспеваящая Урасима
из Мидзуноэ **

В час, когда туман затмит
Солнца лик весною,
Только выйду я на берег
В бухте Суминоэ
И взгляну, как челн рыбачий
По волнам плывет,
Древнее сказание
В памяти встает.

В старину в Мидзуноэ
Раз Урасима-рыбак
Ловлей рыбы увлечен
Кáцуо и тай,
Семь ночей не возвращался
На село домой,
Переплыв границу моря
На челне своем.

Дочь морского божества
Водяных долин
Неожиданно он вдруг
Встретил на пути.
Все поведали друг другу

И судьбу свою
Клятвой навсегда скрепили,
В вечную страну уйдя...

Во дворец владыки дна,
Водяных долин,
В ослепительный чертог,
В глубину долин,
Парой юною вошли,
За руки держась,
И остались жить, забыв
Горе, старость, смерть.

И могли бы вечно жить
В светлой стороне,
Но из мира суеты
Странен человек!
Раз, беседа с любимой,
Так промолвил он:
«Ненадолго бы вернуться
Мне в мой дом родной!

Матери, отцу поведать
О своей судьбе,
А назавтра я пришел бы
Вновь к тебе сюда».
Слыша эту речь его,
Молвила в ответ она:
«Только в вечную страну
Ты вернись ко мне!

Если хочешь, как теперь,
Вечно жить со мной,
Этот ларчик мой возьми,
Но не открывай!»
Так внушала рыбаку,
Поглядела вслед..
И вот прибыл в край родной
Юноша-рыбак.

Он взглянул на дом, а дома,
Смотрит, нет как нет,
Поглядел он на селенье —
И селенья нет.

И так странно показалось
Все это ему,
Ведь всего назад три года
Он покинул дом!
Нет ни кровли, ни ограды,
Нету ничего —
Не открыть ли этот ларчик,
Может, в нем секрет?
Может, все еще вернется,
Дом увидит он?
И свой ларчик драгоценный
Приоткрыл слегка.

Струйкой облачко тотчас же
Вышло из него
И поплыло белой дымкой
В вечную страну.
Он бежал и звал обратно,
Рукавом махал...
Повалился, застонал он,
Корчась на земле!

И внезапно стала гаснуть
Юная душа,
И легли морщины вдруг
На его чело,
Черный волос вдруг покрыла
Сразу седина,
Все движенья постепенно
Стали замирать...

Наконец и эту жизнь
Смерть взяла себе!
Так погиб Урасима
Из Мидзуноэ,
И лишь место,
Где родился,
Видно вдалеке...

К а э с и - у т а

В бессмертном мире он
Мог жить за веком век,

И вот, по воле сердца своего,
Он сам пошел на лезвие меча,
Как безрассуден этот человек!

*Песня, сложенная при виде
кургана юной девы Унаи **

Там, в краю Асиноя,
Где селенье Унаи,
Дева юная жила —
Это дева Унаи.
С самых малых лет, когда
На две пряди волосы,
И до той поры, когда
Заплетают волосы,
Даже в близких к ней домах —
У соседей с двух сторон —
Никогда за эти годы
Не видал ее никто!
Словно в коконе она,
Словно куколка была:
Взаперти всегда жила,
Будто выглянуть боясь,
И полны по ней тоски,
На нее стремясь взглянуть,
Словно изгородью дом
Окружали женихи!
Был герой там из Тину.
Был герой из Унаи...
От важженного огня
Сажа в хижинах бывает! —
Лучше б им не состязаться
Перед нею никогда!
Стали сватать —
И столкнулись
На пороге судьбы их:
Рукою меча тотчас же
Каждый в руки жадно взял
И надел колчан мгновенно...
Каждый в воду и огонь
За нее готов идти!
И когда в тех состязаньях
Друг для друга стал врагом,—

Дева, горько опечалась,
Матери сказала так:
«Из-за девушки не знатной,
А простой, такой, как я,
Что прядет простые нити
И не ведает шелков,
Если знатные герои
Вздумали себя губить,—
Значит, мне не быть счастливой
С тем, кого хочу любить!
Жив ли будет он — не знаю,
Неизвестно это мне;
Лучше ждать его я буду
В лучшей, вечной стороне».
И, тая на сердце тайну
И не выдав ничего,
Молча плача и горя,
Унаи ушла навек.
Только юноша Тину
Это все во сне увидел,
И, тая на сердце тайну,
Он ушел за нею вслед...
Тут герой из Унаи,
Что отстал теперь от них,
В небеса свой взор направил,
Словно там он их искал!
Громким криком закричал он,
Стиснув зубы, он упал,
Гневный крик его раздался,
Словно он кому кричал:
«Нет, не дам, чтоб мой соперник
Победить меня сумел!»
И схватил он меч свой острый,
Что у пояса висел,
Обнажил его, и после
Не могли спасти героя
Травы Токородзура!..
И на долгие года,
Чтобы память сохранилась,
И на вечные века,
Чтобы все передавали
Этот сказ из уст в уста,
В середине положили
Деву юную тогда,

А с боков легли с ней рядом
Два героя-удальца:
Здесь нашли они покой.
Мы о тех делах слышали,
Ну, а сами не видали,—
Только кажется порой,
Что при нас это случилось,
Слезы катятся рекой!..

К а э с и - у т а

I

Говорят, где юноши легли,
Ветви дерева склонились до земли,
Только там,
Где юноша Тину,
Наклонились они в сторону к нему.

II

Это было в стороне Асиной,
Где в селе красавица жила,
А теперь могила там,
И, глядя на нее,
Люди плачут, вспоминая Унам.

ПЕСНИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕДАНИЯМИ

*[Предание о девушке Сакураноко и двух юношах *]*

В старину жила одна девушка. Звали ее Сакураноко — Дитя вишни, или Вишенка. И жили в ту пору двое отважных юношей. Оба они хотели взять ее себе в жены. И вот затеяли они спор между собой не на жизнь, а на смерть и вызвали друг друга на смертный бой.

Опечалилась тогда девушка и сказала себе: «Ни в старину, ни теперь, никогда еще не слышали и не видали, чтобы одна девушка была невестою в двух домах. Но трудно смирить сердца этих отважных юношей. А стоит мне умереть, и вражда их, верно, исчезнет навеки».

Подумала она так и вскоре ушла в лес и повесилась там на дереве.

А двое отважных юношей, не в силах сдержать своего горя, стали проливать кровавые слезы на ворот своей одежды. И каждый из них сложил тогда песню и излил в ней все, что было у него на сердце.

Вот две эти песни:

I

Облетели
Лепестки у вишни.
И мечтал напрасно я, что буду
Украшать себя ее цветами,
Лишь пора весенняя наступит!..

II

Всякий раз, как расцветут цветы
Вишни той, что носит
Имя милой,
Вечно буду вспоминать о ней
И любить сильнее с каждым годом!

[Предание об отважном юноше и красавице девушке]

В старину жили отважный юноша и красавица девушка. Ничего не говоря родителям, тайно сблизились они друг с другом. И вот однажды захотелось девушке рассказать обо всем отцу и матери. И тогда сложила она песню и послала ее своему возлюбленному.

Вот о чем говорилось в этой песне:

Если любишь — нет муки сильнее,
Чем таить любовь и скрываться,
О, когда бы луна, что скрыта
 за гребнями гор высоких,
Вдруг показалась на небе,
Что сказал бы тогда мой любимый?! *

По рассказам людей, и у юноши была сложена песня, в которой, говорят, он ответил ей. Но до сих пор никак не найдут эту песню.

[Предание о любящих супругах]

В старину жил один юноша. Только женился он, как сразу же был взят неожиданно в вестовые и послан на дальнюю границу. Пока продолжалась служба, свидания ему не полагалось. А время шло, и молодая жена, тоскуя о нем и печалась, заболела и слегла.

Спустя несколько лет окончилась его служба, и вернулся он в родные края. Сразу же явился он домой. И когда взглянули они с женой друг на друга, увидел он, что вся извелась она без него, совсем не похожа стала на себя и от слабости не может слова сказать.

И тут, в печали и горе, проливая слезы, сложил он тогда песню и прочел ее своей жене.

Вот эта песня:

Вот так и бывает
В жизни!
А я думал: чем дальше, тем глубже
Будет дно у реки Инагава,
Тем прочней будет счастье...

А жена его, лежа в постели, услышав песню своего любимого мужа, приподняла голову с подушки и тут же ответила ему. Вот ее песня:

Словно черные ягоды тута,
Черный волос твой влажен,
И хоть падает снег, словно белая пена,
И бушует метель, ты пришел, мой любимый,
Не напрасно тебя я так сильно любила!

[Предание об одной красавице]

Посланная песня:

У дорогой жемчужины, я слышал,
Порвалась нить, и, пожалев о ней,
Решил:
Я нанижу ее вторично
И сделаю жемчужиной своей!

Ответная песня:

Все это правда, у жемчужины прекрасной
Порвалась нить — слух справедлив такой,
Но тот,
Кто нанизал ее вторично,
Унес жемчужину с собой!

Вот что об этом передают и рассказывают. Жила когда-то одна красавица. После того как ее бросил муж, сосватали ее в другой дом. Некий юноша, не зная, что она опять ушла из родительского дома, послал ее родителям песню, испрашивая у них согласие на брак.

Поняли родители, что не знает он толком, что случилось с нею, и, сложив песню, послали ему ответ.

Так он узнал, что она снова ушла из родительского дома.

[Предание о песне любящей девушки]

Если беда случится,
Я всегда буду вместе с тобою,
Даже в склепе
Средь гор Хацуса,
Так не бойся же, мой любимый! *

Вот что об этом передают и рассказывают. Жила когда-то одна девушка. Не говоря ничего отцу и матери, тайком сблизилась она с одним юношей. А тот, боясь гнева родителей, стал колебаться в своей любви. И тогда сложила девушка эту песню и послала ее своему возлюбленному.

*[Предание о песне находчивой унэмэ *]*

Мелок тот колодец, в нем
Даже тень горы видна
Той, что Мелкой названа.
Но моя любовь к тебе
Не мелка, как та вода.

Вот что передают и рассказывают об этой песне. Однажды, когда принц Кацураги * прибыл в провинцию Муцу, управитель провинции и чиновники оказались нерадивыми и встретили его без должных почестей. Принц был очень недоволен и рассержен. И хотя в честь его устроили пир, он все равно был гневен и не принимал участия в общем веселье. Но тут среди гостей оказалась одна красавица из бывших придворных унэмэ, очень утонченная в манерах. Взяв в левую руку чарку для вина, а в правой держа сосуд с вином, она дотронулась слегка до его колена и прочла ему эту песню. Принц сразу же повеселел и после пировал весь день.

[Предание о песне одного простолюдина]

Я пошел на поле в Суминоэ
Песни петь и хоровод водить
И залюбовался там своей женою,
Что сияла зеркалом
Среди жен других! *

Вот что передают и рассказывают об этом. В старину жил один бедняк-простолюдин. Однажды мужчины и женщины из его селения собрались на поле петь песни и водить хороводы *. Среди собравшихся была и его жена. Хороша она была, среди всех выделялась своей красотой. И он еще сильнее полюбил ее и сложил тогда эту песню, восхваляя ее красоту.

[Предание о песне, где поется о листьях лотоса]

Из вечного неба
Пусть дождь бы пролился!
Я хотел бы увидеть, как на лотоса листьях
Заблестела бы жемчугом
Светлая влага! *

Вот что передают и рассказывают об этой песне. Жил один стражник. Был он очень умелым в искусстве слагать песни. Однажды в главном управлении провинции устроили угощение и позвали на пир чиновников. И вот, беря яства, все накладывали их вместо блюда на листья лотоса. Собравшиеся много пили, ели, и не было конца песням и пляскам. И тут подозвали они стражника и сказали ему: «Сложи-ка ты песню об этих листьях лотоса!» И тогда сразу же, в ответ на их просьбы, сложил он эту песню.

КОММЕНТАРИЙ

Составляя избранный том «Манъёсю», переводчик счел нецелесообразным придерживаться принятого в памятнике деления на свитки, понадобилось также ввести и обозначить несколько общих рубрик; при этом преследовалась цель по возможности сохранить (в случае необходимости кое-где сокращая) прозаические введения-заголовки к стихотворению или группе стихотворений (даже если группа представлена лишь одним текстом). Названия разделов и заголовки, введенные переводчиком, заключены в квадратные скобки.

К с. 20. Какиномото Хитомаро (конец VII — начало VIII в.) — один из крупнейших японских поэтов. Биографические данные о нем полулегендарны. Известно лишь, что он занимал скромную должность при дворе и умер вдалеке от столицы, в провинции Ивами, где провел последние годы жизни.

Хитомаро прославлен как лучший мастер *нагаута* — «длинных песен». Знамениты его «плачи» о смерти возлюбленной, о трагической гибели придворной красавицы и др.

Из «коротких песен» (*танка*) пользуется славой его стихотворение, в котором воспевается ночной небосвод.

К с. 22. *С веткой яшмовой вонец...* — В старину к ветке дерева адзуса привязывали яшму и посылали с гонцом в знак привета или с особым известием.

К с. 24. *...ночью черной, что теперь ягод туговых черней...* — постоянное сравнение для темной ночи.

К с. 26. Ёсину — знаменитая своей красотой местность в провинции Ямато (ныне префектура Нара).

К с. 32. Ямато — название главной провинции Японии, где находилась ее древняя столица.

К с. 34. Су с у к и — злаковое растение.

К с. 40. У х а г и — полевая хризантема, народное название ёмэна — «овощи невесты» (название связано с брачными игрищами на полях), многолетнее растение, цветет осенью бледно-лиловыми цветами, листья употребляются в пищу.

Подымалось пламя вверх...— Имеется в виду обряд сожжения.

К с. 44. Ямабэ Акахито (первая половина VIII в.) — знаменитый народный поэт Японии. О нем почти не сохранилось биографических сведений. Известно лишь, что он был незначительным придворным чиновником и много путешествовал по стране. Большинство песен Акахито были сочинены во время путешествий. Акахито слывет лучшим певцом родной природы и известен как непревзойденный мастер *танка*. Знаменитое произведение Акахито, помещенное в сборнике, посвящено любимой японским народом горе Фудзи.

К с. 45. Авадзи — в данном случае название провинции (ныне префектура Хёго).

Инамидзума — название островов в провинции Харима (ныне префектура Хёго).

К с. 46. Куману — название местности на острове Кюсю, где занимались кораблестроением.

К с. 47. Касуга — название местности в окрестностях столицы Нара (провинция Ямато).

Кацусика — название уезда в провинции Симоса (ныне префектура Тиба). Мама — местность в уезде Кацусика.

Обменяться думал он из цветистой ткани с ней поясами навсегда.— Обмен поясами — символ принадлежности друг другу.

К с. 48. Тэкона — народная красавица, воспетая в легендах и песнях. Ей посвящены анонимные песни и песни лучших поэтов «Манъёсю». Тэкона иногда употребляется как нарицательное имя для красавиц.

К с. 51. Трава «не говори» (*нанорисо*) — народное название водорослей, растущих в глубоких местах; считается травой, сохраняющей сердечные тайны.

К с. 53. ...травы «скажи свое имя» (*наванори*).— По народному поверью считалось, что при помощи этой травы можно добиться, чтобы девушка сказала свое имя, что значило дать согласие на любовь или на брак.

К с. 54. Яманоэ Окура (659—733) — выдающийся народный поэт Японии; был чиновником при дворе, некоторое время жил

в Китае. Окура знал китайский язык, китайскую литературу и философию, писал стихи на китайском языке, в его творчестве заметны следы влияния китайской поэзии. Большинство произведений написано в пору пребывания Окура на о-ве Кюсю, в южной части Японии. Только под конец жизни поэт вернулся в столицу Нара, где и умер.

В песнях Окура впервые в японской поэзии нашли отражение социальные мотивы. Из его произведений наиболее знаменита поэма «Диалог бедняков».

К с. 56. ...стонем мы, как птицы нуэдори. Громким стоном...— Птица нуэдори обладала резким, громким голосом, напоминающим стон, поэтому образ ее связан с горем, отчаянием.

К с. 58. ...белотканым рукавом другу помахать—...знак прощания или призыва; образ, распространенный в песнях разлуки или в песнях любви.

К с. 59. ...и рук яшмовых они чуть коснутся...— Эпитет «яшмовый» широко распространен в японской поэзии VIII в. в значении «прекрасный», «красивый», «благородный».

К с. 66. Кара— старинное японское название Китая.

К с. 67. ...семь ...осенних трав!— В соответствии с заимствованным из Китая ритуалом было принято собирать в определенные сроки семь видов растений и варить похлебку, обеспечивающую здоровье и благополучие. В следующем стихотворении дается перечисление этих растений.

К с. 69. Небесная Река— под таким названием в легенде о любви двух звезд (Альтаира и Веги) фигурирует Млечный Путь.

К с. 70. Отомо Табито (665—731)— один из пяти знаменитых поэтов VIII в., придворный чиновник; занимал высокие должности, но подвергся опале и много лет прожил в ссылке на о-ве Кюсю; только под конец жизни ему было разрешено вернуться в столицу.

Из его поэтических произведений наибольшей известностью пользуется цикл песен, посвященных вину; в них поэт высмеивает буддийских конфуцианских схоластов. Многие из его песен навеяны тоской по родным местам и печалью об умершей жене.

...семь великих мудрецов...— Имеются в виду семь китайских мудрецов из бамбуковой рощи, уединившихся, по преданию, во времена Цзинь (III в. н. э.) в роще, где они занимались поэзией и философией, услаждая себя вином и игрой на лютне.

К с. 73. Траву «позабудь» я на шнур свой надену... и т. д.— Одна из известных пяти песен, сочиненных Отомо Таби-

то во время его пребывания на о-ве Кюсю. Табито обращается к старинному народному поверью: если носить с собой траву «позабудь», забудешь о горе.

К с. 74. Песни навеяны китайскими повествованиями о фёях.

Рукав атласный твой... и т. д.— Рукава женской одежды, положенные в изголовье,—образ счастливой любви, широко распространенный в фольклорной и ранней литературной поэзии Японии.

К с. 80. Отомо Якамоти (718—785) — один из пяти известнейших поэтов VIII в. Сын Отомо Табито.

Служил при дворе чиновником, занимал высокие должности, но был заподозрен в заговоре против правящего дома и выслан из столицы. Опале подвергся весь род Отомо, это ускорило смерть поэта.

К с. 81. Яшма — метафора красавицы, возлюбленной.

К с. 82. Сугэ — осока, в данном случае метафора возлюбленной.

Святой запрета знак...— Образ имеет мифологические истоки, подробнее см. примеч. к с. 139.

К с. 84. Гадал на перекрестках, на слова и на шаги...— Гадание на слова (*юкэ*): речь идет о гадании вечерами у перекрестка, когда слушают разговоры прохожих, загадывая о судьбе. Гадание по шагам (*аура*) заключается в том, что загадывают какое-либо желание на определенное число шагов; если число совпадает — желание сбудется.

К с. 86. Завязывание ветвей дерева (иногда завязывают стебли или корни трав) — старинный народный обычай («кусамусуби»). Первоначально это было магическим актом (не дать душе уйти из тела), так молили о долголетьи. Затем это стало молением о счастье вообще, о постоянстве в любви, о благополучном пути, об исполнении желаний и т. п.

Оттого что в тоске по жене громко стонет фазан... и т. д.— Песня имеет аллегорический смысл. Якамоти неоднократно выступал против правящего дома, вследствие чего подвергался изгнанию. Сравнивая себя с фазаном, тоскующим о жене, поэт намекает на то, что, подавая о себе вести семье, он рискует жизнью.

Нэбунохана — японская мимоза.

К с. 87. ...а вот кукушка прилетела...— Кукушка прилетает, когда расцветают цветы унохана, см. примеч. к с. 110.

Цветы прекрасных померанцев... и т. д.— Плоды померанцев, обладающие целебными свойствами, хранят нанизанными на нить.

К с. 88. Цветы ханэдзу — совр. ниваумэ, или нивадзакура — «садовая слива», или «садовая сакура», завезена из Китая. Цветет, как правило, розовыми цветками из пяти лепестков, но иногда на ветках появляются белые цветы, отсюда связываемое с этим растением понятие изменчивости.

Как жемчуг, можно их нанизывать на нить! — Душистые лекарственные плоды обычно нанизывают на нити в мае и называют их «майский жемчуг» (*сацуки-но тама*); нити вкладывают в мешочек из парчи (*кусури-дама* — «лекарственный жемчуг»), украшают его искусственными цветами (ирисами, лотосами и др.) и длинными пятицветными нитями, скрученными в виде шнуров. Это магический акт; считается, что он предохраняет от болезней. Обычай украшать «майским жемчугом» жилище пришел из Китая.

К с. 90. *Дивно светит в эту ночь луна* — намек на возможность свидания (было принято любоваться луной вместе с любимой).

Обана — цветок в виде веерообразного колоса с тонкими узкими длинными листьями, одно из семи знаменитых осенних растений (см. примеч. к с. 67).

Чтобы роса вовек не исчезала... и т. д. — Здесь роса — метафора возлюбленной. Нанизать на нить — в данном случае значит: сделать своей женой.

К с. 91. Хаги — одно из семи знаменитых осенних растений, характерный образ осени (см. примеч. к с. 67).

К с. 92. К подаркам было принято присоединять песню. Обмениваться одеждой, дарить платье со своего плеча было в обычаях того времени.

К с. 94. *Соперничая с белизной снега...* и т. д. — По народным приметам, крики гусей и морозящий дождь заставляют алеть листву; от росы, выпадающей обильно осенью, начинают цвести цветы хаги, снег же ускоряет начало цветения сливы на исходе зимы. Слива и снег — постоянные парные образы в песнях.

Зима прошла, и вслед за нею... и т. д. — Во время цветения сливы принято было встречаться с друзьями или возлюбленной, срывать цветы, плести венки и украшать себя венками.

К с. 95. *...цветы татибана на нить, как жемчуг, нжут...* — см. примеч. к с. 88.

К с. 96. *Верно, дикие гуси, заменить собираясь гонцов...* — Дикий гусь как гонец — образ, очень распространенный в песнях «Манъёсю», навеян китайским преданием о после Суу (период ранней Ханьской династии), который был послан к гун-

нам. Гунны заточили его и сообщили китайскому императору, что он умер. В течение 19 лет Суу находился в заточении. И вот однажды он поймал дикого гуся, привязал к его лапке письмо и отпустил. Гусь был подстрелен над садом императора. Так благодаря письму Суу был спасен и с почестями возвращен домой.

К с. 97. ...белым облаком он встал...— говорится о погребальном обряде сожжения

К с. 99. ...отгибая рукава...— По народным приметам, отогнутые рукава должны вернуть назад уехавшего или ушедшего из дома.

К с. 103. ...в изголовье я кладу белотканый свой рукав.— В старину была примета: если положить вывернутый рукав в изголовье, приснится любимый человек.

Море Оми — имеется в виду известное своей красотой оз. Бива в провинции Оми. В старину морем (*уми*) называли всякое обширное водное пространство.

...там гадает ввечеру...— Речь идет о гадании юкэ, см. примеч. к с. 84.

К с. 104. Гора Футагами (Футаками) — священная гора, одна из красивейших гор провинции Эттю.

К с. 106. Гора Татияма — одна из красивейших гор среди священных гор к северу от столицы Нара (в краю Коси).

К с. 109. Обычно вино изготовляли осенью и подносили богам, при этом молили о долголетию. Песня обращена к возлюбленной.

Священный гимн (норито) читался жрецами с целью очищения от грехов, испрашивания богатого урожая, благоденствия императору и т. п.

...луну заменят нам зажженные огни...— Речь идет о ночном пире. В старину очень берегли масло для фонарей, поэтому обещание заменить луну ярко зажженными огнями выражает особенно настойчивое желание увидеть кукушку.

К с. 110. Ведь месяц наступил, кода цветут цветы унохана... и т. д.— Унохана — белые летние цветы, воспеваются вместе с кукушкой как парные образы. Обычно кукушка поет, когда цветут унохана, поэтому поэт делает оговорку: *Пускай еще бутоны не раскрылись.*

К с. 112. ...утешая, говорят, что «увидимся потом».— Лилия — по-японски «юри», что омонимично слову «юри» — «после», «потом». На этом строится игра слов.

К с. 113. Песни вызывания дождя, в основе которых лежит вера в магическую силу слов, были широко распространены в Японии. До сих пор в японском фольклоре сохранилось много

таких песен, они обычно сопровождаются плясками и подношениями храму.

К с. 114. Богиня солнца Аматэрасу — главная богиня синтоистского культа, считается родоначальницей японских императоров и покровительницей японского народа.

К с. 116. В мае пляшущий фазан... и т. д.— Так как фазан обычно прячется в траве, его называют «тайная жена» (*комо-ридзума*). См. примеч. к с. 87. Поэт, видимо, аллегорически говорит о себе и своей жене.

К с. 119. Ямабуки — керия японская, цветы ярко-золотистого цвета из семейства роз, начинают цвести поздней весной.

К с. 120. Фудзи, фудзи нами-вистария (японская глициния), цветы ее длинными гроздьями спускаются вниз, отчего их часто сравнивают с волнами.

К с. 121. Далека, как свод небес, эта глушь... и т. д.— Отомо Якамоти имеет в виду опалу, которой он тоже подвергался, изгнание из столицы, горечь разлуки с родными и близкими людьми. Посылая бакланов, он хочет развеять грусть Отомо Икэнуси по родным местам.

Первый голос соловья с померанцевым цветком, словно жемчуг, нанизать...— см. примеч. к с. 87.

...и плести себе венки...— Обычай плести венки и надевать их на голову был связан с весенними и осенними обрядами. Впоследствии это стало, по-видимому, просто обычаем во время пиршеств и увеселений в разное время года. Ранней весной плетут венки из веток ивы или цветов слив, вишни, в летнее время (по лунному календарю) — из ирисов и других цветов.

К с. 123. Песня сложена на сюжет старинного народного предания о деве Унаи. Представляет собой один из вариантов популярного сюжета о любви двух, иногда трех юношей к одной девушке.

К с. 124. Дерево цугэ — японский самшит.

К с. 126. Во дворце, в саду... и т. д.— Снегом любовались в те времена так же, как луной и цветами.

«Трава-улыбка» — *никогуса* (совр. *хакоэсо-адиант*) — вечнозеленое растение, служит украшением и обладает целебными свойствами. В песне намек, что возлюбленные могут видеться только один раз в году.

Пока вобьет он кол... и т. д.— Песня сложена Отомо Якамоти в тревоге, что ночь встречи двух звезд может пройти и они не успеют побыть вместе.

К с. 128. И святой сосуд с вином возле ложа своего ставят... и т. д.— В песне говорится об обрядах, сопутствующих

молитвам: у постели ставят сосуд со священным вином, предназначенным в дар богам. Согласно народным магическим обрядам, загибают или выворачивают наизнанку рукава, чтобы увидеть во сне мужа.

К с. 129. Песня сложена Отомо Якамоти, когда он служил младшим помощником начальника военного ведомства.

К с. 133. ...я раковины долго собирал...— В старину в Японии существовал обычай посылать в подарок раковины, водоросли и т. п. При этом было принято говорить о трудностях при поиске подарка, чтобы подчеркнуть любовь к человеку, которому предназначен дар.

К с. 134. Жизнь долгую, чтоб длилась бесконечно...— Вопреки широко распространенным буддийским представлениям о бренности земного существования Отомо Якамоти присуще жизнелюбие, выраженное в данной песне в виде пожелания долгой жизни.

Меняются, проходят времена...— Незадолго до 9 года Тэмпё-сёхо (957 г.) происходили различные смуты, были раскрыты заговоры, многие из заговорщиков были сосланы или казнены.

Людей минувших лет...— Японские комментаторы предполагают, что речь идет и об участвовавших в заговоре против царствующего дома и пострадавших в те годы представителей рода Отомо, а также об отце принца Миката.

Цветам цветущим суждено увянуть...— Якамоти имеет в виду судьбу блестящих царедворцев Татибана Нарамаро и других высоких сановников и государственных деятелей, которые погибли, став жертвами придворных интриг.

Ах, долговечны только корни лилий на склонах дальних распростертых гор...— Якамоти намекает на чиновников, служащих в удаленных от императорского двора глухих провинциях.

К с. 135. О, дивен и хорош... и т. д.— Песня имеет подтекст: времена меняются, но природа всегда прекрасна. Любуйся же ею, и она утешит тебя!

Прекрасный наш сегодняшний хозяин... и т. д.— одна из распространенных приветственных песен на пирах с пожеланием долголетия хозяину.

Хочу я ветви завязать на той сосне...— см. примеч. к с. 86.

Хочу сорвать и спрятать в рукаве цветы асиби...— В старину было принято вкладывать цветы в рукава, чтобы пропитать ароматом одежду.

На голубой равнине моря... и т. д.— В те времена считалось,

что напутствие во времена проводов имеет магическое значение, сулит благополучие отъезжающему. Это объясняется древним верованием в магию слов (котодама-но синко — букв. «вера в душу слова»).

К с. 136. Снег белый, падающий с неба... и т. д.— Самая поздняя песня в «Манъёсю», сложенная в 759 г., и последняя песня Якамоти. Снег, падающий в Новый год, считался предвестием хорошего урожая и благополучия в наступающем году.

Завершая этой песней антологию, Якамоти, видимо, хотел подчеркнуть огромное значение «Манъёсю» для судеб своей страны, своего народа. Возможно, он вкладывал в эту песню особый политический смысл. Ясно лишь одно: автор этой песни надеялся на счастливое будущее и добрые приметы его видел уже в настоящем.

К с. 137. Нукада (вторая половина VII в.) считается лучшей поэтессой своего времени. Сведений о ней сохранилось мало. Известно лишь, что Нукада была предметом раздора двух братьев из императорского рода: фаворитка принца О-ама, она стала затем женой его старшего брата — императора Тэндзи и уехала к нему в новую столицу — Оцу. После смерти Тэндзи Нукада вернулась в провинцию Ямато, где и провела остаток жизни.

Известная песня Нукада. Мотив заимствован из поэзии древнего Китая. Поэтические турниры на эту тему устраивались в подражание китайским обычаям.

Одна из лучших песен Нукада, сложена в пути, когда она покидала прежнюю столицу Асука, где оставляла возлюбленного и направлялась к его старшему брату (императору Тэндзи) в новую столицу Оцу.

К с. 138. Песня адресована прежнему возлюбленному Нукада — младшему брату Тэндзи, принцу О-ама.

М у р а с а к и — многолетняя трава, цветет мелкими цветами, похожими на фиалки, корень ее употреблялся для окрашивания тканей в фиолетовый цвет с красноватым оттенком (*мурасаки* — отсюда и название травы), считался ценным красителем; разводили траву на участках, куда вход посторонним был запрещен. В песне поля мурасаки служат аллегорией чужой собственности.

Запретные поля (симэну) — поля, оцепленные священными рисовыми веревками в знак запрета ступить на них посторонним.

Песня построена на аллегории, в ней намек и на скрываемую любовь, и на то, что она запретна, и на то, что окружающие замечают отношения Нукада и принца О-ама.

К с. 139. Песня сложена, когда принцесса Нукада жила в Оми и была возлюбленной императора Тэндзи (см. примеч. к с. 137).

...то дует ветер...— По народным японским приметам, если в то время, когда думаешь о любимом, подует ветер, значит, любимый вспоминает о тебе и придет. Нукада, думая, что занавес тронул возлюбленный, разочарована: его все нет, это всего лишь ветер.

...завязала бы святой запрета знак...— Образ имеет мифологические истоки. В мифе о богине солнца Аматэрасу говорится о том, как, разгневанная поступками брата, она скрылась в небесном гроте, и тогда восторжествовали злые силы и начались разные беды. Боги стремились различными магическими средствами вернуть ее миру. Наконец, известная своим безобразием богиня Удзумэ принялась плясать, постепенно сбрасывая с себя одежды, и тут боги разразились громовым хохотом. Богиня Аматэрасу из любопытства вышла из пещеры, и в этот миг стоявшие у входа в пещеру боги протянули у нее за спиной веревку из рисовой соломы и не дали ей скрыться в гроте. Поэтому веревка из рисовой соломы, завязанная жгутом, стала знаком запрета, ограждающим от злых сил, от беды. Ею огораживали от посторонних рисовые поля, позднее она сделалась просто символом собственности (см. также примеч. к с. 138).

К с. 140. Отомо Саканоэ (середина VIII в.) — известна как одна из лучших поэтесс «Манъёсю», тетка Отомо Якамоти и мать его жены, известной под именем «старшей дочери Саканоэ». Одно время жила на о-ве Кюсю у своего старшего брата Отомо Табито, когда он был генерал-губернатором Дадзайфу, в 730 г. вернулась в столицу. В «Манъёсю» представлено 85 ее песен, в основном любовная лирика. Славой пользуются «Песня упреков», «Мольба к богам» и многие *танка*.

...с веткой яшмовой...— см. примеч. к с. 22.

К с. 141. В песне описываются жертвоприношения и обряды, которыми обычно сопровождаются молитвы о встрече с любимым человеком, о благополучном пути, продлении жизни и избавлении от бед.

К с. 142. Песня славится искусной игрой слов: «приду» — «не приду».

На горном сугэ не было плодов...— т. е. не было любовной близости. Горный сугэ (*ямасугэ*) — вид горных лилий; в старину использовался при заговорах и гаданиях.

Ханэдзу — см. примеч. к с. 88.

К с. 145. *...птица средь течения быстрых рек не может до-*

быть себе пищи, поэтому служит образом беспомощного человека.

Сукунахикона и Оонамути — имена богов, сотворивших, согласно мифологии, Поднебесную.

Гора «Утешу» (Наго) находится в провинции Тикудзэн на о-ве Кюсю.

Раковины «позабудь любовь» (коивасурэгаи), по народному поверью, помогают забыть любовь, в основе поверья лежит вера в магию слов. Есть и другое объяснение: раковины очень красивы, и, любуясь ими, можно забыть любовь и горе.

К с. 146. ...прекрасный юноша над гребнями горы — т. е. месяц.

К с. 147. ...плодов еще не давшей сливе белой не дайте облететь... и т. д.— Говорится о возлюбленной, еще не ставшей женой, с просьбой не причинить ей вреда, горя. Якамоти был сослан, и Саканоэ беспокоится о дочери, просит уберечь ее от беды (см. примеч. к с. 140).

Ё б у к о д о р и — «звущая птица» (*какко-дори, каодори*) — обозначение ряда птиц, крики которых похожи на зов.

К с. 152. Каса — одна из талантливых поэтесс «Манъёсю». 29 ее песен адресованы Отомо Якамоти. Сведений о ней нет.

К с. 153. Ах, о моей любви... и т. д.— Образы в песне взяты из народной поговорки: «Если увидишь во сне, что открывают ларец, значит, людям рассказали о твоих думах и чувствах».

К с. 154. ...страж островов морских — т. е. пограничный страж (*сакимори*). В песне отражена народная примета: если увидишь во сне рядом с собой меч, значит, тебя ждет встреча с любимым. Если же мужчине снится, что он берет в руки зеркало, — значит, увидится с любимой. Оба эти предмета — постоянная принадлежность воинов (первый) и молодых дев (второй).

К с. 155. Голодные черти (гаки) — изображения грешников (наказанных невозможностью потреблять пищу) в виде скелетообразных фигур устанавливаются в буддийских храмах для устрашения верующих.

К с. 156. Такэти Курохито — один из талантливых поэтов «Манъёсю», современник Хитомаро (конец VII — начало VIII в.). Все его песни созданы во время странствований по провинциям Оми, Микава, Ямасиро, Сэцу.

К с. 158. Каса Канамура (VIII в.) — один из талантливых поэтов «Манъёсю», современник Отомо Табито, Яманоэ Окура, Ямабэ Акахито. Большая часть его песен посвящена путешествиям.

К с. 160. ...мой конь о камне вдруг споткнулся... — Согласно

древнему народному поверью, если конь споткнулся по дороге, значит, дома тоскуют, думают о тебе.

К с. 161. ...белыми цветами, что в дар несут богам...— Искусственные цветы (сираюбана) из волокон кодзо — бумажного дерева, подносимые на алтарь богов.

К с. 162. В те времена было принято сочинять песни от другого лица по его просьбе.

К с. 163. Имосэ — сокращенное название двух гор в провинции Ки: Имонояма и Сэнояма (букв. «гора Любимая» и «гора Любимый»), которые служат символом счастливых возлюбленных.

К с. 168. ...нету дня, чтобы не надел перевязь из жемчугов...— т. е. не проходит дня без молитвы.

К с. 169. Курамоти Титосэ — поэт, современник Акахито и Канамура (VIII в.).

Хиноки — «солнечные деревья», японский кипарис, часто в поэтическом тексте обозначается словом «маки» — «священное дерево». Священными деревьями считаются также сосны и криптомерии.

...в пути, где шнура не развязать...— Понятие «развязывать шнур» — символ любовных отношений.

К с. 171. Хочу на память я окрасить платье в красивой красной глине...— В старину желтая и красная глина употреблялась в качестве красителя, ею натирали материю, одежду. Был обычай окрашивать свою одежду в память о путешествии или одежду возлюбленного в память о встречах.

К с. 171. Отомо Икэнуси (VIII в.) — поэт, друг Отомо Якамоти. Как и Якамоти, был изгнан из столицы. Был судьей в провинции Эттю, когда Якамоти был там губернатором, а затем судьей в провинции Этидзэн.

К с. 173. ...плетем венки... для своих любимых жен...— см. примеч. к с. 121.

К с. 177. ...о друге дорогом я прошу вас позаботиться в пути! — Дальние дороги в старину были опасны, поэтому в «Мангёсю» много песен — дорожных заговоров, песен-заклинаний, песен — молитв об отъезжающем, чтобы он благополучно доехал до места назначения и благополучно вернулся. Молитвы часто сопровождалась дарами богам, особыми обрядами, использовались талисманы, приносящие счастье.

К с. 178. Сами Мандзэй (до принятия монашества — Каса Маро) — поэт, друг поэта Отомо Табито, до пострижения в монахи занимал высокие посты, но, видимо, впал в немилость, стал жить вне столицы, был губернатором провинции, после

пострижения — настоятелем буддийского храма на о-ве Кюсю, где находился в ссылке Отомо Табито.

Тадзихи Касамаро — поэт, современник Хитомаро, путешествовал по провинции Кии, бывал в Цукуси. Других сведений о нем нет.

К с. 180. Абэ Хиронива (VIII в.) — поэт, занимал высокие посты, одно время был губернатором провинции.

К с. 181. Касуга Ою (VIII в.) — сведений о нем нет. В «Манъёсю» восемь его песен, все связаны со странствованиями.

Против мина у берегов Цусима... и т. д. — Путешествие в Китай считалось очень опасным. У берегов Цусима море бывало особенно бурным.

Кумэ Хиронава (VIII в.) — одно время был судьей в провинции Эттю. Других сведений о нем нет.

К с. 182. Отомо Ясумаро (VIII в.) — поэт, занимал высокие посты при дворе, пока род Отомо не постигла опала, отец Табито и Отомо Саканоз, а также Отомо Тануси и Отомо Сукунамаро.

К с. 183. Фудзивара Умакаи (694—737) — поэт, крупный государственный деятель, занимал ряд высоких должностей. Был одним из редакторов этнографо-топографического свода «Фудоки» («Записи о нравах земель»). В бытность губернатором провинции Хитати (719—723) общался с поэтом Такахаси Мусимаро — любителем народных преданий. В «Манъёсю» представлено шесть его песен.

...срезают жемчужные травы морские... — Морские водоросли собирали в пищу и для подарка, в данном случае имеется в виду одно из придворных развлечений.

Такахаси Мусимаро — один из талантливых поэтов середины VIII в., был современником Акахито, Окура, Табито. Некоторое время жил в столице, затем служил чиновником в провинции Хитати, работал под началом Фудзивара Умакаи. Принимал участие в составлении «Хитати-фудоки» («Записи о нравах провинции Хитати»), составителем которого был Фудзивара Умакаи. В «Манъёсю» две песни подписаны его именем, а также использован его сборник записей народных легенд, преданий, песен.

К с. 184. Эта легенда о кукушке была широко популярна в старину.

К с. 185. Жемчужный, как и яшмовый, — постоянный эпитет, употребляемый в значении прекрасный, дивный и т. п.

К с. 186. См. примеч. к с. 163.

К с. 200. История любви Сано Отогами и Накатоми Якамори имеет разные версии. По одной версии, служившая при дво-

ре девушка Сано Отогами стала женой придворного Якамори. По другой — он сделал своей женой жрицу священного храма Исэ, не имевшую права общения с мужчинами, нарушив тем самым существующий этикет, за что был разлучен со своей возлюбленной и сослан в провинцию Этидзэн, на север от столицы Нара. Даже во время великой амнистии 740 г. он не был прощен и только много позже, в 763 г., смог вернуться в столицу и получить должность при дворе.

Эта переписка считается образцом любовной лирики, выражающей безграничную любовь и верность, а также глубокую печаль разлученных, ставших жертвами суровых законов того времени.

К с. 208. Горы Миморо — общее название для священных гор провинции Ямато. Как горы Миморо в большинстве случаев фигурируют горы Мива.

А с и б и — мелкие белые цветы, японская азалия. Цветут раннею весной пышными соцветиями.

Ц у б а к и — японские камелии, цветут весной алыми цветами.

К с. 209. Камунаби — название роц, гор, деревьев, местностей, которые считаются священными, где, по поверью, обитает божество.

...поле чистое богов — священное поле (*мита*), где производятся обрядовые действия, долженствующие обеспечить хороший урожай, первые колосья риса подносятся богам, а зерна, освященные в храме, выдаются крестьянам в качестве талисмана, обеспечивающего урожай.

Ц у к и — японское священное каменное дерево, в старину из его ветвей делались луки.

...запястий бубенцы... — Имеются в виду старинные японские запястья, браслеты (*кусиро*) с бубенчиками (обычно их пять, имеют значение амулетов, охраняющих от злых сил).

...любоваться осенних кленав алою листвою... — Любование алыми кленами (цветами сливы, вишни) — старинный народный обычай. Желание показать любимому человеку алые листья клена (цветы, красивый пейзаж) — распространенный мотив в песнях «Манъёсю».

К с. 213. *И принес бы в дар тебе, чтобы юность возвратить!* — Мотивы старости и мечты о живой воде, возвращающей молодость (*отимидзу*, или *вакагаэримидзу*), встречаются в ряде песен «Манъёсю». Жемчуг и яшма также считаются средством возвращения молодости. Представление, что живая вода находится на луне, возникло под влиянием буддийских легенд. Сама же идея живой воды связана с даосизмом. По-

сколько представление о живой воде есть у многих народов, корни этого явления надо искать в древних народных верованиях.

К с. 215. Старинная песня, исполняется во время проводов в дорогу, своего рода дорожный заговор, обеспечивающий благополучный путь и благополучное возвращение.

О прекрасная страна, где колосья счастья есть и поля из тростника...— Постоянная характеристика страны Ямато (древнее название Японии).

...счастье пусть несут слова!— Имеется в виду древняя вера в магию слов («котадами-синко»), на чем построено напутствие в дальний путь.

К с. 216. *То Ямато, где слова силой дивною полны...*— см. примеч. к с. 215.

...с веткой яшмовой гонец...— см. примеч. к с. 22.

К с. 218—219. *Не дошло до ста...* и т. д.— Одна из древних нагаута, сохранивших переключку женской и мужской сторон хоровода.

К с. 219. *Лишь взгляну на реку Хацусэ я...* и т. д.— Сюжетом песни служит легенда о любви двух звезд — Волопаса и Ткачихи (Альтаира и Веги), в данном случае легендарный сюжет заменен земной ситуацией с конкретным указанием названия реки Хацусэ в провинции Ямато.

О, когда бы мне ладью, крашенную в красный цвет!— В Японии существует поверье, что красный цвет предохраняет от злых сил, от беды, от несчастий, болезни. Это связано с солнечной магией: красный цвет — цвет солнца, а солнце приносит урожай, благополучие. В красный цвет красили ладьи, уходящие в опасное плавание, а также правительственные корабли, отправляющиеся в Китай, куда путь считался опасным.

К с. 220. *О, когда бы мне весло в белых жемчугах!*— Жемчуг в старину имел значение талисмана, возвращающего молодость, продлевающего жизнь, ограждающего от злых сил, приносящего счастье. Им украшали повязки, надеваемые во время обрядов и молитвы.

К с. 221. Песни-диалоги — наследие обрядовых хороводов *утагаки* (на востоке — *кагаки*) с переключкой женской и мужской половин хора.

К с. 222—223. *Запертая среди гор извивается река...* и т. д.— Плач о жене считается одной из лучших песен-плачей собрания старинных песен.

К с. 223—224. *Вот высокая гора...* и т. д.— Песня сложена под влиянием буддийских учений.

К с. 224. Плачи о погибших странниках — особый цикл пе-

сен «Манъёсю», свидетельствующий о тяжелой жизни бедного люда в те времена. Среди странников были и пограничные стражи, и крестьяне, которые, возвращаясь домой после отбывания трудовой повинности, гибли в пути от голода.

К с. 225. Плач жены о погибшем муже — одна из лучших песен «Манъёсю».

К с. 229. *Перевязь из ткани я надеваю на плечо...* — Обряд перед молитвой.

...рукава... моей жены простираются вдали облаками в небесах... — Намек на погребальный обряд сожжения.

Страги — Силла, одно из старинных названий Кореи. В исторической летописи «Сёкунихонги» и других источниках упоминается о неоднократных миссиях в Корею в 729—730 гг.; возможно, данные песни относятся именно к этому времени.

К с. 230. *Большой корабль* — корабль, на борту которого находится посольство.

К с. 232. В песне описаны народные обряды, способствующие благополучию и счастью.

Словно яшму, нанижу зеленеющий бамбук... — Мелко нарезанный бамбук нанизывают на нить и надевают на шею.

И святой сосуд с вином тканями покрою я... — Сосуд с вином накрывают тканью, иногда украшают нуса — тонко нарезанными полосками коры бумажного дерева (кодзо), или полосками белой бумаги, или пряжей и приносят на алтарь.

К с. 238. Кара — в песнях «Манъёсю» название Китая, иногда Кореи, в данном случае Кореи.

К с. 246. Ива, как русская береза, была связана с земледельческой обрядностью, и весной из ее ветвей плели венки и надевали их как украшение. Впоследствии стало обычаем украшать себя венками из ветвей ивы на пирах и всевозможных увеселениях.

К с. 247. К и г и с и (совр. к и д з и) — фазан.

К с. 248. Весенние игры на полях имели обрядовое значение и сопровождалась брачными игрищами. Позднее приняли форму простого увеселения, праздничного обычая.

К с. 249. «Травы счастья» (*сакигуса*) — старинное народное название; считают, что это горные лилии (*ямасугэ*). «Травы счастья» связаны с народными поверьями, существует даже «праздник трав счастья» (*сакигуса-но мацури*) — в апреле. По-видимому, ближайший аналог в славянском фольклоре — повесть о цветущем папоротнике.

К с. 250... *зачем было сажать ямбучи тогда?* — В старину был обычай сажать вместе с любимым человеком цветы, деревья в память о любви или гадая о будущем.

К с. 252. Венок из веток... и т. д.— Песня, посланная возлюбленной с венком.

К с. 254. Цветы татибана, что падали от ветра, в рукав собрав...— Рукав в японской одежде одновременно служит и карманом.

К с. 255. Цветы «всегда» (ицумо-но хана)— народное название прибрежных водорослей. Здесь на этом построена игра слов.

К с. 257. Гвоздика— метафора возлюбленной.

К с. 258. Хикибунэ— ладья, которую спускают в воду, таща на канате.

К с. 263. Кари— по-японски «гусь».

К с. 266. ...зашевелился край рогожи...— Имеется в виду рогожа, которой покрывают крышу сторожки, края ее нависают над входом.

К с. 267. ...и ветка лавра на луне...— Речь идет о народных приметах, когда по луне определяли время появления алых листьев на клене. Лунный лавр— дерево, согласно легенде, растущее на луне.

Со дня того, когда раздались крики гусей далеких... и т. д.— Крики диких гусей— примета осени, их прилет всегда связывают с появлением алой листвы.

К с. 268. Ах, над полем, что возделываешь ты... и т. д.— Поле— метафора девушки; если хочешь сделать ее своей женой, дай всем знать, что она предназначена для тебя. *Святой запрета знак*— см. примеч. к с. 139.

Поле, где посеян ранний рис... и т. д.— Поле— метафора девушки; олени обычно разоряют рисовые поля, здесь об этом говорится иносказательно. *Это поле я, наверно, не скошу...*— т. е. девушка, видимо, не будет моей женой, и ее судьба меня уже не трогает.

К с. 268. Качается в небесном море ладья луны... и т. д.— В песнях «Манъёсю» божество луны предстает в образе юноши, а луна сравнивается с ладьей.

Луна сияет в небесах... и т. д.— Речь идет об осенних обрядовых играх, во время которых принято было украшать себя венками.

К с. 270. На рисовом поле... в сторожке живя...— Осенью, когда созревал рис, на поле ставили сторожку, чтобы охранять поле от оленей и птиц.

К с. 271. Утренний туман поднялся легкой дымкой у сторожки, где костры горят...— Костры жгут на рисовых полях, чтобы отогнать от посевов оленей и вепрей.

Омоигуса— «травя-тоска»— полевое растение со стебля-

ми без листьев, цветет пурпурно-лиловыми цветами, напоминающими львиный зев.

К с. 273. Ведь даже алый клен...— и т. д.— В песне иносказательно говорится о том, что молодая девушка, которую сторожат родители, могла бы встречаться с любимым, обходя «запрета знак» (см. примеч. к с. 139).

К с. 281. Алое платье — метафора красавицы, возлюбленной, алый цвет — цвет любви, и отсюда — «надеть платье» иносказательно означает сделать своей женой, возлюбленной.

К с. 282. Одежда — метафора человека. В черный цвет окрашивали ткань соком вареных желудей. Такие платья носили представители низшего сословия, бедняки.

Жемчужина — метафора красавицы, девушки, возлюбленной.

Ветер, мятежное море — символ помех, преград.

К с. 283. Рвущаяся нить — символ непрочности человеческого существования.

Лшмовая нить — метафора человеческой жизни.

Жемчужину прекрасную хочу... и т. д.— Речь идет о юноше, который хочет завладеть красавицей, принадлежащей другому, и сделать ее своей женой.

Гора — метафора возлюбленной, занимающей высокое положение в обществе (поэтому гора опасна).

К с. 284. Сердце мое так зыбко, так зыбко оно... и т. д.— Речь идет о девушке, не знающей, кому из женихов отдать предпочтение.

...на поле зеленом с рисом молодым колос не созрел — метафора девушки, еще слишком юной.

Знак запрета — см. примеч. к с. 139.

Даже тут лист простой... превратился в шелковый наряд! — Тузовыми листьями выкармливают шелковичных червей, отсюда поговорка: лист тута может превратиться в шелковый наряд, т. е. прилежный труд вознаграждается результатом.

Ту ветку нежную, что стала зеленеть у лавра... и т. д.— Лавр (капура) — метафора девушки. В песне иносказательно говорится о юноше, горюющем, что невеста его еще очень молода и ему придется долго ждать, пока она станет его женой.

К с. 285. Цветок камелии в полях Асасава... и т. д.— Камелия — метафора девушки. Окрасить платье — значит сделать своей женой.

Даже птицам, что приюта ищут...— и т. д.— Девушка сетует на возлюбленного, который не ищет укромного места для встреч, чтобы избежать людской молвы.

Юноша — бог луны.— В данном случае метафора знатного юноши.

Лилия — метафора девушки, возлюбленной.

К с. 286. Думать лишь о том, что в море, в Оми... и т. д.— В песне аллегорически говорится: бояться трудностей — значит никогда не знать счастья.

Белая волна — метафора девушки, возлюбленной. *Грозный ветер* — намек на родителей.

К с. 288. Сделал шляпу я из камыша...— Шляпа — метафора любимой девушки. Надеть шляпу — сделать своей женой. В песне намек на несостоявшийся брак.

К с. 289. ...шляпу эту, милый мой, никому другому не надежь! — т. е. никогда не буду я женой другого человека.

К с. 296. Падают на землю град... и т. д.— Песня-заговор, чтобы любовь продолжалась, несмотря на помехи и преграды.

Лестница ведет в амбар — кура... и т. д.— Заговор вызывания дождя.

Здесь, в Ямасиро, у храма Кусэ... и т. д.— Кусэ — храм в провинции Ямасиро. Трава у храма — иносказательно — чужая жена, с которой нельзя завязать отношений, подобно тому как неприкосновенно все, что принадлежит храму и находится возле него.

В Суминоэ, в Идэми, на берегу... и т. д.— Песня юноши, пришедшего любоваться на торжественные процессии «майских девушек» — *саотомэ*, сажающих на священном поле рис, разодетых в яркие, праздничные платья, в головных уборах из цветов.

К с. 297. ...камыш-сидзусугэ. Срезал я, а шляпу-то не сплел.— Камыш — метафора девушки; шляпу-то не сплел — т. е. не сделал своей женой.

К с. 298. Видно, как вошла... луна... и т. д.— Появление луны считается временем любовных встреч.

Ты приди сюда косить траву... и т. д.— Песня связана со старинной народной обрядностью. Когда крыли крышу в новом доме для новобрачных, происходили обрядовые танцы, пелись обрядовые песни, устраивались молебствия и пир.

К с. 299. Дева молодая пляскою своей...— Речь идет об обрядовой пляске с целью упрочить землю, на которой стоит дом, и благополучие тех, кто будет в нем жить. Слова песни относятся к новобрачной.

О жена, что я скрываю ото всех... и т. д.— Песня связана со старинным преданием о юноше, уведшем возлюбленную в горы и скрывавшем ее там.

Ту жену, что спрятал ото всех... и т. д.— Песня — ответ

на предыдущую. Возможно, обе связаны с обрядовыми хоровами, когда перекликаются женская и мужская половины хора.

К с. 300. Не ходите люди взад-вперед... и т. д.— Заговор с целью в тайне сохранить любовь.

Из-за молодой чужой жены... и т. д.— В «Манъёсю» много песен о любви к чужой жене. Видимо, это связано с обычаями полевых брачных игр, во время которых разрешалось делать своей избранницей на одну ночь чужую жену. *Словно порванная яшмовая нить...*— образ для выражения смятения чувств, дум, образ разлученной любви и т. п.

К с. 304. Как тень прозрачная в рассветный час...— Тень от солнца утром — самая легкая и прозрачная — служит в песнях образом исхудавшего человека.

Дорогая жемчужина — см. примеч. к с. 282.

Эту белую яшму...— см. примеч. к с. 81.

К с. 305. Далекая жена, вдаль устремив свой взор... и т. д.— В старину возлюбленные условливались смотреть в одно время на луну; считалось, что в этот момент их думы и чувства соединяются.

К с. 306. У обочины дороги юри-лилия растет в густой траве...— Юри — лилия, часто используется в песнях для игры слов, название ее омонимично словам: «после», «потом», «впредь».

Трава «всезнайка» (народное название — *сиригуса*, совр. *санкакуи*, *санкакусугэ*) — особый род камыша, цветы его напоминают орхидеи. Возможно, названа так потому, что использовалась для гадания.

На траву зеленую тиса...— и т. д.— *Тиса* — салатный лук, цветет мелкими белыми цветами густыми соцветиями. Девушка сравнивает себя с травой и намекает на то, что от слез вянет ее молодость.

..зацвела «не забывай» трава (народное название — *сидагуса*, совр. *синобугуса*, *нокисинобу*) — растет на кровле старых домов, на скалах.

Трава «забудь любовь» (старинное народное название — *коивасурэгуса*) — то же, что трава «позабудь» (*васурэгуса*), название связано с древней верой в магию слов.

К с. 307. Ах, если ты на счастье свяжешь стебли... и т. д.— см. примеч. к с. 86.

О, если бы ты не пришел сюда... и т. д.— В старину был обычай сажать вместе деревья в память о любви; иногда, сажая деревья, загадывали о счастье, о встрече.

К с. 308. Надо мной пролетала птица осидори.— Осидори —

вид диких уток, гусей. Образ гуся-гонца в песнях «Мангёсю» связан с китайским влиянием, навеянным древним преданием. См. примеч. к с. 96.

Гребешок из дерева цугэ — т. е. самый лучший, из японского самшита.

Изголовие из дерева цугэ...— В старину вместо подушек употреблялись деревянные подставки под голову, в верхней своей части покрытые шелком.

К с. 309. Здесь, у перекрестка множества дорог... и т. д.— Песня-гадание. Речь идет о гадании юкэ (см. примеч. к с. 84). Описание действия и обращение (иногда молитвенное) характерны для песен этого рода.

Святое дерево — маки. Под этим названием встречаются: *хиноки* («солнечное дерево») — японский кипарис, криптомерии (*суги*) и сосны (*мацу*).

К с. 310. Ко мо — долголетняя трава из семейства рисовых, растет в реках, озерах, болотах, в мелкой воде, похожа на камыш.

...с веткой яшмовой твоего гонца...— см. примеч. к с. 22.

К с. 311. Оттого ли, что, может быть, нынче... и т. д.— По старинному японскому народному поверью, если человек тоскует или думает о ком-либо, тот приснится ему.

Зачесалась бровь — и с левой стороны...— Левая бровь, по народному поверью, чешется к встрече с любимым, желанным человеком.

...с веткой яшмовой не шлю тебе гонца...— см. примеч. к с. 22.

К с. 312. Платье, крашенное в яркий цвет, надевала нынче я во сне...— По народному поверью, если во сне наденешь яркое платье, станешь предметом пересудов.

Словно ясеневый лук — то натянут, то ослабят тетиву... и т. д.— Песня построена на игре слов: «приходишь», «не приходишь».

Как огонь костра, зажженный от москитов... и т. д.— Костер от москитов обычно очень дымит, а огонь тлеет внутри, отсюда и сравнение с любовью, спрятанной глубоко в сердце.

К с. 313. ...как те дома... где люди жгут тростник...— т. е. дома бедных людей, топливом для которых вместо угля служит тростник.

Химороги — священное дерево, считается вместилищем божества; кружась вокруг дерева, люди молятся этому божеству. Обычно это вечнозеленое дерево (сосна, хиноки — «солнечное дерево», криптомерия). По другой версии, химороги — священные деревья, охраняющие божество, т. е. сосна, хиноки,

криптомерия, из которых делают священную ограду вокруг святого места, где пребывает божество.

К с. 314. ...людям я не назову тебя! — т. е. не навлеку на тебя позор.

К с. 315. ...слаба преграда у плотины — т. е. у сердца нет сил сопротивляться; *где срезать должны жемчуг-водоросли...* — место, где рыбачки собирают обычно съедобные водоросли, здесь аллегория: «где хотят завладеть чувствами девушки».

К с. 316. Судзук — морской судак.

Лунная трава — *цукигуса* — быстро меняет цвет, образ непрочного.

Никогуса — см. примеч. к с. 126.

К с. 318. Караи (или *кэйто*) — петушиный гребешок.

К с. 319. Тидори — в данном случае японский кулик.

Глубоки корни горных лилий... и т. д. — В данной песне говорится о гадании, обращенном к богам, известном в древности под названием «*ямасугэура*» («гадание на горных лилиях»). Это первоначально народное гадание стало называться «*камиура*», т. е. гадание, с помощью которого узнавали волю богов.

К с. 320. ...мой рукав из белоснежной ткани не бывает никогда сухой! — Намек на постоянные слезы (когда плачут, рукав подносят к глазам).

...когда я разлучен с белотканым твоим рукавом... — т. е. разлучен с возлюбленной.

Когда считала бы тебя подкладкой у платья черного, что носят бедняки... — т. е. когда бы пренебрегала тобой.

Платье в алый цвет слегка лишь окрашено... — Такое платье символизирует начало любви.

К с. 321. Никогда никто мне не развяжет мой заветный шнур, что был тобой завязан... — По обету верности, завязанный любимым (любимой) шнур должен быть развязан им (ею) при следующей встрече.

В зеркало кристальной чистоты ты смотришь... и т. д. — В песне отражено древнее поверье: если будешь носить с собой подаренное зеркало, обязательно встретишься с тем, кто его подарил.

...сверкает зеркало кристальной чистоты... — В синтоистских храмах над алтарем висит зеркало — символ богини солнца Аматэрасу, главной богини синтоистской религии.

К с. 323. ...о судьбе гадаю по шагам. — см. примеч. к с. 84.

К с. 324. ...дым, встающий от огня... — Весной на полях и на склонах гор выжигают старую траву.

Тоскуя по своей любимой... и т. д. — В песне отражено на-

родное поверье: вздохи тоски, горести встают в виде тумана.

К с. 325. Трава асаdzi — метафора возлюбленной. Святой знак запрета — см. примеч. к с. 139.

Траву «позабудь» я на шнур свой надену... — Существует поверье, что, если носить эту траву с собой, забудешь горе.

На равнине с мелкою травю вешать незачем теперь запрета знак... — Намек на то, что огораживать стоит лишь то, что считается ценным, а поле с мелкою травой можно не ценить высоко.

К с. 326. ...и ведь имя ты мне назвала... — Назвать свое имя юноше значило подарить ему свою любовь, дать согласие на брак.

К с. 327. ...травы «скажи свое имя» — см. примеч. к с. 53.

Нигь, где блещет жемчуг дорогой... и т. д. — В песне намек на то, что из двоих любит лишь один, поэтому любовь не может быть прочной и разлука неизбежна.

К с. 329. ...с веткой яшмовой гонца... — см. примеч. к с. 22.

То не цветок ли вишни распустился... и т. д. — Сложено о красавице, промелькнувшей перед глазами.

К с. 330. Любимую, на чьих руках я спал... и т. д. — Песня новобрачного, получившего назначение вдалеке от дома.

Ах, в долгий день весны... и т. д. — Песня мужа, получившего служебное назначение вдалеке от дома.

К с. 332. Раковины «позабудь» — см. примеч. к с. 145.

Белотканый твой заветный шнур... и т. д. — см. примеч. к с. 321.

К с. 334. По мнению японского историка Хани Горо, в песнях иносказательно говорится о тяжелой жизни и участи крестьян, подвергавшихся тяжелой эксплуатации. Предполагается, что это песни типа колядок, с которыми ходили в праздники по домам и рассказывали о тяжелой участи народа.

Каракуни — так называли в песнях Китай или Корею.

К с. 335. ...на охоту все идут, чтобы снадобье добыть... — Имеется в виду охота на оленей; рога, добытые в этот период (апрель, май), используются для изготовления лекарственных средств.

К с. 339. ...лепестки стыдливых укэра... — Укэра — разновидность хризантем, растут в горах, цветут желтоватыми, лиловатыми либо красноватыми цветами, которые полностью никогда не раскрываются, поэтому являются образом затаенной любви. Они, подобно бессмертнику, никогда не вянут и служат также символом вечного и неизменного.

«Коро-ку» — звукоподражание карканью ворона и вместе с тем игра слов: «коро» — любимая, «ку» — придет.

К с. 341. Ох, и причиняет боль мне жена чужая... и т. д.— Песни о любви к чужой жене, видимо, связаны с брачными игрищами, см. примеч. к с. 300.

У фиалок, что цветут, корни тоже в ход идут...— Корни полевых фиалок (*мурасаки*) используются в качестве красителя.

К с. 342. Не встречаемся на майском ложе мы — т. е. во время майских брачных игрищ, см. примеч. к с. 300.

Целый день толку я белый рис... и т. д.— Одна из песен, которыми мужчины и женщины обменивались во время толчения риса для приготовления священных хлебцев, точнее, печений, или пирожных «моти», употребляемых при различных земледельческих обрядах и празднествах. В современном фольклоре встречаются специальные «песни толчения риса» (*тамацуки-но ута*, или *инэцуки-но ута*).

Я нарочно сказала «нет»... и т. д.— Одна из песен, которыми обменивались во время толчения риса.

К с. 343. В новом выстроенном шалаше... и т. д.— Песня, которой обменивались во время ведения хороводов или во время работы. Обряды обычно сопровождали строительство жилищ и построек: новый дом для повобрачных и др. В горных деревнях, где вскармливают шелковичных червей, каждый год сооружают для них новую постройку в виде шалаша. Сусуки — см. примеч. к с. 34.

Там, где горы, где поля... и т. д.— Популярное в древней Японии гадание: у дерева отламывают ветку и втыкают в землю и в зависимости от того, пустит она корни или нет, зацветет или увянет, судят о судьбе, о счастье с любимым, о браке.

Как на поле здесь, в Санацура... и т. д.— Вероятно, имеется в виду провинция Ава — родина проса. Песня пелась, по-видимому, во время работы в поле.

В стороне Кивадзуку... и т. д.— Песня пелась во время работы или ведения хоровода женской половиной хора. Кукумира (совр. *нира*) — лук-порей.

К с. 344. Ах, одежды белотканой рукава... и т. д.— Кладя рукав в изголовье, загадывали о приходе мужа, возлюбленного, так как рукав обычно стелили ему в изголовье. Совершая этот магический акт, женщина заговаривает волны не вставать на пути мужа и не мешать его благополучному возвращению.

Ох, густа трава в Ану... и т. д.— Дорожный заговор, в данном случае может рассматриваться как любовный заговор: «Если я пойду к милой, пусть путь будет мне открыт, если не пойду (другой захочет пойти), пусть подыметесь сорняк», т. е. дорога станет непроходимой.

Осыпаются цветы... и т. д.— Заговор о долголетьи, впоследствии стал просто пожеланием долголетия во время пиршеств. «Осыпаются цветы...» — здесь магическая формула, сулящая счастье, благополучие. В земледельческих обрядах цветы, украшающие головные уборы с атомэ — «майских девушек», совершающих посадку риса, срывают и рассыпают в толпу, люди уносят их домой и берегут как талисманы, обеспечивающие хороший урожай.

Подстилка из конопли... и т. д.— Песня-заговор. По народным поверьям, во время отсутствия мужа в подстилке остается частица его души. Подстилка из конопли — в данном случае ткань из конопли.

Нежный померанцевый цветок — метафора юной возлюбленной.

К с. 346. Меж отвесных скал, среди Цукуба-гор... и т. д.— Песня — любовный обет, считается одной из песен, которыми обмениваются во время обрядовых хороводов на горе Цукуба.

К с. 347. В песне отражен древний обычай брачных игрищ, происходивших на горе Цукуба. Кагахи (в западных провинциях — у тагаки — «песенный плетень») — обрядовые хороводы вокруг костра, сопровождаемые песнями и заканчивающиеся брачными играми. Позднее хороводы вблизи столицы приняли характер сезонного обычая, а затем просто увеселения.

...и чужую жену буду я здесь сегодня любить... — См. примеч. к с. 300.

К с. 348. В Икахо, на высях гор... и т. д.— Обращение с магическим призывом к грому: данная местность славилась внезапными страшными ударами грома. Песня пелась мужской половиной хора.

Там, в Камакура, где мыс Микоси... и т. д.— На мысу Микоси в Камакура с такой силой волны бьются о скалы, что разбивают камни.

К с. 349. В стороне Мусаси, на луку... и т. д.— Оленью лопатку обычно держали над огнем и по трещинам на ней определяли имена, судьбу — одно из распространенных гаданий в древней Японии.

Иваидзура — трава, растущая среди скал и имеющая священный смысл (ивау — «праздновать», «молиться»; трава склоняется как бы с мольбой).

К с. 350. Узкоглазая — т. е. красивая. *Чью корзинку понесешь?* — т. е. чьей женой ты станешь?

Ах, в Симодзукэ, в Асо... и т. д.— Любовный заговор с целью узнать чувства любимого человека.

К с. 351. Хамацудзура — вид плюща, растущего на берегу и обладающего исключительно длинными корнями, поэтому служит сравнением и образом прочного, крепкого, бесконечного, в данном случае любви. «Думала, твоя любовь будет вечной, как хамацудзура, а оказалось иначе» — таков смысл песни.

...вон кукушка вдалеке, слышу, стала куковать...— Кукушка — синоним лета. В старину по прилету и пению птиц определяли сроки земледельческих работ. По лунному календарю в мае, когда происходит посадка риса, сопровождается обрядовыми хороводами, плясками, брачными игрищами, происходят любовные встречи. Запела кукушка среди заброшенных полей — значит, кончились встречи.

К с. 352. Пусть в стране Кацусика теперь... и т. д.— В ночь накануне праздника «ниинамэ-сай» (праздник вкушения первого риса) налагались очистительные запреты: не полагалось впускать в дом никого чужого, возбранялась всякая любовная связь. Первые колосья риса, а впоследствии и денежные приношения взамен риса (слово «хацухо» — «первые колосья» — стало обозначением для благодарственных денежных приношений в храмах) подносили богам в благодарность за милость, т. е. хороший урожай. Затем вкушали рис в совместной трапезе в каждом доме или в каком-нибудь одном, в центре деревни, празднуя урожайный год.

К с. 353. В Кумаки на илистое дно из Сираги дорогой топор уронил... и т. д.— Истоком этой песни считают случай, описанный в летописи Конфуция («Чунью», пятая книга пятикнижия Конфуция). Там рассказывается, как один человек из провинции Чжоу, переезжая реку, уронил в нее меч, сделал на лодке зазубрины у того места, где уронил меч, и сказал: «Здесь я его уронил, здесь и найду». Топор из Кореи, или из Сираги, считался особенно ценным.

В а с и — ритмический припев, характерный для народных песен.

Там, где делают сакэ, в Кумаки... и т. д.— Песня раба, распевалась во время работы в винодельне, за изготовлением сакэ — рисовой японской водки.

Там, где горы в Касима... и т. д.— Старинная обрядовая песня, относящаяся к свадебно-семейному циклу; молодая хозяйка потчует родителей. Ситадами — мелкие съедобные ракушки.

К с. 354. Такадзуки — посуда в виде небольшой пиалы на высокой ножке, в старину делалась из глины, позднее из дерева и покрывалась лаком.

Пусть в Ооно-стороне... и т. д.— Дорожный заговор, оберегающий любимого в дороге.

Сасиба — в старину обычная принадлежность знатных людей, имевшая форму веера с длинной ручкой, делалась из перьев птиц. Использовалась в качестве опахала, которое слуги держали или несли справа и слева над знатной особой во время торжественного шествия, церемонии и т. д.

К с. 355. Песни сложены от лица жены, детей и соседей моряка Арао. Его друг, старик-крестьянин, получил приказ перевезти по морю груз с рисом. Взявшись выполнить это поручение вместо старика, Арао погиб на своем корабле во время бури.

К с. 357. Такона — см. примеч. к с. 48.

К с. 358. Тамана — легендарная красавица, воспетая в песнях.

Песня о Тамана передавалась как легенда, и любитель народных песен Такахаси Мусимаро воспел красавицу. Однако его песня в «Манъёсю» помещена как анонимная.

К с. 359. Легенда о рыбаке Урасима — одна из самых знаменитых легенд древней Японии, в разных вариантах встречается в японском фольклоре, в различных японских памятниках и книгах: «Танго-фудоки», «Юряку-ки» и др. Данный вариант считается наиболее древним.

К с. 362. Легенду о деве Унаи и любви к ней двух юношей, воспетой во многих песнях, можно найти и среди анонимных песен, и среди песен известных поэтов.

К с. 365. Старинное народное предание о девушке Сакура-ноко (букв. «дитя вишни», «вишенка») бытует в разных вариантах. Говоря о вишне, первый юноша в своей песне подразумевает погибшую девушку. В песне упоминается о старинном обычае, когда весной украшали себя цветами и надевали венки.

К с. 366. *О, когда бы луна, что скрыта за гребнями гор высокох...* — Если луна, которая прячется за гребнями гор, вдруг покажется — значит, девушка хочет сказать: «Я расскажу о нашей тайне, что ты на это скажешь?»

К с. 368. *Если беда случится...* и т. д.— «Если умереть — умрем вместе» — таков смысл песни. Это выражение чувств вошло в знаменитую поговорку: «Если с тобой, то хоть в водопад Кэгон» («Кими то нараба Кэгон-таки мадэ»). Водопад Кэгон знаменит как место самоубийства влюбленных. Горы Хацуса — одно из известных мест погребений.

Унэмэ — «придворные девушки» — деревенские красавицы, которых отдавали в храм, где они становились жрицами

(еще раньше их, видимо, приносили в жертву богу рисового поля), а затем стали поставлять на службу во дворец, где они играли роль паперсниц императриц, обучались искусству пения и танцев, развлекали гостей на пирах.

Принц Кацураги — историческое лицо. Есть мнение, что это Татибана Мороз — известный поэт, которому некоторые приписывают (наряду с Якамоти) славу составителя «Манъёсю».

...что сияла зеркалом среди жен других! — Круглое зеркало в Японии — одна из трех священных реликвий (зеркало, меч, яшма), символ богини солнца Аматэрасу; в песнях — образ внешней и внутренней красоты, а также всего чтимого и ценного.

К с. 369. Собрались на поле петь песни и водить хороводы. — Полевые игры (*та-асоби*) связаны с земледельческими обрядами, целью которых было испрашивание у богов хорошего урожая риса.

Из вечного неба пусть дождь бы пролился... и т. д. — Автор песни хотел подчеркнуть, что красивые листья лотоса, которые служат предметом эстетического любования, кощунственно употребляются в пищу. Он предпочел бы любоваться ими, когда после дождя капли воды блестят на них жемчужинами.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Е. Глускина. Поэзия заката древности и ранней зари средневековья</i>	3
--	---

Авторская поэзия

Какиномото Хитомаро	20
Ямабэ Акахито	44
Яманоз Окура	54
Отото Табито	70
Отото Якамоти	80
Нукада	137
Отото Саканозэ	140
Каса	152
Такэти Курохито	156
Каса Канамура	158
Отдельные произведения разных авторов	166

Анонимная поэзия

Песни неизвестных авторов и записи народных песен разных провинций	208
[Песни четырех времен года]	244

Народная поэзия

Из народных песен западных провинций	288
Из народных песен восточных провинций	338
Из народных песен северных провинций	353
Из народных песен острова Кюсю	355
[Песни — легенды]	357
Песни, связанные с преданиями	365
Комментарий	370

М24 Манъёсю. Избранное. Пер. с яп., сост., предисл. и коммент. А. Е. Глускиной. Худож. Э. Л. Эрман. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

398 с. с ил.

В книге собраны избранные переводы из трехтомного полного перевода памятника древнеяпонской поэзии (издание было осуществлено в начале 70-х годов). Представлены произведения крупнейших поэтов Японии VII—VIII вв., запечатлевшие характерные черты традиционной японской лирики: восприятие мира и человека через образы природы, поиски красоты и гармонии.

М $\frac{4703000000-053}{013(02)-87}$ без объявления

ББК 84.35(Я)

МАНЪЕСЮ

Избранное

Редакторы *Л. М. Ермакова, Н. Я. Северина*

Младший редактор *Г. А. Бурова*

Художник *Э. Л. Эрман*

Художественный редактор *Б. Л. Резников*

Технический редактор *Э. С. Теплякова*

Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 15519

Сдано в набор 18.04.86. Подписано к печати 24.02.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Вклейка отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 21+0,1 вкл. Усл. кр.-отт. 21,57. Уч.-изд. л. 20,39. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5745. Заказ 1812. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»

103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

ИСПРАВЛЕНИЯ

На с. 125 следует читать:

*Сложено при виде костров,
разведенных рыбаками*

Созрея колосом,
Не станет ли видна,
Как тот костер, зажженный рыбаками,
Чтоб скумбрия на свет горящий шла,—
Моя любовь, что охранял я тайной?

*Сложено в день,
когда выпал снег*

Пока еще не стаял снег,
Идемте же со мной полюбоваться,
Как все в снегу
Сверкают яркие плоды
В горах растущих померанцев!

На с. 189 стк. 4 св. следует читать:

во время путешествия императрицы [Гэнсё]

